

Секция VII. Русская лексика как система

Семантические изменения заимствований из русского в английском, итальянском и французском языках

М. Ю. Авдонина

Московский государственный лингвистический университет
mavdonina@yandex.ru

Summary. The naturalization of lexical borrowings from Russian in English, Italian and French comes with semantic changes, new meanings and connotations, grammatical development, derivation, metaphoric use, term formation. Italian is quasi hermetic for Russian words, English depends on the variant, French is much more hospitable for Russian language and culture, the studied group of non-exotismes includes: *Berezina, Goulag, cosaque, matriochka, moujik, Natasha, pogrom, politbureau, Sibérie, spoutnik, stakhanoviste, steppe, troika, etc.*

Целью нашего исследования является выявление таких заимствований из русского языка, которые присвоены европейскими языками и используются вне российского контекста. Исследование текстов современных печатных изданий и частной переписки в блогах и форумах Интернета показывает, что полностью принятые в состав языка русские слова приобретают полисемичность и метафорическое употребление; устойчивые коннотации; способность к деривации (*vodkisation*); изменения грамматических категорий (*une moujik*), переход в другую часть речи. В английском языке выявлены серьезные различия между вариантами языка в этом плане: в США и Канаде русские слова более употребимы, нежели в других англоязычных регионах. В итальянском русские слова поступают исключительно как экзотизмы, только два слова полностью присвоены и употребляются очень широко: *стахановец / stacanovista* (и как существительное, и как прилагательное, с негативной коннотацией «совсем заработался», хотя, называя так себя, человек может иметь в виду и похвалу: «трудяга») и *Сибирь / сибирский* с значением «холодное место, удаленная и жуткая страна: *Nella giornata di Santa Lucia, un intenso nucleo freddo dalla Siberia si è portata rapidamente verso la nostra regione* (www.centrometeolombardo.com); *Freddo siberiano fino all'inizio della prossima settimana* (fai.informazione.it); в шутивном сравнении 60-летней женщины с Сибирью: *A 60 anni la donna e' come la Siberia: tutti sanno dov'e' ma nessuno ci vuole andare* (swanbros.blogspot.com). Французский язык наиболее открыт для русских заимствований, к изучаемому подклассу относятся, в частности, слова *Березина, водка, гулаг, казак, матрешка, мужик, Наташа, погром, политбюро, Сибирь, спутник, стахановец, степь, тройка* и др.

Слово *Березина* во французском языке частотно и означает «полный и сокрушительный провал», в школьных учебниках так ярко описано отступление из России, что это слово описывает выборную кампанию: *Avec l'espoir d'effacer la Berezina de 2004, les chefs de file UMP* (*Le Monde*, 20.03.2009); спортивный матч: *le match à Arras s'est transformé en longue et pénible Berezina* (maville.com, 28.03.2009); попытку взять кредит: *Un simple «D», c'est la Berezina* (*Ouest-France*, 26.03.2009); судебный процесс: *Berezina pour l'accusation* (*Dernières Nouvelles d'Alsace*, 20.03.2009); ситуацию на предприятии: *Palme de la Berezina pour TF1, avec une dégringolade de 18% par rapport à la même période de 2008* (*Ecrans*, 27.03.2009); *Mais la découverte de cette berezina de la finance nous enseigne au moins une chose* (*Marianne2.fr*, 13.03.2009). Отметим важное изменение — переосмысление завершено, и слово пишется с маленькой буквы.

Особенностью слова *гулаг* (в расширенном смысле «бесправие и угнетение», например, в секте или в отношении иммигрантов) является его повышенная способность к деривации: *c'est toi le fasciste, goulagiste de mes deux!!* (www.jeuxvideo.com, 13.02.2006); *Tu ne lis pas le totalitarisme goulagien dans cette posture agressive?* (www.candiulb.be, 09.11.2008); *on emploie toujours les mêmes méthodes (bientôt le goulago?) pour faire taire le peuple avide de libertés* (tempsreel.nouvelobs.com); и вхождение в длинные составные цепочки: *on me traite de gauchiste révolutionno-goulago-cégéto-maoïsto-casseur* (forums.france2.fr); *Berlusconi, de plus en plus inquiétant: Le fascisme goulago-génocidaire dans toute sa splendeur* (www.marianne2.fr).

Слово *матрешка* имеет значения: 1) стереотипа русской культуры (часто не матрешка — сувенир из России, а наоборот, Россия — страна матрешек и как кукол, и как сексуальных рабынь, и как красивых девушек) с коннотацией слишком яркого фольклорного стиля; 2) конструктивного принципа, который также имеет широкое употребление как метафора в текстах политической, философской, экономической тематик.

Слово *мужик* приобрело значения, не похожие на русские, это, прежде всего, выражение «обращаться как с мужиком», имеется в виду «бесправное существо». При разводе Саркози журналист оформил это слово артиклем женского рода, говоря о его бывшей супруге: *Cécilia a été traitée comme une moujik* (tempsreel.nouvelobs.com), как и в заглавии романа Сан-Антонио 1969 года *En avant la moujik*. Вторая сема — грубость внешняя и внутренняя: *Ce virtuose aux traits frustes de moujik* (в биографии французского музыканта); *Mérimos mal peigné! Mouchard! Moujik! Moule à gaufres! Mufle!* (о Саркози).

Политбюро стало названием органа партий многих стран: *The politburo of the ruling MPLA* (*AngolaPress*, 14.09.2009). Однако, в английском и французском языках есть и второе значение, «группа лиц, принявших келейное решение»: *Opposing the motion, party vice-chair Ann Gallagher said that the commission was largely composed of people nominated by the party leader. She urged delegates not to hand over power "to the backroom boys and the politburo"* (*Irish Times*, 29.03.2009).

Широко употребимым, показывая значимость русских образов в мировой культуре, является слово *спутник*: благодаря юбилею выхода человечества в космос в октябре 2007 года этим словом называют технические устройства, телеканалы и радиостанции, кинотеатр, интернет-кафе в Париже, ники, блоги, игры, в фильме студии Дисней *Race to Witch Mountain* («Ведьмина гора», 2009) есть русская собачка *Спутник* (контаминация с *Белкой* и *Стрелкой*, кстати, так названа и одежда для собак: *Manteau Spoutnik* (boutique.waliboo.com)). Летом 2008 г. так был назван вновь открытый вирус. В английском и французском языках слово имеет значение «эпоха конца 50-х годов», ее надежд, мечтаний, стиля мыслей: *pour moi, Les Années Spoutnik est un chant pour une culture défunte. C'est l'écroulement des trois empires* (www.asteline.ca, 14.03.2007); музыки (*Sputnikmusic*), дизайна (например, описание дома в Канаде: *Déco rétro. Chrome, spoutnik et stratifié* (montoit.cyberpresse.ca)). Выявлены коннотации: маленький и высокотехнологичный: *OUF1-1, le spoutnik des jeunes Liégeois... ce nano-satellite de 10 centimètres de côté* (www.actu24.be); звук бип-бип (в жалобе на головные боли): *J'en ai marre d'avoir un spoutnik qui fait bip-bip dans la tête. L'important, c'est la santé* (www.chondre.com, 30.09.2006).

В отличие от слов *тундра* и *тайга*, слово *степь* употребляется расширенно: в историческом романе о Карфагене и пунических войнах «Contes et récits de l'histoire de Carthage», автор Jean Defrasne неоднократно применяет сочетание «африканская степь», то есть сема географической локализации утрачивается.

При переводе на русский необходимо подбирать эквиваленты выделенных значений.

Микрополе «пустыня» как часть семантического поля «пустота» в идиолекте М. И. Цветаевой (на примере поэтических текстов)

И. А. Бобрышева

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

bobrysheva.irina@mail.ru

Семантическое поле, микрополе, сема

Summary. Microfield «desert» belongs to semantic field «emptiness». The most important meanings of *desert* for Tsvetaeva are 'extensiveness', 'emptiness', 'bottomlessness' and 'completeness'. On the one hand, desert is a space, on the other — it's a realization of emptiness.

1. Семантическое поле «пустота», в которое входит анализируемое микрополе, в идиолекте М. И. Цветаевой включает две группы значений, основанных на противоположном понимании пустоты как отсутствия и как потенциальной полноты. Подобной амбивалентностью в целом характеризуются и микрополе «пустыня».

2. Микрополе «пустыня» в поэтических текстах М. И. Цветаевой представлено целым рядом слов, которые можно разделить на группы: а) само слово *пустыня*; б) однокоренные слова: *пустошь*, *пустынь*, *пустынища*, *пустынно*, *пустынный*; в) слова, характеризующие одну из разновидностей пустыни: *песчаная*, *пески*; г) топонимы: *Сахара*.

3. Современные толковые словари фиксируют следующие значения слова *пустыня*: 1) 'обширное, необитаемое пространство земли со скудной растительностью или вовсе лишенное растительности', 2) 'вообще безлюдное место', 3) 'место, где мало или совсем нет народу, публики' [2: 831].

4. В поэтических произведениях М. И. Цветаевой слово *пустыня* в ряде случаев употребляется в прямом значении (значение 1), например: «А за спиной была *пустыня* / И где-то станция Джанкой... // И тихо золотилась дыня / Под Вашей длинной рукой» [3, т. 1, кн. 1: 185]; «Всюду бегут дороги, / По лесу, по *пустыне*, в ранний и поздний час» [3, т. 1, кн. 1: 277] (в последнем случае значение слова *пустыня* подчеркивается благодаря употреблению лексемы *лес*, которая в данном примере является контекстуальным антонимом рассматриваемого слова).

5. Большинство словоупотреблений показывает, что автор в разных контекстах актуализирует отдельные признаки пустыни, среди которых наиболее значимыми для М. И. Цветаевой являются 'обширность', 'незаполненность', 'поглощающая бездонность', 'заполненность' (последние три характерны для всего семантического поля «пустота»). Выделенные значения актуализируются благодаря употреблению лексемы *пустыня* в словосочетаниях, где рассматриваемое слово может быть определяемым с одиночным определением (*водная пустыня*, *земная пустыня*, *пустыни беспамятны*, *прекрасная пустыня* и др.), с обособленным постпозитивным определением (*пустыня*, *пустынная до краю очей*), а также может употребляться с несогласованным определением (*пустыня славя*, *пустыня Девичьего Поля*) или быть частью лексико-синтаксического окказионализма (*белая свет-пустыня*).

6. Значение 'обширность' реализуется в таких словосочетаниях, как *водная пустыня*, *земная пустыня*, например: «Люди спят и видят сны. / Стынет водная *пустыня* <...> Тишина над гладью водной» [3, т. 1, кн. 2: 44]. В данном стихотворении пустыня представляется водной гладью без границ, на видимое отсутствие которых указывает темнота ночи («люди спят и видят сны»). Возникает образ простирающегося водного пространства, которое автор называет пустыней, тем самым подчеркивая его безграничность и необитаемость.

7. Семы 'незаполненность' и 'поглощающая бездонность' тесно связаны и основаны на понимании пустыни как абсолютного отсутствия. Значение 'незаполненность' является наиболее частотным среди всех употреблений слова *пустота* в поэтических текстах М. И. Цветаевой. В цикле «Памяти А. А. Стаховича» рассматриваемая лексема входит в словосочетание *пустыня Девичьего Поля*, которое начинает третье стихотворение цикла, а уже в следующем стихотворении данное словосочетание употребляется еще раз в несколько трансформированном виде: *на кладбищенских Девичьих Полях*. Таким образом, под пустыней в данном случае подразумевается кладбище, на это указывает имя собственное

Девичье (одно из кладбищ в Москве) и прилагательное *кладбищенский*, которое во втором случае заменяет лексему *пустыня* в рассматриваемом словосочетании. Используя слово *пустыня*, автор подчеркивает пустоту кладбища, которая в первую очередь царит в сердцах людей, которые, как и лирическая героиня, бредут «за ныряющим гробом». С другой стороны, пространство самого кладбища мыслится и воспринимается пустым, несмотря на то, что оно хранит в себе сотни людей. Подобное значение реализуется в стихотворении «Сахара»: «Красавцы, не ездите! / *Песками* глуша, / Пропавшего без вести / Не скажет душа <...> Пропавший *покоится* / В надежном *гробу* <...> Стихами — как странами / Он въехал в меня: / *Сухую*, *песчаную*, / *Без дна* и без дня <...> пустыни *беспамятны*, — / В них тысячи *спят*» [3, т. 2: 128]. Здесь, как и в предыдущем примере, микрополе «пустыня» связано с полем «смерть», представленного словами *покоится*, *гроб*, *спят* (ср. *спит мертвым сном*). Пустота пустыни требует заполнения, поэтому затягивает всех без разбора и предаёт забвению («пустыни беспамятны»), при этом автор указывает на бездонность пустынь («сухую, песчаную, без дна и без дня»), а, значит, говорит о бесконечности поглощения.

8. Микрополе «пустыня» кроме значения 'незаполненность' включает сему 'заполненность', которая реализуется в стихотворении «Пустоты отроческих глаз! Провалы...»; рассматриваемое микрополе представлено словосочетанием *пустынная до звону* и лексемой *пустота*, употребляющейся в единственном и множественном числах, которые определяют глаза отроков. В данном случае глаза, согласно афоризму, понимаются как зеркало души, отражение внутреннего содержания. Мотив зеркальности на лексическом уровне поддерживается словами *зеркальные*, *зыбь* (указание на водную поверхность), *водной* (возникает образ сложенного над водоемом и отражающегося в зеркальной глади) и *лазурь* (в значении 'цвет моря'). «При обозначении глаз как пространства лазоревый цвет, с одной стороны (в противопоставлении черному), связан с пустотой не как опустошенностью после страсти, а, подобно белому цвету, с пустотой бесстрастия» [1: 132]. Употребление лексем *дворничаньицы* и *книгохранилища* одновременно указывают на заполненность глаз, а в данном контексте душ отроков. Сталкиваются два вида знаний: земное, книжное, получаемое в результате опыта, которое никогда не будет абсолютным; и изначальное, априорное, истинное знание. Глаза-провалы отроков выдают в первую очередь отсутствие лишений, переживаний в их жизни, что, указывает на чистоту и незамутненность их представлений.

Таким образом, в микрополе «пустыня» выделенные значения можно условно разделить на три группы: 1. Значения, не связанные с семантической оппозицией *отсутствие / потенциальная полнота*, являющейся основной для всего поля «пустота». Это значения 'обширное, необитаемое пространство земли со скудной растительностью или вовсе лишенное растительности' и 'обширность'. 2. Значения, основанные на понимании пустоты как отсутствия: 'незаполненность' и 'поглощающая бездонность'. 3. Значение, связанное с представлением о пустоте как о потенциальной полноте, — 'заполненность'.

Литература

1. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л., 1989.
2. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2005.
3. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997.

К вопросу о семантическом потенциале негативно-оценочного слова

А. И. Бушланова

Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург)

aleksasha@mail.ru

Метаоператор, негативно-оценочное слово, выразительное средство, семантический потенциал слова

Summary. The paper describes one of the expressive methods of the modern Russian language — the methalinguistic word commenting with negative semantics. Using the psycholinguistics experiment the author distinguishes the frames of the method usage.

Яркой чертой языкового портрета говорящего является его склонность к метаязыковому комментированию, т. е. к разного рода разъяснениям, уточнениям собственной речи или ее оценке. Среди разнообразия метаязыковых комментариев особый интерес вызывают конструкции, включающие метаоператор «в хорошем смысле слова», который присоединяется к лексическим единицам, обладающим негативной семантикой. Например: *Для того, чтобы добиться успеха в Москве, помимо способностей и таланта, человек должен быть в хорошем смысле слова амбициозным* (Вечерняя Москва, 24.01.2008).

Использование метакомментария при таких единицах формирует новое средство речевой выразительности, поскольку погруженность негативно окрашенной лексической единицы в положительный метаязыковой контекст приводит к ее семантическому «перевертыванию», к смене отрицательной семантики на положительную при сохранении интенсивности негативной оценки.

Наблюдения за этим речевым приемом закономерно приводят к вопросу об определении границ его существования: любое ли негативно-оценочное слово под влиянием метаоператора «в хорошем смысле слова» семантически переполюсовывается? Этим вопросом и определяется целевая установка данного исследования.

Поиск ответа на поставленный вопрос осуществлялся экспериментальным путем. Из «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой нами были выбраны 10 лексических единиц (существительные и прилагательные), содержащих в своем значении однозначно негативную оценку лица (или его деятельности, поведения). Приведем список выбранных слов: *куриные (мозги), предатель, иуда, крыса, кровопийца, жестокий, гнилой, аморальный, слонтяй, безвольный*. Опрашиваемым предлагалось ответить на два вопроса: а) могут ли эти слова сочетаться с метаоператором «в хорошем смысле слова»? б) если такое сочетание возможно, то каково его значение? Эксперимент был проведен среди студентов политологического и филологического факультетов Уральского университета.

Охарактеризуем полученные результаты. Большинство опрашиваемых на вопрос о возможности существования предложенных высказываний ответили отрицательно, что свидетельствует о том, что в языковом сознании носителя языка положительный метаоператор «в хорошем смысле слова» несовместим со словами, обладающими резко «осуждающей» семантикой и ярко выраженной негативной окраской. Однако нашлись немногочисленные ответы, пред-

ставляющие собой индивидуально-творческую попытку толкования предложенных сочетаний и свидетельствующие о том, что развитое языковое мышление конкретного носителя языка способно извлечь из любого (!) негативного слова положительный смысл. Например: *иуда, в хорошем смысле слова* — «древнееврейское имя», «роль в мюзикле “Jesus Christ Superstar” — тогда иуда может стать синонимом хорошего актера»; *крыса, в хорошем смысле слова* — «о человеке, родившемся в год Крысы»; *предатель, в хорошем смысле слова* — «двойной агент», «возможно в определенном социуме или контексте определенного времени. Например, Павлик Морозов — предатель, в хорошем смысле слова»; «если говорящий не против, чтобы его „предали“ (если прозвонит, например, как похвалу за то, что „проговорился“ нужному человеку)»; *куриные мозги, в хорошем смысле слова* — «если курица — номинация женщины, характеризующая ее домовитость, любовь к детям», «например, в разговоре о мужчинах и женщинах: если мужчин предварительно сравнить с петухами. А „куриные мозги“ в данном случае для женщины вполне выгодны»; *кровопийца, в хорошем смысле слова* — «требовательный, дотошный человек», «о человеке, одевшемся вампиром на маскараде», *жестокий, в хорошем смысле слова* — «в молодежном жаргоне: классный, крутой, от слова „жесть“»; *аморальный, в хорошем смысле слова* — «в контексте современных нравов, когда нарушение некоторых норм, а также достаточно распущенное поведение не считаются зазорными», «человек, который отпускает сальные, но смешные шутки»; *слонтяй, в хорошем смысле слова* — «о человеке, который ведет себя как неопытный, маленький, но это умиляет», «мягкий, сентиментальный, ранимый».

Эти немногочисленные факты творческой интерпретации подтверждают, что в границах определенного индивидуального языкового мышления из любого негативного эмоционально-оценочного слова, несмотря на его понятийную и коннотативную составляющие, могут быть извлечены положительные смыслы. С одной стороны, этот материал подтверждает известную мысль о неисчерпаемой глубине лексической семантики. С другой стороны, показывает, что контекст, в котором реализуется положительная семантика негативных слов, должен быть либо узко специализированным (ср.: *иуда* — «герой мюзикла», *крыса* — «о человеке, родившемся в год Крысы»), либо достаточно развернутым, в котором через ряд последовательных логических рассуждений автор может прийти к выводу о положительном смысле слова с отрицательной семантикой (ср.: развернутость ответа о куриных мозгах женщины).

Лексемы *креативный, креатив*: значение, употребление, коннотация

И. Т. Вепрева

Уральский государственный университет (Екатеринбург)

irina_vepreva@mail.ru

Актуальное слово, заимствование, словообразовательный потенциал, развитие значения

Summary. The paper is devoted to the new nominations *creativnyj, creativ*. Basing on the utterances monitoring and analyses the authors describe the new meaning, distinguish the development of the free co-occurrence, determine the connotative augmentation, fix the semantic spheres of actual word-of-the-day functioning.

Заимствованное слово *креативный* и производное от него *креатив* являются новыми в современном русском языке, быстро вошедшими в активный оборот. Слово *креативный* вошло в русский язык раньше, но употреблялось только в качестве термина в научном обороте. Войдя в широкий речевой обиход наряду с массой других новых слов, единицы *креативный, креатив* приобрели статус модных, т. е. высокочастотных и престижных в своем употреблении, ср.: *Из игры медленно и верно уходит то, что сегодня принято называть модным словом «креатив»* (Итоги; 10.07.2006).

Как всякие модные единицы, эти слова оказались окруженными, с одной стороны, аурой неодобрения и неприятия, с другой стороны, они характеризуются привлекательностью и сверхупотребительностью (см. о параметрах модного слова: [1]). Приведем ряд рефлексивных высказываний, которые иллюстрируют оценочное восприятие носителем языка данных слов: *А «креативный» — что-то от «кретина» слышится; В русском языке есть хорошее слово. Такое русское слово, которое мы заменили не очень хорошим западным словом «креатив»; А в русском есть*

«придумка»; Это сладкое, это загадочное модное слово «креатив».

Из языка-донора русским языком было заимствовано два слова гнезда: прилагательное *creative* — *креативный* и *creator* — существительное со значением лица *криэйтор*. Но очень скоро в русском языке наряду с прилагательным *креативный* появилась усеченная форма прилагательного — существительное *креатив*, которое по своей употребительности не уступает исходному прилагательному. Модель образования слова *креатив*, относится к продуктивным моделям образования отадективных существительных с нулевым суффиксом, имеющих окраску разговорности и неофициальности. По данному продуктивному образцу образованы многие актуальные единицы современного русского языка: *корпоратив*, *экслюзив*, *интим*, *позитив*, *негатив* и др.

Заимствованное слово *креативный* хорошо укоренилось на русской почве. Выборка материала позволила выявить целый ряд производных. Во-первых, группа существительных со значением лица (помимо указанного *криэйтора* / *креатора*) *креативщик*, *креативица*, *креативист*; глаголы *креативить* / *скреативить*, отвлеченное существительное *креативизм*, уменьшительная форма к *креативу* — *креативчик*, наречие *креативно* и целый ряд сложных существительных, в которых *креатив* может выступать как в качестве первого, так и второго компонента композита: *креатив-шоу*, *креатив-массаж*, *креатив-гель*, *авангард-креатив*, *треш-креатив* и др.

Лексема *креатив* попала на сайт www.udaff.com и оказалась включенной в языковую игру с орфографическим обликом слова: в языке подонков слово *креатифф* (через два *ф* в конце) означает нарочито искаженный в орфографическом плане литературный текст.

Обратимся к содержательной стороне обсуждаемых языковых знаков. Заимствованная лексема *креативный* и производное от нее *креатив* появились в языке, дублируя известные русские слова *творческий*, *творчество*, при этом выполняя эстетическую потребность носителя языка в обновлении языка, смене формы знака при тождестве содержания: *Творчество всегда присутствовало в человеческой деятельности. Теперь его зачастую обозначают иностранным словом «креатив»* (Вопросы экономики, 23.05.2007). Материал подтверждает сходство и формальной сочетаемости сопоставляемых единиц, ср.: *склонность к креативу (творчеству), заниматься креативом (творчеством), способность к креативу (творчеству), возможности креатива (творчества), уровень креатива (творчества)* и т. д.

Наш материал обнаружил уникальный факт речевой избыточности, своеобразное лексическое приращение, которое усиливает смысловой эффект употребления данных единиц в речи, например: *Творческий креатив; Вы креативный, общительный и творческий интеллект; Если у русских атмосфера душевно-домашняя, то у них — скорее креативно-творческая; Короче говоря, там живут абсолютно творческие и креативные люди* и др.

Глагол *творить*, основное значение которого ‘творчески создавать’, имеет стилевую помету *высок*. Ощущение высокого, заданное культурной традицией, в соответствии с которой творческий труд оценивается как высокое достижение «чистого» духа, отчасти распространяется не только на производную лексику с корнем *твор-*, являющуюся стилистически нейтральной, но и на синонимичную заимствованную лексику *креативный*.

В то же время современный речевой быт обнаруживает неприятие пафосной лексики. Отрицательная оценка высокого слова, вымывание высокого стиля, возможно, одна из причин появления синонима-заимствования. При дальнейшем сопоставлении единиц *креативный* — *творческий*, *креатив* — *творчество* видна стилевая дифференциация этих слов. В слове *творчество* нет той семантики прагматизма, которая есть в слове *креатив*. Высокое слово *творчество* требует осторожного употребления с ним, и по-настоящему творческие люди не любят говорить о своей деятельности как о творчестве, их коробит высокий стиль.

Таким образом, при освоении русским языком анализируемых заимствований слова *креативный*, *креатив* воспринимаются двояко: с одной стороны, как синонимы лексемам *творческий*, *творчество*, с другой стороны, как стилистически сниженные, сленговые варианты русским словам высокого стиля. Отсюда — расширенная сочетаемость *креативный*, *креатив* по сравнению со словами *творческий*, *творчество*. См., например, с одной стороны, *креативная мысль*, *креативный замысел*, с другой стороны, *креативная обложка*, *креативные сэндвичи*, *креативные маечки* и др. Широкая сочетаемость позволяет выявить у слова *креативный* дополнительные оттенки значения: ‘нестандартный, небанальный, свежий, талантливый’.

Мы наблюдаем, что при усвоении анализируемых слов за ними закрепляется определенная (профессиональная) сфера употребления. Нам удалось выявить три сферы специализированного употребления данных слов: 1) рекламное дело и пиар-деятельность; 2) парикмахерское дело: *Лучшими в номинации «Женская стрижка с креативным окрашиванием» были признаны работы тулячки Ирины Королевой*; 3) спортивная сфера: *Игру футболистов комментаторы оценили как креативную*.

Многообразие оценочных обертонов, сопровождающих употребление заимствования, рост однокоренных образований, развитие новых значений — все это свидетельствует о национально специфическом освоении актуальных слов *креативный*, *креатив* в русском языке и общественном сознании.

Литература

1. Мустайоки А., Венрева И. Т. Какое оно, модное слово: о вопросу о параметрах языковой моды // Русский язык за рубежом. 2006. № 2. С. 45–62.

Многозначность слова *конец*: пространственные значения и употребления

И. В. Галактионова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

givlad@mail.ru

Русский язык, мерологическая лексика, многозначность

Summary. The paper deals with a number of contexts in which the Russian word *konets* ‘end’ is used to designate a part of material object, the question being how many separate meanings this word has.

1. Важное для человека отношение между целым и его частями получает отражение в языке прежде всего в значении слов типа *верх*, *дно*, *поверхность*, *боковина* и т. п., называющих различные части различных объектов действительности. Очевидно, что для адекватного описания слов этого типа информация о соотношении определенной части с определенным целым должна быть отражена в их словарном представлении.

2. В русском языке много слов, в толкование которых входит смысловой компонент ‘часть’. Среди них есть достаточно общие наименования типа *часть*, *деталь*, *фрагмент*, не накладывающие почти никаких ограничений ни на таксономический тип целого, ни на признаки обозначаемой части. Им противопоставлены максимально конкретные на-

именования типа *горлышко* (бутылки), *подошва* (горы), *обочина* (дороги) и т. п., которые содержат подобную информацию. Имеется также группа слов, занимающих на этой условной шкале промежуточное положение: это названия внешней части объекта (*конец*, *край*, *кромка*, *поверхность*), в том числе содержащие указание на ориентацию этой части в пространстве (*верх*, *низ*, *бок*, *вершина*, *верхушка*), а также названия внутренней части объекта (*середина*, *центр*, *сердцевина*).

Многие из слов, называющих часть, демонстрируют развитую многозначность; некоторые из них были предметом подробного анализа; см., например, [3].

Предметом рассмотрения в докладе является многозначное слово *конец* в тех его значениях (или употреблениях), в

которых оно указывает на часть физического объекта. Назовем такие значения пространственными.

3. Большинство словарей выделяет у слова *конец* отдельное пространственное значение, притом только одно: такое решение принимается в БАСе, МАСе и словаре Д. Н. Ушакова (ср. толкование из МАСа: «Предел, граница, последняя точка чего-л. имеющего протяженность, а также примыкающая к этому пределу часть пространства; *противоп.* начало»). В «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» пространственные и временные контексты объединены в пределах одного значения: вместе даны *конец зимы, конец улицы и конец веревки*.

Слово *конец* в значении части физического объекта подробно анализируется в монографии Е. В. Рахилиной; см. [4]. В этой работе значительное внимание уделено установлению связи между особенностями мереологической лексики, обозначающей часть (к этой лексике относится и слово *конец*), и таксономическим классом и топологическим типом целого, что предопределено мотивированностью свойств частей свойствами целого. Е. В. Рахилина считает, что «*конец* сочетается только с названиями протяженных, вытянутых объектов», при этом не вертикально ориентированных, и «описывает точку или фрагмент пространства, где этот объект, так сказать, прерывается» [4: 238].

Языковой материал, собранный автором при работе над словарными статьями для [2], позволяет вернуться к этому слову и поставить вопрос о количестве его пространственных значений.

4. Слово *конец* может быть использовано для обозначения частей, принадлежащих объектам разных типов и обладающих разными свойствами.

А. *Конец* обозначает каждую из двух не различающихся по функции и обычно также по форме и максимально удаленных друг от друга противоположных частей вытянутого объекта: *конец <концы> ленточки <карандаша>*. *Конец* такого объекта мыслится либо как отрезок (*завяжите узел и обрежьте конец нитки*), либо как самая крайняя точка (*Шест упирался верхним концом в потолок*). Все такие объекты имеют два конца (отсюда правильность сочетания *оба конца палки* при невозможном **все концы палки*). Объекты могут не иметь жесткой формы (*конец веревки*) или иметь такую форму (*конец линии <трубы>*); в последнем случае ориентация объекта в пространстве может быть любой, в том числе и вертикальной (ср. *концы реи и верхний конец мачты*). Специфическим вытянутым объектом является яйцо: возможны сочетания *тупой <острый> конец яйца*.

Б. *Конец* обозначает одну из двух различающихся по функции частей вытянутого объекта; *конец* в этом случае максимально удален не от другого конца, а от начала или от основания объекта — от той его части, которой он соединен с другим объектом или от которой начинается перемещение вдоль объекта: (*почки*) *на конце побега, конец тропинки*. Такой *конец* бывает у объектов, соединенных с другим объектом (часто — растущих на нем) (*конец мола, концы волос, конец ветки*) либо у вытянутых пространственных объектов, по которым возможно перемещение или которые перемещаются сами (*дойти до конца улицы; Касса находится в конце платформы; места в конце вагона*). В «прикрепленном» состоянии у всех таких объектов только *один конец*.

Однако многие подобные объекты либо могут быть физически отделены от того объекта, к которому обычно прикрепляются, либо по крайней мере могут мыслиться отдельно, и употребление слова *конец* в таких контекстах не отличается от описанного в А; ср. *два противоположных конца улицы, концы платформы*.

В. *Конец* обозначает каждую из трех и более частей двухмерных объектов, имеющих углы: *концы косынки <одеяла, простыни>*; в таких контекстах слово *конец* синонимично слову *угол*. Такие *концы* имеют суживающуюся форму и одну наиболее удаленную от середины объекта точку. В таких контекстах возможны сочетания *все концы, четыре конца, противоположные концы*. Кроме того, *конец* может обозначать каждую из нескольких частей объектов, имеющих форму звезды (то есть состоящих из нескольких соединенных в центре вытянутых частей): *У морской звезды пять концов*; в таких контекстах слово *конец* синонимично слову *луч*.

Г. *Конец* обозначает каждую из многих частей пространственных объектов — населенных пунктов, территорий, помещений: *на другом конце города <страны, комнаты>*. Форма занимаемой такими объектами территории может быть любой, как и форма самого *конца*. Способность слова *конец* обозначать части подобных объектов ограничена определенными контекстами: она реализуется преимущественно в локативных и направительных конструкциях и требует обязательного определения (ср. *отправиться на противоположный конец села, съехаться со всех концов страны*, но не **отправиться на конец села, *застраивать конец города*). Подобные употребления словари обычно считают фраземами; ср. в МАСе фраземы *конец в конце, во все концы, со всех концов*. Однако материал показывает, что таких контекстов довольно много и они образуются достаточно свободно.

5. Представленный материал показывает, что пространственные контексты слова *конец* весьма разнообразны. Для решения вопроса о том, соответствует ли каждый тип контекстов отдельному значению или некоторые из них представляют собой употребления внутри более общего значения, можно воспользоваться методикой разграничения значений и употреблений, изложенной в [1]. В [2] принято решение выделить у слова *конец* два пространственных значения: в первом из них объединены контексты А, В и Г, а второму значению соответствуют контексты Б. Однако, по-видимому, это не единственное возможное решение (например, в контекстах Г *конец* обнаруживает существенные языковые особенности, возможно, формирующие отдельное значение).

Литература

1. Апресян Ю. Д. Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. № 4.
2. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Проспект Активного словаря русского языка / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна.
3. Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
4. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.

К истории слова *конец* (когнитивный аспект)

Л. Г. Гулиева

Бакинский государственный университет

lalaquili@rambler.ru

История русского языка, русские говоры

Summary. The report is traced the history of the development of the word *конец* in the Old Russian language and Russian dialects.

Упоминание слова *конец* в новгородских берестяных грамотах (№№ 954, 955, 956 из раскопок 2005 года), датированных 1-й четвертью XII в. [3], привело нас к мысли рассмотреть пространственно-территориальное значение данного слова в русском языке и его говорах. В русских говорах слово *конец* имеет 23 разнообразных, иногда противоположных значения [СРНГ, т. 14: 252].

При изучении административного устройства Великого Новгорода историки упоминают о трех *концах* — поселках,

соседствующих друг с другом, *Славенский конец, Неревский конец, Людин конец* (в некоторых источниках говорится о пяти *концах*, помимо упомянутых еще и *Плотницкий конец, Загородский конец*, а *Людин конец* назывался еще и *Гончарским концом*). *Концом* в Новгородской земле называлась группа нескольких деревень. «Как же образовались три древнейших городских конца? Говоря сейчас о *концах* Новгорода, мы подразумеваем его отдельные части. Однако при своем образовании это были, по-видимому, еще не подраз-

деления целого, а, напротив, совокупности отдельных поселков и усадеб — то, что называлось *концом* в Новгородской земле еще в XV в.: группа нескольких деревень, объединенных в административное целое. Следовательно, Новгород по мере своего роста не распадался (!) на *концы*, а образовался (!) из этих *концов*» [7: 44].

Апеллятив *конец* в своем пространственном значении отмечен в составе топонимов, например, в названиях северных городов, приводимых Э. М. Мурзаевым со ссылкой на А. И. Попова: *Русский Конец* в Тарту (1463 г.) и в Вильнюсе (1471 г.); *Чудской Конец* в Ростове Великом; *Конец* в Смоленской области и др. [5: 288]; на территории Обонежья отмечены два поселения *Верхний Конец* и *Нижний Конец*; в верховьях реки Капши — *Рябов Конец*.

«*Концы* прослеживаются и в Пскове, Руссе, Ладоге, Кореле, Ростове, Смоленске...». Однако позднее появляются упоминания о *концах* в других городах Руси: *Острый конец* в Москве, *Копырев конец* в Киеве [1]. Данные русских народных говоров подтверждают первоначальное значение существительного *конец*, известного в древнерусском языке в значении 'отдаленная, окраинная часть территории' (СлРЯ XI–XVII, т. VI, с. 272). Однако в некоторых говорах, например вологодских, *конец* — это 'совокупность нескольких деревень' (СРНГ, т. 14, с. 252).

«Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» (т. IV, с. 252–255) дает следующие значения слова *коньць*: 1. предел, пространственная граница чего-либо; 2. отдаленная область, территория; страна; 3. часть города (территориальная единица).

В «Толковом словаре...» В. И. Даля слово *конец* — это 'часть или край города, улица' — *концы города, части; кончанин* — 'житель части, конца города'. Значение слова раскрывается безотносительно к такому типу поселения, как село, поселок, деревня; *конец* у В. И. Даля связан только с городом.

Ареал слова *конец* со значением 'группа деревень' четко прослеживается в северных говорах (Вологодская группа) и западных среднерусских говорах (Новгородская и Псковская группы); в качестве географического номена *конец* встречается в топонимии этих территорий. Для северной антропонимии характерна фамилия *Конечный*, образованная от апеллятива *конец*, и по мнению В. А. Никонова «...*конец*

с территориально-административным значением принесен на Север еще новгородцами» [6: 59].

В говорах Ярославской области *конец* в территориальном значении не отмечен, имеется слово *кон*, зафиксированное в двух значениях: 'часть поля, в котором каждый домохозяин получает полосу' и 'участок земли с почвой разного достоинства и удобным подъездом к нему' [4: 91], которое, естественно, можно считать бессуффиксальной формой (без *-ець*) данного слова.

В южнорусских говорах, например, в говорах Рязанской области слово *конец* отмечено в значении 'улица в деревне, часть деревни'.

В изучаемом нами русском островном говоре Азербайджана зафиксировано слово *конец* со значением 'часть села, улица в селе', причем в ограниченном количестве русских сел. Части села Русские Борисы называются: *Бряхучий конец*, *Вонючий конец*, *Демьянов конец*, *Донсков конец*, *Шубин конец*. Поскольку местный говор является южнорусским по своей основе, и носители его — выходцы из южных губерний России, то употребление слова *конец* именно в данном значении оправдано [2].

Итак, фрагментарно рассмотрев пространственное значение слова *конец* в древнерусском языке и в некоторых современных говорах, можно отметить следующее: слово сохраняет связь с территорией, однако в количественном отношении (по параметрам) это в каждом регионе обозначения разных по размерам территории: от нескольких поселений, группы сел до обозначения части города, села, улицы.

Литература

1. Арциховский А. В. Городские концы в древней Руси // Исторические записки. Т. 16. 1945.
2. Гуллева Л. Г. Русская топонимия Азербайджана. Баку, 1984.
3. Зализняк А. А. Доклад академика А. А. Зализняка о новгородских грамотах 2005 г. // <http://www.aworld.ru>.
4. Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь: В 2 т. Ярославль, 1961.
5. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов, М., 1984.
6. Никонов В. А. География фамилий. М., 1988.
7. Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. № 2. М.; Л., 1971. С. 32–61 (<http://russiancity.ru/books/b39.htm>).

Ассоциативное измерение степени содержательной близости между словами-синонимами (на материале русских слов, принадлежащих семантическому полю «ложь»)

Я. А. Дударева

Кемеровский государственный университет
theoria_yazuka@mail.ru

Ассоциативный подход к синонимии, семантическое пространство, коммуникативный фрагмент

Summary. The paper presents the description of the associative method, which used for determination of semantic proximity between synonums.

Доклад посвящен проблеме измерения степени содержательной близости между синонимами путем количественно-качественного сопоставления ассоциативных полей лексем.

Проблема измерения степени содержательной близости между лексемами проецируется в область общей теории семантики и системности языка, вне которых она не может быть решена. Само понятие «близость» между словами является одним из множества вариантов понимания семантической равнозначности лексем и отсылает к обсуждению дискуссионных вопросов о том, как понимать лексическую равнозначность («близость», «тождество», «сходство», «общность» всего значения или одного из его компонентов); на каком уровне определять близость между лексемами (идеографическом, коммуникативном, концептном) и как в зависимости от исследуемого уровня будет определяться близость слов; иными словами — в каких случаях является возможным говорить об установлении степени семантической, ассоциативной, коммуникативной, смысловой, содержательной близости между словами и в каких отношениях между собой находятся эти различные, многообразные виды близости лексем.

В определении степени содержательной близости между лексемами «синонимия может стать некоторой точкой от-

счета, поскольку расстояния между синонимичными словами можно принять за некоторый минимум, приближающийся к нулю» [2: 28]. Однако слова-синонимы внутри одного синонимического ряда имеют широкую градацию значений, вследствие чего при переходе от слова-доминанты и первых лексем синонимического ряда к его периферии наблюдается постепенное ослабление степени близости между синонимами. От выбора способа определения степени близости между лексемами в процессе моделирования синонимического ряда зависит ответ на два главных вопроса: как будет представлен состав синонимического ряда и какова его организация.

Определить состав синонимического ряда — это значит установить его границы, что выполнить чрезвычайно трудно, поскольку границы синонимических рядов подвижны и диффузны, а сами синонимические ряды не только ассоциируются, но и диссоциируются между собой, как и отдельные слова внутри одного ряда. В докладе мы стремимся выявить причину того, каким образом лексемы выстраиваются в синонимическом ряду. Для решения этой задачи мы совмещаем формально-количественный подход с психолингвистическими методами установления степени близости слов.

Вопросы о конкретизации понятия «близкое значение» и о том, как его установить, не могут быть решены однозначно. Поиск ответа на эти вопросы может быть связан с синтезом системоцентрического и антропоцентрического подходов к слову. Один из способов решения — это выявление интуитивных обыденных представлений о смысловой близости слов, подкрепляемое формальными числовыми показателями установленной степени близости / отдаленности лексем.

Ассоциативный подход в исследовании семантической близости между словами-синонимами дает возможность обратиться к сознанию носителей языка, в глубинах которого содержатся все представления человека о слове, о его значениях и оттенках смысла. Содержательная близость лексем определяется степенью пересечения их ассоциативных полей, в которых пары стимул — реакция рассматриваются как коммуникативные фрагменты — «отрезки речи различной длины, которые хранятся в апамяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний» [1: 90].

Очерченным способом в исследовании выявляются наиболее глубинные и, в то же время, наиболее актуальные для

носителей языка смысловые особенности слов — членов одного синонимического ряда, которые обуславливают процессы ассоциации и диссоциации между ними.

Разработка методики определения степени смысловой близости слов-синонимов носит поисковый характер: испытываются разные параметры сопоставления ассоциативных полей лексем и вычисления коэффициента их содержательной близости. Материалом для применения методики является семантическое поле «ложь — неправда — вранье — враки — обман».

Применение методики определения степени близости между лексическими единицами на основе весового коэффициента совпавших ассоциаций в ассоциативных полях синонимов позволяет говорить о полевой организации синонимического ряда, являющегося частью разветвленной ассоциативно-семантической сети.

Литература

1. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
2. Новиков А. И., Ярославцева Е. И. Семантические расстояния в языке и тексте. М., 1990.

Словари иностранных слов XIX века как лингвистический источник

И. Б. Дягилева

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

diaghileva@mail.ru

История русской лексикографии, словарь русского языка XIX века, источник, заимствование

Summary. The paper addresses linguistic reliability in the Dictionaries of Foreign Words of the 19th century and their role as the sources for the Dictionary of the Russian Language of the 19th Century.

Отмечая жанровое разнообразие лексикографических изданий XIX века, следует обратить особое внимание на необходимость последовательного филологического описания и оценки словарей иностранных слов (СИС) этого времени. Важность такого исследования определяется частотностью обращения к данным СИС при описании истории слов, понятий, различных групп лексики. Определение филологической достоверности СИС как лингвистического источника становится особенно актуальным при работе над «Словарем русского языка XIX века», в основные задачи которого входит показ «процессов обновления и архаизации лексического состава», «становления норм литературного языка на национальной основе» [5: 13].

К настоящему моменту в библиографический список входит 52 СИС, выдержавших от 1 до 14 изданий. Представляется, что каждый словарь должен быть описан по единой схеме, с привлечением исторических сведений об его авторе, источниках. В описании могут включаться следующие данные: **статистика** (количество заявленных единиц словника, их соответствие реальному количеству слов, вошедших в словарь); **следование заявленным лексикографическим принципам** (полнота словника; соблюдение алфавитного порядка; включение / невключение имен собственных; филологическое описание значения слова (в отличие от развернутого энциклопедического описания реалий); **наличие ошибок** в этимологической справке, в толковании слов (например, толкование слов одной части речи через другую), «ошибок» в написании (*ветеринар* — *ветеренария*); **сведения об авторе** (профессиональный филолог / филолог-любитель; писатель / редактор / журналист / переводчик; языковая нормализаторская деятельность, просветительская деятельность).

Изучение критических отзывов, рецензий на СИС, публиковавшихся в газетах «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», журналах «Современник», «Библиотека для чтения», «Книжный вестник» и др., позволяет обратить внимание на изменения лингвистических представлений носителей языка XIX века, выявить факты языковой рефлексии, учесть оценку СИС современниками. Типичным в отзывах было указание на следующие недочеты и ошибки авторов словарей:

– отсутствие в СИС некоторых иностранных слов (*башина* — в Словаре Михельсона; *аристократ*, *демократ*, *конгресс*, *нота* и др. — в Словаре А. С.; *лютеранство*, *спирит*,

perpetum mobile — в Словаре Бурдона; *вакцинация*, *позитивизм* — в Словаре А. Дмитриева и т. д.);

– включение в СИС общеупотребительных, всем известных слов (*солдат*, *рекрут*, *трактир* — в Словаре Бурдона, *панироса*, *допель-кюммель* — в Словаре Бурдона, Михельсона и т. п.); ненормативных вариантов слов (*панафида* как вариант слова *панихида* — в Словаре Михельсона); имен собственных (*Петр*, *Андрей* — в Словаре Бурдона); узкоспециальных терминов (*морбония*, *морбус акутус* — в Словаре Бурдона);

– неправильное указание на язык-источник (*дьявол* — греч., а не лат. в Словаре Бурдона и т. п.);

– неясное, неточное или неправильное толкование описываемых слов (*ихтиодорулит* — окаменелость в виде сомовьего рога, считаемая палеонтологами за передний шип спинного поплавка морской рыбы, похожей на теперешнюю химеру — в Словаре Михельсона; *либерал* — свободно мыслящий человек, человек, преданный свободе правления — в Словаре А. С.; *конфуз* — носовая часть лодки, где хранятся съестные припасы и где место кашевара — в Словаре А. Дмитриева; *параболический* — 1. иносказательный, похожий, подобный 2. имеющий форму косвенного сечения конуса вдоль одной грани — в Словаре Бурдона, Михельсона).

Таким образом, СИС XIX века в качестве лингвистического источника могут быть использованы для установления факта и времени заимствования, для выявления развития значений того или иного слова (при подтверждении филологической достоверности источника).

Литература

1. Баженов А. Литературный отдел // Московские ведомости. 1861. № 192. С. 1544–1545.
2. Библиотека для чтения. 1865. Т. II. № 6. С. 39–49.
3. Книжный вестник. 1865. Т. 6. С. 302.
4. Литературная летопись. Объяснение 7000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. Составил Михельсон // Санкт-Петербургские ведомости. 1861.
5. Словарь русского языка XIX века: Проект. СПб., 2002.
6. Современник. 1859. Т. LXXVI. С. 294–299.

Словари

Бурдон И. Ф. Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка с означением их корней. М., 1865.

Бурдон И. Ф., Михельсон А. Д. Словотолкователь 30000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней. Изд. 2-е. М., 1871.

Михельсон А. Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1865.

Объяснение 1000 иностранных слов, употребляющихся в русском языке / Сост. и издал А. С. М., тип. Л. Степановой, 1859.

Толковый словарь 40000 иностранных слов, вошедших в русский язык, русских старинных местных и технических, по всем отраслям знания выражений и слов / Сост. Дмитриев А. М., 1875.

К типологии ограничений лексической сочетаемости по денотату

А. Н. Еремин

Калужский государственный педагогический университет им. К. Э. Циолковского

ereminali@kaluga.ru

Лексическая сочетаемость, сочетаемость по денотату и сигнификату

Summary. The present report discusses the limitations of lexical combinability. It shows that, while the meaning associated with a name may be identical, the combinability of the words may vary, if native speakers' ideas about the object are not identical due to its (object's) social status, gender or ethnic specifics.

В отечественной и зарубежной лингвистике о лексической сочетаемости написано много и под разным углом зрения (ср., в частности: [1], [2], [3], [4], [5] и др.).

Однако ограничения в лексической сочетаемости, обусловленные культурно-историческим качеством денотата определяемого слова, специально не исследовались.

Рассмотрим ограничения, обусловленные гендерными, национальными и социально-статусными характеристиками денотата на примере соматизмов.

Ограничения на сочетаемость часто накладываются **гендерные** особенности соматизма, нередко в связи с **возрастными** характеристиками.

Толковые словари обычно это игнорируют.

МАС *Безусый*. 1. Без усов. — Подходят два Солдата — старый и молодой, *безусый* (Маршак).

Безусое, бородатое, безбородое, бритое, черноусое, щетинистое, голое лицо может быть у представителя мужского пола, в возрасте примерно с 14 лет.

Сравни обратное: *— Она повернула к нему свое *безусое, бородатое, безбородое, бритое, черноусое, щетинистое, голое* лицо.

Конечно, и у нее могут быть *усики* (но все же обычно не *усы*).

МАС, не дифференцируя *усики* в отнесенности к нему или к ней, иллюстрирует тем не менее слово *усики* по отношению к женщине.

МАС *Усики*. *Уменьш.* к усы; небольшие усы || Чуть пробивающийся волосной пушок над верхней губой. — Ее хорошенькая, с чуть черневшимися *усиками* верхняя губка была коротка по зубам (Л. Толстой).

Усики у нее — это и не совсем то, что маленькие усы.

Часть определений к соматизмам в норме характеризует *женскую* часть тела.

Так, *точные ноги* (чаще *ножки*), *стройные ножки* в норме у нее.

— В четырнадцать лет у нее, при тонкой талии и *стройных ножках*, уже хорошо обрисовались груди и все формы, очарование которых еще никогда не выразило человеческое слово (И. Бунин).

Плоский живот, пожалуй, только у нее.

Аналогично: *накрашенные губы, подведенные брови, напудренное лицо, зареванное лицо* свойственны человеку в том случае, если этот человек — она.

МАС так определяет значение глагола *накрасить*: «Покрывать, намазать краской (губы, щеки и т. п.)».

Это толкование глагола *накрасить* в МАС допускает явно необычное обращение мужа к жене: — Погоди минутку, *я* еще губы не *накрасил*...

Конечно, в театре, балете и т. п. такие словосочетания могут быть приложимы и к мужчине. Но это уже иной, «вторичный» мир.

Словосочетания *накрашенные губы, подведенные брови, напудренное лицо* в норме неприложимы и к детям. А вот *зареванное лицо* в норме свойственно женщинам и детям.

Несмотря на значительные изменения в жизни женщины, многие ее характеристики в русском языковом сознании остаются прежними:

а) она для мужчины предмет «*гастрономический*»: *пышные, полные руки, плечи* у нее, *полная, высокая, пышная грудь* у нее (как и тело вообще),

б) *цвет* как признак здоровья и физической красоты значительно чаще характеризует часть тела женщины: *атлас-*

ная, белая, беломраморная, лебяжья, лилейная, молочная грудь, рука, шея у нее.

Ср.: — И впрямь Авдотья Николавна Была *прелакомый* кусок. Идет, бывало, гордо, плавно — Чуть тронет землю башмачок; В Тамбове не запомнят люди Такой *высокой, полной груди: бела* как сахар, так *нежна*, Что жилка каждая видна (Лермонтов).

Ср. обратное: *— У него была *атласная, белая, беломраморная, лебяжья, лилейная, молочная шея, рука* (плечи).

Вообще, качество тела более важно для женщины.

1. Ограничения на сочетаемость часто накладываются **национальные** особенности соматизма.

Расовая характеристика в целом чужда соматизмам.

Не говорят: **белые, черные, желтые губы, зубы, ноги* (в значении «белой, негроидной, монголоидной расы»).

Что касается национальной характеристики, то некоторые части тела обычно «не имеют национальности»: *лоб, волосы, руки, талия, спина, шея, ноги, ладонь, пальцы*.

Неупотребительны словосочетания: **русские ноги, испанская шея, португальская ладонь* и т. п.

С другой стороны, в общем языке типичны словосочетания, в которых прилагательное характеризует часть тела по национальной отнесенности.

«Имеют национальность» *нос, глаза, губы, лицо*.

Ср.: *монгольские, татарские, черкесские глаза, восточный, классический, русский, римский нос, восточное, русское, татарское лицо, африканские губы*...

— ...У него были мясистые *африканские губы* и курчавая шевелюра (Ю. Домбровский). — Я был тогда красивый мужчина, я был молод, высокий ростом, голубые глаза, *римский нос* (Л. Толстой).

2. Ограничения на сочетаемость часто накладываются денотативные особенности соматизма, связанные с **социально-статусными характеристиками** (в норме не говорящего субъекта).

Обычно **социально-статусные особенности** имеют такие соматизмы, как *лицо, руки, ладони*.

Ср.: *аристократическое, лакейское, мужицкое, холуйское, простое, рабочее, злодейское, инквизиторское, мошенническое, царственное лицо*.

Также: *аристократические, мужицкие, рабочие руки, ладони*.

В норме не бывают **аристократическими, лакейскими, мужицкими, холуйскими, простячками, злодейскими, инквизиторскими, мошенническими, царственными лоб, затылок, усы, рот, живот, талия, ноги, пятки*.

Ср.: — Басистов был рослый малый, с *простым лицом*... (И. Тургенев).

Литература

1. *Виноградов В. В.* Лексикология и лексикография. Избранные труды. М., 1977.
2. *Ермакова О. П.* О зависимости лексикологии от лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3. Сб. Статей. М., 2004.
3. *Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.* Смысл и сочетаемость в слове. М., 2007.
4. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996.
5. *Benson M., Benson E., Illson R.* The BBI Combinatory Dictionary of English. A guide to word combinations. Amsterdam; Philadelphia, 1986.

Особенности русской терминосистемы современных уличных и клубных танцев

Е. Ю. Ефименко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

assol_ka@mail.ru

Ключевые слова: язык, терминосистема, социокультурная реальность, заимствования

Summary. The paper considers the terminological system of the modern street dances that came to Russia during the last decades of the XX century. The system consists of several layers: previously existing vocabulary denoting common movements, borrowed vocabulary translated and adjusted to the language and calques from the English terms. Their correlation and existence are undergoing the process of change.

Настоящая работа посвящена изучению и описанию лексико-семантических, коммуникативных и культурологических особенностей терминологии современных уличных (*хип-хоп, брейкданс* и др.) и клубных (*стрит-джаз, хастл, R&B* и др.) танцев, пришедших в Россию из Америки в 70–80-е годы XX века, на материале исконной и заимствованной лексики в русской танцевальной терминосистеме.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной разработкой изучения терминологии танца — в современной науке (А. С. Фомин, В. И. Уральская, Э. А. Королева, А. Э. Карапетьян).

Цель работы — исследование лексико-семантических и коммуникативно-прагматических параметров терминов современных танцев, а также культурологических особенностей их употребления в молодежной культуре, основанной на данных танцевальных стилях. Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**: определить экстралингвистические источники появления танцевальной терминологии в современных танцах; описать лексические и семантические особенности употребления терминов современного танца; сопоставить пласт исконной и заимствованной лексики в терминологии современных уличных и клубных танцев, на базе чего проследить приспособление иностранной терминосистемы к русской языковой и культурной системе; определить степень развитости и разработанности терминосистемы современных танцев в русском языке.

Материалом исследования послужили лексические единицы терминологии современных танцев (около 240 единиц), извлеченные из современных интернет-ресурсов, посвященных данным танцевальным направлениям, а также из танцевальных энциклопедий и из общения с людьми, занимающимися данными видами танца. Основным методом исследования был метод контент-анализа с созданием базы данных по результатам анализа.

Отличительной особенностью терминосистемы современных уличных и клубных танцев является преобладающее «образный» тип создания терминов. В терминосистеме больше всего терминов, построенных на ассоциации, где основным способом создания термина и оказалось как раз это ассоциативно-образное переосмысление — 57,8%. Основная часть «образных» терминов современных уличных и клубных танцев создано переносом значения с названий предметов, относящихся к быту человека (*банан, самолет, пирамида, щипцы, гроб, в наручниках* и т. п.) — 53%.

В области понятийных категорий терминосистемы современных танцев существует огромный недостаток в категориях «действие» и «качество объекта» — терминов, обозначающих понятия, относящихся к этим категориям, практически нет — *вейвер, брейкер, выворотность* и т. п. Основной денотативной группой является имитация — подражание внешней форме какого-либо хорошо известного всем предмету (*самолет, мельница, щипцы* и т. п.) или поведению какого-либо животного (*краб, крокодил, черепаха, кобра* и т. п.), человека (*клаунинг, смертник, султан* и т. п.) и т. д., составляющее суть движения. Их количество соответствует количеству «образных» терминов — всего 41,6%.

Большую часть терминов современных уличных и клубных танцев составляют непроизводные термины (69%) (*фишка, вейвинг, фриз, мельница* и т. п.) и это является нормой для любой терминосистемы. Но самая популярная модель построения термина — «термин + уточнение» (*лунное буги, верхний брейк, внешний кин-так, электрик-буги* и т. п.).

Для русских заимствованных слов характерно словообразование при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов (*червячок, гелик, часики* и т. п.). И для заимствованных, и для неимитационных терминов современных танцев характерна морфологическая модель существительного во множественном числе. Модель эта пришла из американской терминосистемы.

Но важным выводом является то, что система активно развивается и стремится к упорядочению структуры и лексического состава (как семантики, так и формы) терминов, а также замещению заимствованных и непонятных английских терминов на этимологически русские слова, не связанные с американской терминосистемой. Это выражается и в стремлении чаще употреблять русские термины, создавать русские дубликаты английским терминам, упорядочивать форму терминов — тенденция к сокращению терминов (*крампинг — крамп, лос-анджелесский стайл — Ла-стайл* и т. п.) и др.

Литература

1. Карапетьян А. Э. Терминосистема танца в английском и русском языках: лексико-семантический и лингвокультурный аспекты. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008.
2. Королева Э. А. Танец, его происхождение и методы исследования // Советская этнография. 1975. № 5.
3. Уральская В. И. Природа танца. М., 1981.
4. Фомин А. С. Понятие «танец» и его структура. СПб., 1991.

Взаимодействие языков в топонимии Донетчины

М. В. Жарикова

Горловский государственный институт иностранных языков (Украина)

zharikova.marina@mail.ru

Ойконимия, эргоним, апеллативные и онимные лексемы

Summary. The paper examines the linguistic basis ойконимии South-East of Ukraine (the territory of modern Donetsk region) through the prism of the interaction of languages. This interaction is considered on the phonetic, word-building, semantic and grammatical levels.

С самого начала своего становления ойконимия Юго-Восточной Украины (территория современной Донетчины) имеет гетерогенную языковую основу, которая сохраняется на всем протяжении ее функционирования. В названиях селений начиная с XVIII в. получают отражение как исконно славянские, так и заимствованные апеллативные и онимные лексемы, причем в большинстве случаев это носит зеркальный характер, т. е. соответствующие основы переносятся в ойконимию из топонимии, антропонимии, агонимии, хронимии, которые в свою очередь гетерогенны (Е. С. Отин).

Задача доклада — проанализировать номинацию селений Донецкого региона через призму взаимодействия языков, рас-

смотреть данное взаимодействие на фонетическом, словообразовательном, семантическом и грамматическом уровнях.

О непосредственном взаимодействии языков в процессе создания ойконимов в XVIII в. можно говорить в случаях, когда название селения формируется на базе фамилии иностранца, который выступает основателем (владельцем) селения, например, *Штеровка < Штерич, Сабовка < Сабо; Божедаровка < Божедарович*. Подобная инфильтрация иноязычных элементов в составе ойконимных структур наблюдается в местах иностранной колонизации.

Еще один путь пополнения ойконимикона Донбасса иноязычными элементами — дистактный перенос ойконимов,

к которому прибегали иностранцы, прежде всего православные переселенцы из Крыма. В конце XVIII в., по данным Атласа Екатеринославского наместничества, в Северном Приазовье функционировали названия *Сартана, Чермолык, Карань, Ласна, Стыла, Каракуба, Бешев, Улакы, Бога тырь, Комара, Большая Янисоль, Керменчик, Урзуф, Чердаклы, Малый Янисоль, Мангуш*. К середине XIX в. к ним добавились *Бугас, Курджи, Дёрт-Оба, Аргин (Большая Каракуба), Джемрек, Анатолия (Анадолия), Ялта*. Кроме того, ряд основ был воспроизведен в новых названиях *Новая Каракуба, Новый Керменчик, Ново-Бешев*.

Использование в этих процессах восточнославянских ойконимопроизводящих средств свидетельствуют о формально-структурной ассимиляции подобных ойконимных форм в пределах более широкого восточнославянского ойконимного поля.

Вместе с тем, несмотря на наличие определенного формально-структурного влияния господствующих восточнославянских ойконимных форм, основная масса «переселенческих» ойконимов все же сохраняет свой иноязычный характер, что проявляется в полной неясности внутренней формы и отсутствии в форме названия каких-либо указаний, намеков на референтную его закрепленность.

Основная масса ойконимов на протяжении XVIII–XX вв. создавалась на восточнославянской языковой основе, поскольку преобладающими этносами на данной территории были украинцы и русские. По данным переписи населения Азовской губернии 1778 г. они составляли 80% (в числе других народов были греки, армяне, волохи, грузины, сербы, поляки, немцы, болгары, венгры, турки, татары, арнау-ты, молдаване) (В. А. Пирко)

По отношению к русскому и украинскому языкам основы ойконимов распределяются следующим образом: а) общие для обоих языков; б) собственно русские; в) собственно украинские. Преобладающими XVIII–XX вв. являются основы первой группы, они составляют в конце 80-х годов XX ст. 96%. Объясняется это не только единством происхождения значительной части лексического фонда украинского и русского языков (К. В. Першина), но и значительной общностью состава тех лексических групп, которые служили источниками производящих слов при номинации селений (личных имен как христианских, так и дохристианских, агнономов, хронимов).

Рассматривая ойконимы, возникавшие и функционировавшие в XVIII–XIX вв., мы учитываем, что в официальных записях, производившихся на русском языке, в ряде случаев имела место корректировка названий в соответствии с русской ойконимной нормой. В результате появлялись контактированные (русифицированные) формы, украинские по своей языковой основе: *Марченкова, Лукашевича, Денисенкова, Иваненкова, Крамаренково, Дорошенко, Герацинова*. Эта тенденция будет сохраняться и в XX в. Одним из порождающих и поддерживающих ее факторов является стремление топонимов к непереводаемости.

Анализируя номинацию селений Донецкого региона через призму взаимодействия языков, прежде всего русского и

украинского, мы не абстрагируемся от того факта, что ойконимикон территории на всем протяжении своего существования функционирует в двух вариантах — русскоязычном и украинскоязычном, а конкретное название создается в пределах одного из них с использованием ресурсов соответствующего языка. В связи с этим постоянно актуальна проблема передачи ойконимов в украинском и русском вариантах ойконимикона (разработана, например, специальная «Инструкция по русской передаче географических названий Украинской ССР», существуют определенные правила украинской передачи русских топонимов). В условиях современной Украины наиболее дискуссионной частью обозначенной проблемы является передача ойконимов, содержащих собственно русские лексические основы. В Донбассе таких названий много, их появление обусловлено целым рядом конкретных факторов.

1. Высокая общественная значимость в тот или иной период концепта, связанного с русской лексемой: *Победа, Первомай, Октябрь, звезда, луч, надежда* и др. Ойконимическая актуализация определенного участка семантического поля в русском языке вызывает возбуждение соответствующего участка того же семантического поля в украинском языке: *Перемога, Перше Травня, Жовтень, зірка, промінь, надія, Червоний Плугатар, Червоний Прапор* и т. п.

2. Донецкая ойконимия формировалась (особенно в XIX в.) в условиях тесного взаимодействия с эргонимией, и прежде всего, с названиями шахт. Лексическая основа для названий предприятий в Донбассе (не только шахт, но и заводов, фабрик) — русская, поскольку русский язык в промышленной (городской) части региона является ведущим.

3. Ойконимы могли возникнуть на базе диалектных лексем, свойственных только русскому языку: *Зимогорье — зимогор, Верхний Нагольчик — насольный, Бирючье — бирюк*. Номинационное развитие на этом участке шло от использования общих для обоих языков, а также свойственных украинскому языку к привлечению русских терминов.

4. Русские лексические элементы широко входили в донецкую ойконимию при создании оценочных названий.

Взаимодействие русского и украинского языков разнообразно проявляется в донецкой ойконимии на фонетическом уровне в процессе функционирования названий. При этом наблюдается неосознанная замена отдельных звеньев русской фонетической системы подобными, типичными для украинского языка, и наоборот. Лексическое взаимодействие является более важным для развития ойконимической системы, так как его результаты в массе своей закрепляются письменно и становятся номинационно и системно значимыми. Оно способствует формированию параллельных явлений в ойконимобразовании обоих языков. На грамматическом уровне взаимодействие просматривается в значительно меньшей степени. Это связано с близостью грамматического строя обоих языков, единством топоформантного фонда, единством способов топонимического, в том числе и ойконимического, словопроизводства.

Психосемантический анализ эмотивов *радость, гнев, страх*

Е. С. Иванова

ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» (Екатеринбург)

Ivanova_rina@mail.ru

Словарь эмоций, психосемантический эксперимент, фундаментальные (базовые) эмоции *радости, гнева, страха*

Summary. The glossary of emotional have to research with the help of linguistic and psychological methods. In Russian language 227 nominatives of emotions were revealed. Semantic, expressive, coloured, symbolic associations of nominatives “joy”, “anger” and “fear” have group resemblances and enough part of individual differences. Joy describes as active, positive emotion, but have little transformational power. Anger describes by high level of effort, wasting of energy, outside direction. Fear has many individual associations.

Разработка словаря эмоций — актуальная проблема для психологии и лингвистики. В настоящее время установлено резкое сокращение словаря эмоций современного человека, что ведет к формированию алекситимии, склонности соматизировать эмоциональные переживания, неспособности вербально, на символическом уровне осознавать и адекватно проживать свой эмоциональный опыт, а также соприкасаться с эмоциональным опытом других людей. Необходимость разработки словаря эмоций, содержащего

максимально полный перечень эмотивов — номинативов современного русского языка, предполагает не только создание списка эмотивов, но и полноценные словарные статьи, дающие как лингвистическую характеристику и толкование содержания того или иного понятия, так и его символические репрезентации, мимические и пантомимические способы экспрессии, причины возникновения, цветовые ассоциации, т. е. целый ряд психологических характеристик, которые важны для понимания специфичности каждо-

го переживания, но остаются за рамками лингвистического подхода.

В результате анализа специальной литературы и материалов цикла психосемантических экспериментов нами был разработан и апробирован список, включающий 227 эмотивов-номинативов. Указанный список получил рабочее название «Словарь эмоций», однако, чтобы стать словарем, системно и комплексно представляющим многообразные переживания личности, данный перечень нуждается в специальном психосемантическом исследовании каждого из содержащихся в нем эмотивов. В данном сообщении отражены результаты анализа экспрессивного, семантического и символического компонентов эмотивов, называющих фундаментальные (базовые) *радость, гнев, страх*.

В качестве испытуемых выступила группа носителей языка в количестве 32 человек, в возрасте 20–22 лет, представленная студентами-психологами, согласившимися принять участие в психосемантическом исследовании эмотивов *радость, гнев, страх*.

Наиболее характерными цветовыми ассоциациями для эмоции *радость* в обследованной группе являются *желтый* (46% ответов) и *оранжевый* (28% ответов) цвета. В качестве пиктограмм, визуализирующих данную эмоцию, 50% испытуемых изобразили «смайлики», используемые в Интернет-общении, остальные 50% ответов распределились между различными рисунками, которые можно рассматривать как источник радости, а не ее непосредственный зрительный образ: подарок, торт, цветок и т. д. Синонимический ряд для эмоции *радости* оказался представлен большим количеством индивидуальных ассоциаций. Только 26% указали в качестве синонима *счастье*, 10% — *восторг*, остальные испытуемые предлагали низкочастотные ассоциации. Примеры антонимов оказались также довольно разнородны: в качестве смысловой противоположности эмоции *радости* 20% испытуемых указали *печаль*, столько же — *грусть*, среди остальных ассоциаций также перечислялись астенические состояния: *подавленность, уныние, тоска*. Что касается экспрессивного компонента, то 72% указали *улыбку* как основной способ выражения радости. Пантомимические характеристики более разнообразны: *всплескивание руками* — 24%, *прыжки* — 21%, *аплодисменты* — 18% испытуемых указали в качестве способа выражения этого переживания. Полученные данные характеризуют *радость* как эмоцию положительную, активную, но со слабой преобразующей внешней направленностью.

Цветовые ассоциации для эмоции *гнева* представлены *черным* (26% ответов), *бордовым* (26% ответов), *красным* (11% ответов) цветами. Разнообразны и пиктограммы, символизирующие гнев — 54% представлены различными изображениями, характеризующими состояние напряжения, агрессии, 25% — абстрактными символами, 21% — в виде

изображения характерной мимики — стиснутые зубы и губы, сведенные к переносице брови, суженные глаза. В качестве синонимов испытуемые указали *злость* — 23%, *ярость* — 17%, *ненависть* — 13% и ряд других, менее частотных, характеристик (*раздражение, беешество* и т. д.). Антонимы для эмоции *гнева* представлены крайне разнообразно: наиболее частотным указано *спокойствие* (16%), *радость* (10%), а также *восторг, удовольствие, нежность* и т. д. Экспрессия эмоции *гнева*, как и радости, более однородна в отношении мимики (64% указали *сжатые, стиснутые части лица*: рот, зубы, глаза), но довольно неопределенна в отношении жестов, пантомимики: 39% указали *сжатые кулаки*, остальные 61% ответов равномерно распределились между индивидуальными вариантами: *хождение из стороны в сторону, глубокий выдох, пощечина* и пр. В целом, эмоция *гнева* характеризуется испытуемыми высокой степенью напряжения, затрат энергии, направленностью вовне, а также стремлением контролировать ее проявления.

Цветовые ассоциации для эмоции *страха* наиболее часто представлены *серым* (43%), *белым* (18%), *черным* (14%). Также 58% испытуемых представили в пиктограммах разнообразные причины, вызывающие страх: гроза, машина, парашют и т. д. В виде мимического изображения (широко открытые глаза, поднятые брови, сморщенный лоб) страх представили 23% испытуемых, остальные 20% избрали абстрактные символы — линии, замкнутые ломаные или неопределенные, бесформенные геометрические фигуры. Разнообразен и неоднороден синонимический ряд для эмоции *страха*: *боязнь* (18%), *испуг* (16%), *ужас* (13%), *тревога* (12%). Антонимы эмотива *страх* наиболее часто представлены такими характеристиками как *отвага* (26%), *уверенность* (12%), *спокойствие* (9%). Мимические и пантомимические характеристики *страха* противоположны — для мимики характерны напряженно, широко *открытые глаза* (29%) и *рот* (12%), для пантомимики характерны тенденции *закрыться, скрестив руки, ноги* (30%), *дрожь* (24%), *сжатие, уменьшение в размерах*, вплоть до *позы эмбриона* (15%). Эмоция *страха* актуализировала у испытуемых наиболее разнообразный синонимический ряд, по сравнению с эмоциями *радости* и *гнева*. Вероятно, это связано с большим количеством причин, способных вызвать данное переживание.

Литература

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
2. Иванова Е. С. Возможности методики «Словарь эмоций» для диагностики и развития эмоциональной сферы // Психологическая диагностика. 2008. № 1. С. 101–112.
3. Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Культура, эмоции и психическое здоровье // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 61–74.

Ненормативная лексика в региональном законодательстве Российской Федерации

Р. И. Идрисов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

idrisov.ru@gmail.com

Русский язык как государственный, кодификация, лакуны нормативных словарей

Summary. The main topic of this paper is the correlation between the actual and the normative usage of Russian as the official language of Russian Federation.

В соответствии со статьей 68 Конституции Российской Федерации и Федеральным законом Российской Федерации от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», русский язык является государственным языком Российской Федерации на всей ее территории. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2006 г. N 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации», Министерство образования и науки Российской Федерации «утверждает на основании рекомендаций Межведомственной комиссии по русскому языку список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской

Федерации (по результатам экспертизы)». Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2009 г. № 195 такой список был утвержден, не кодифицированная в нормативных словарях лексика стала ненормативной.

На территории Российской Федерации официальное делопроизводство в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях ведется на русском языке как государственном языке Российской Федерации (в соответствии с п. 1 ст. 16 Закона о языках народов Российской Федерации в ред. Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 126-ФЗ).

Встает вопрос, в какой мере язык официального делопроизводства соответствует нормам, зафиксированным в законе? И наоборот, насколько нормы соответствуют словопотреблению реальных документов?

Анализ текстов законодательства субъектов РФ — при анализе использовался материал форума «Городские диалекты» (<http://forum.lingvo.ru/actualtopics.aspx?bid=26>) и документы, имеющиеся в разделе «Законодательство» базы «Интегрум» (www.integrum.ru) — показывает, что даже в названиях законов встречаются слова, не фиксируемые существующими словарями, в том числе и нормативными.

Так, например, в законе республики Тыва от 14 января 1993 г. № 416 «Об охране окружающей природной среды» впервые встречается термин *аржаан*, причем без пояснения: «Особой охране подлежат государственные природные заповедники, национальные природные парки, аржааны и грязелечебные озера, памятники природы...». В тексте закона республики Тыва от 9 декабря 1996 г. № 645 «Об особо охраняемых природных территориях республики Тыва» появляется пояснение: «лечебно-оздоровительные местности, в том числе бальнеологические источники-аржааны и курорты». В тексте закона республики Тыва от 29 декабря 2004 г. «О природных лечебных ресурсах и лечебно-оздоровительных местностях (аржаанах) в республике Тыва» № 1138 ВХ-1 дается уже определение: «аржаан — лечебно-

оздоровительная местность с целебным водоемчиком». То, что не было сделано лексикографами, сделали депутаты регионального парламента.

Ненормативные единицы, встречающиеся в текстах региональных законов, можно условно разделить на частотные и редкие. К примеру, *кожуун* встречается в 2059 документах, а *ага зайсан* — лишь в 4. Но и те, и другие объединяет отсутствие интереса со стороны как московских, так и петербургских лексикографов.

«Координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» также осуществляется с использованием русского языка как государственного, поэтому не стоит забывать о существовании зарубежных вариантов русского языка, нельзя им отказывать в праве иметь средства для выражения своих реалий.

Вывод: необходимо либо основательно пересмотреть «порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации», либо серьезно, наконец, отнестись к кодификации лексики официальных документов.

Полевое моделирование топонимической лексики в языке региона*

Д. Ю. Ильин

Волгоградский государственный университет

dilyin99@mail.ru

Топоним, язык региона, функционально-семантическое поле, сегментная структура

Summary. The issue of regional toponymy and its formation is considered in the light of the field approach to characterization of functional and semantic unity of language units, their synchronous studies in various periods of the end of the XIX — beg. the XXI cent. exemplify some stages in the development of the Russian literary language.

Методологическая ценность полевого подхода к описанию языкового материала дает возможность представить функционально-семантические процессы в топонимических подсистемах на разных срезах развития русского языка. Полевое моделирование массива фактов, извлеченного из областной газеты «Волгоградская правда» (далее — ВП с указанием даты выпуска), позволяет показать взаимосвязь факторов, влияющих как на состав проприальной лексики, отражающей своеобразие местных названий, так и на динамические процессы в сфере региональной топонимики.

Расположенность Волгоградской области в степной зоне и в междуречье Волги и Дона накладывает отпечаток на топонимику региона, где наиболее распространенными географическими названиями являются наименования со значением «административно-территориальные единицы, города и другие населенные пункты» (*город Камышин, станция Староаннинская*), «водные пространства, водоемы» (*река Медведица, пруд Хуторской*), «рельеф местности, природные образования» (*Лысая гора, балка Будуруйская*), «участки суши, омываемые водами или прилегающие к водоемам» (*Волго-Ахтубинская пойма, остров Крит*).

Проанализированный массив фактов позволяет утверждать, что топонимы характеризуются различными функционально-семантическими свойствами. В подсистеме региональной топонимики формируются особые связи, определяющие употребление проприативов, которое зависит от разных факторов. Для изучения интересующих нас процессов предлагается рассматривать названное единство топонимической лексики через понятие «сегментная структура функционально-семантического поля топонимов». Онимы, специализированные для обозначения географического объекта, выступающие как универсальное средство наименования объекта, реализующие различные функции, свойственные топонимам, имеющие большую частотность употребления в газетных текстах, богатый коммуникативно-прагматический потенциал и ассоциативный объем названия, выполняющие пространственно-организующую роль в географической характеристике региона как социально и административно значимые объекты, насчитывающие длительный период существования и известные широкому кругу носителей языка не только на данной территории, но и за ее пределами, по своим признакам представляют собой ядерные конститuentы названного поля, например: *Дню молодежи*

посвящаются торжества, которые пройдут сегодня вечером на Центральной набережной Волгограда (ВП, 26.06.2004); *На высоком берегу Волги стоит село Стрельно-Широкое* (ВП, 28.10.2004); *1919 защитников нашего города были перезахоронены на военно-мемориальном кладбище Мамаева кургана* (ВП, 14.07.2004); *Он повел далее речь о совместных действиях в сфере переработки витаминной продукции, которая выращивается в Волго-Ахтубинской пойме* (ВП, 24.09.2003). Одновременно они составляют верхинную часть соответствующего сегмента — совокупности единиц, предназначенных для именования определенной группы географических объектов, объединенных по семантическим признакам: «административно-территориальные единицы, города и другие населенные пункты», «водные пространства, водоемы», «рельеф местности, природные образования», «участки суши, омываемые водами или прилегающие к водоемам».

Менее специализированные для обозначения географического объекта онимы, непоследовательно выражающие инвариантный семантический признак проприатива, нерегулярно реализующие функции, свойственные топонимам, характеризующиеся малой частотностью употребления в текстах газет, обладающие невысоким коммуникативно-прагматическим потенциалом и обозначающие объекты, которые не имеют важного пространственно-организующего значения, характеризуются меньшей социально-административной значимостью в масштабах области, мало известны носителям языка за пределами региона, отнесены к срединной части каждого выделяемого сегмента и по своим функционально-семантическим свойствам обнаруживают принадлежность к ближней периферии всего реконструируемого поля топонимов в языке региона, в частности: *Подготовлен к монтажу газопровод в селе Солонка Нехаевского района* (ВП, 10.07.2004); *С 9 октября по 30 ноября разрешена охота на птицу на пруду Большой Лиман* (ВП, 05.10.2004); *В глубокой секретности в овраге Левада располагалась миниэлектростанция* (ВП, 31.01.2003); *По дороге через Ельшанскую дамбу к центру города шли воинские части* (ВП, 23.08.2002).

Ономастические единицы, которые способны получать различное смысловое наполнение в зависимости от апеллатива, с которым сочетаются, и контекстуального окружения, в рамках которого употребляются, называют небольшие гео-

* Исследование проводится в рамках гранта РФФИ № 09-06-90401 Укр_ф_а.

графические объекты, характеризуются малой частотностью в газетных текстах, мало известны носителям языка в коммуникативном пространстве региона, не имеют большой административно-хозяйственной значимости, обладают низким семантико-прагматическим потенциалом, предлагается рассматривать в составе окраинной части выделяемых сегментов, что связано с реализацией признаков, свойственных конститuentам дальней периферии моделируемого поля. Сочетание с аппеллятивом у такого рода топонимов является в контексте необходимым условием идентификации географических объектов, например: *В Палласовский район скоро поступят трубы для строительства газовых сетей в поселке Эльтон* (ВП, 16.01.2004) — *А ведь молва*

об озере Эльтоне и его волшебных свойствах докатилась до Европы еще 200 лет назад (ВП, 06.07.2004); *Семья эта поставляет молоко в детдом поселка Иловля* (ВП, 02.04.2003) — *Спасатели спустили воду в русло речки Иловли* (ВП, 13.03.2004).

Таким образом, исследование системных и функциональных характеристик лексических единиц на основе вводимого понятия «сегментная структура функционально-семантического поля топонимов» дает возможность соотнести факторы, детерминирующие динамические процессы в одной из важнейших подсистем, специфика которой определяет уникальность и своеобразие региональной языковой картины мира.

О природе различий между вещественными и грамматическими значениями в слове

Г. О. Каримова

Кокшетауский технический институт МЧС РК (Казахстан)

k_gulmira@mail.ru, karimova.gulmira@yandex.ru

Системная лингвистика, лексика, грамматика, значение, гиперлексема

Summary. In this paper we analyse difference between grammatical and material meanings of the word. This variety is examined on the basis of notions of system linguistic. As a result of the undertaken analysis we prove the existence of such ontologically independent unit as a hyperlexem.

Попытка рассмотреть различия между вещественными и грамматическими значениями в слове через понятия системной лингвистики была подсказана трудами Геннадия Прокопьевича Мельникова, одного из ярчайших представителей современной системологии.

Уточняя и развивая идеи основоположников системного подхода в исследовании языка, Г. П. Мельников обращает наше внимание на наиболее существенные черты системной лингвистической концепции В. Гумбольдта, А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ [2].

Сначала В. Гумбольдт обосновал положение о том, что воспринимаемые в речевом потоке языковые знаки и стоящие за ними актуальные единицы мыслительного содержания не связаны непосредственным образом. Эта связь опосредуется наличием таких собственно языковых единиц в сознании человека, как **образы** воспринимаемых **знаков**, они же — единицы **внешней формы** языка, и ассоциированных с ними по смежности особых образов — **посредников**, или элементов **внутренней формы** языка, которые не связаны с единицами собственно мыслительными, т. е. внеязыкового сознания, а лишь **намекают** на них, вступая с ними в ассоциации по сходству. Характеристики этих открытых В. Гумбольдтом единиц уточнил А. А. Потебня, показавший, что образы-посредники — это не вообще внутренняя форма выражаемого знаком мыслительного содержания, а лишь ее необходимый **минимум**, или собственно языковое содержание, **ближайшее** наименьшее **значение** знаков.

Следующим важным шагом на пути развития представлений В. Гумбольдта и А. А. Потебни явилось открытие И. А. Бодуэном де Куртенэ еще одного фундаментального класса единиц — **морфем**. Морфема является минимальной единицей внешней формы, ассоциированной со своим единственным образом-посредником, т. е. со значением, независимо от того, рассматривается ли при этом значение в актуальном акте намека на определенный компонент внеязыкового мыслительного содержания, который, по И. А. Бодуэну де Куртенэ, становится вследствие этого **оязыковленным** компонентом внеязыкового сознания, или **смыслом** значения, или же значение исследуется просто как минимум внутренней формы, ассоциированный по смежности с минимумом внешней формы, т. е. с морфемой.

У В. Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, — подчеркивает Г. П. Мельников — речь идет об основополагающих единицах языкового сознания как об ассоциации лишь минимума внутренней формы с минимумом внешней. И если при этом учесть, что поскольку речь идет всюду лишь о намеках как средстве связывания значений с ближайшими смыслами, а ближайших смыслов — с дальнейшими, и что, следовательно, одному «намекателю» может соответствовать несколько «намекаемых», то станет ясно, что схема ассоциативных связей от значений к ближайшим смыслам и от ближайших смыслов к дальнейшим

может ветвиться, т. е. представлять собою скорее не цепь, а древообразный или гроздеобразный «граф», в корне которого находится морфема, ассоциированная с ближайшими смыслами. Следовательно, только ближайшие смыслы имеют в качестве посредника, при связи их с морфемами, минимум внутренней формы, тогда как все ближайшие смыслы связаны с морфемами цепью, включающей не только значения, но и все промежуточные смыслы, и такая неминимальная внутренняя форма будет у основной массы смыслов, выраженных морфемой, значение которой способно намекают на внеязыковое мыслительное содержание, т. е. способно иметь смысл.

Продолжая рассуждения Г. П. Мельникова о «намекающей» функции значений морфем, очевидно, можно внести уточнение в природу различий между корневыми (вещественными) и грамматическими морфемами и, следовательно, между вещественными и грамматическими значениями в слове. В этой связи, по-видимому, есть основания предположить, что **вещественные** значения предназначены быть средствами намека на смыслы, т. е. компоненты внеязыкового (и становящегося таким путем оязыковленным) мыслительного содержания. Следовательно, вещественное значение всегда ассоциируется по сходству с ближайшими смыслами.

Грамматические же значения намекают на типы отношений последующих смыслов в цепи ассоциаций между смыслами, на предыдущие (деривационные, т. е. словообразовательные морфемы) и на типы отношений между ними, когда они намекают на части одного общего для них последующего смысла (словоизменительные морфемы). Следовательно, если мы имеем дело с совокупностью лексем языка с одной и той же вещественной, т. е. корневой морфемой и с различными грамматическими морфемами, то стоящие за этими лексемами оязыковленные мыслительные единицы, т. е. смыслы, оказываются включенными в схему типа «древесного» или «гроздьевидного» ориентированного графа с единственной вершиной — значением вещественной морфемы, представленной корнем каждой из лексем гиперлексем [1]; [3].

Таким образом, если опуская ряд деталей, на которых нет места останавливаться, вслед за теоретиками генеративной лингвистики, использовать термин «языковая способность» как констатацию факта наличия в сознании человека языка как формы, хотя бы минимальной, внешней и минимальной внутренней, а под «языковой компетенцией» понимать наличие навыков использования «языковой способности», хотя бы на уровне узуса, сложившегося в языковом коллективе, то гиперлексема онтологически может быть определена как совокупность всех однокоренных лексем, узальные смыслы которых, как окончания и развилки всех веток одного дерева, сходятся в основании общего ствола, т. е. в вещественном значении корневой морфемы. Следовательно, гиперлексема оказывается действительно онтологически са-

мостоятельной языковой единицей, являющей себя через совокупность тех смыслов, к которым, по звеньям сложившейся схемы ассоциаций, можно «добраться», двигаясь по значению корня.

Литература

1. Каримова Г. О. Типы словопроизводства и критерии выделения гиперлексемы // Русский язык: исторические судьбы и современ-

ность. Международный конгресс. Труды и материалы. МГУ. М., 2001. С. 186.

2. Мельников Г. П. Системная типология языков. Номинативный ракурс языкового типа и проблемы стадияльной типологии языков. М., 1999.

3. Поликарпов А. А. Теоретические проблемы прикладной лексикологии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. «Филология». 1989. № 5. С. 64–74.

Культуроведчески значимая лексика в современной развлекательной литературе

В. М. Касьянова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

vkasianova@mail.ru

Развлекательная литература, культуроведчески значимая лексика, национальные стереотипы, толкование слов, коннотации

Summary. The study covers the lexical content of crosswords, which are regarded as a separate genre of contemporary entertainment literature. The author presents a classification of culturally significant Russian lexicon and demonstrates the principal ways of its interpretation.

Парадоксальность современной языковой и образовательной ситуации в России определяется двумя важнейшими факторами: с одной стороны, это неуклонное снижение интереса к серьезному чтению в его классическом варианте, с другой — стремление выглядеть достаточно эрудированным человеком. Отсюда и популярность развлекательной литературы. «Гламурные» журналы, сборники всевозможных советов и рекомендаций по украшению дома и ведению домашнего хозяйства, наконец, разнообразные кроссворды, роль которых весьма значительна, но не только в плане развития памяти, как уверяют психологи. В реальности кроссворды, а также распространившиеся в последнее десятилетие сканворды представляют собой весьма интересное явление современной массовой культуры: они повышают самооценку человека, давая ему шанс почувствовать себя знатоком, и имплицитно формируют его интеллектуальный мир, отношение к реальности, к прошлому и настоящему России. Кроме того, заменяя для огромного количества людей не только художественную литературу, но и столь привычные в недавнем прошлом газеты, кроссворды, несмотря на мозаичность, лежащую априори в их основе, становятся источником пополнения информации об окружающем мире, а также расширяют словарный запас носителя русского языка.

Очень важен анализ современных кроссвордов в плане наполнения их культуроведчески ценной лексикой: он позволяет определить жизненные ценности и ориентиры современного россиянина, увидеть, какие понятия и явления стали неотъемлемой частью его культурного уровня.

Культуроведчески ценная лексика в современных кроссвордах, среди которой особое место занимают лингвокультуремы, то есть нарицательные и собственные имена, относящиеся к безэквивалентной лексике и понятные только носителям языка, охватывает разнообразные реалии и явления, связанные с историей и культурой Древней Руси (*наша Родина-матушка; первый князь из Рюриков; плуг древнего русича; деньги на Руси; лоб — чело, щека — ...; рюмка наших предков*), России (*почтовый большак, Стенька-бунтовщик*), СССР (*город детства Сталина, Оренбург в 1938–57 гг.; Паулюс взят в ... в 1943 г.; резерв КПСС*), новой России (*чек от Чубайса; мэтр № 1 г. Москвы*); с географией России (*сибирская столица Колчака; Ладога в старину; «русская» Ривьера; на ней стоит Нара; купидонная река; Одесса — мама, ... — папа*) и ее животным и растительным миром (*чадо белых мишек*); с русским фольклором, в том числе с былинами (*муромский богатырь*), пословицами (*семь бед, а он один; обретишь с милым в шалаше; вечера мудренее; снится голодной курице*), поговорками (*его желают*

злomu языку; вечно крайняя изба; редьки не слаще), загадками (*летом серый, зимой белый*), сказками (*социальный статус Балды; Цокотуха*), дразнилками (*между плаксой и гуталином*), скороговорками (*«соска» Саши на шоссе*), анекдотами (*анекдотная половина Абрама*), афоризмами (*«брат» краткости*); с русской литературой (*злодейка в «Руслане и Людмиле»; ему вареники в рот прыгали; лежанка Обломова; про утопление у Тургенева; «На дне» [персонаж]; сиденье от мастера Гамбса; писал про клен опавший; табакерка Теркина*); с художественной и музыкальной культурой России (*самогуды Садко; арагонский танец М. Глинки; опера Римского-Корсакова [1896]; любимый школьный предмет Феди Шалапина; пламенное сердце самолета; хит группы «Любэ»; ... — трава, что зайцы косили*); с театром, кино, телевидением (*с чайкой на занавесе; адресат Юстаса; Жаров как участковый; Балбес — Никулин, Трус — ...; Чебурашкин крокодил; сериал по Ф. Достоевскому; нива чудес Якубовича*); с жизнью русского человека (*пора Деда Мороза; напиток патриотов; «За счастье!» под рюмочку; из них переводят в детсад; в Туле испечен*), его нравственными и моральными ценностями (*куда ему без Марьи; его боятся «зайцы»*) и т. д. Данные примеры отражают устойчивость национальных стереотипов, показывают своеобразие русского характера и особенности его менталитета.

Наиболее активно в современных кроссвордах используются такие способы представления культуроведчески значимой лексики, как энциклопедическая справка, объем которой варьируется в широких пределах; фразеологизмы и устойчивые словосочетания; перифраз; метафоры; эллипсис (пропуск имени героев в названии прецедентных произведений художественной литературы, слова в известной цитате, пословице и т. д.); ассоциация на известное имя, явление, понятие, а также рисунки и фотографии.

Но, несмотря на многочисленность способов толкования слов, определяющей часто является дополнительная коннотация, связанная с основным значением и подчеркивающая личностное отношение авторов кроссворда к тому или иному лицу, событию, явлению, что особенно типично для представления советизмов, которое практически всегда окрашено иронией.

В заключение следует отметить, что анализ лексического наполнения современных кроссвордов очень важен для понимания психологического климата страны, адекватной оценки жизненных приоритетов людей и возможности манипулирования ими в целях достижения определенных политических целей.

Ключевые слова и доминанты: их функциональное сходство и различие в деловых текстах

А. Н. Качалкин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Ключевые слова и доминанты — понятия разные. Ключевое слово связано с высказыванием, доминанта — с выбором слова. Отличительные свойства доминанты по отношению

к членам синонимического ряда: их большая регулярность в употреблении, большая валентность (возможность сочетания с другими словами), стилевая нейтральность и —

как главное свойство — способность к замене любого члена синонимического ряда. Так, слово *внимательный* не всегда может быть употреблено вместо слова *старательный*, слово *бережливый* — вместо слова *рачительный*, а доминанта этого ряда *заботливый* способна заменить любое из приведенных слов.

Обычно доминанты являются словами нейтральными, не принадлежат к какому-либо стилю. Так оно и есть, но положение меняется, если все слова синонимического ряда связаны употреблением с одним и тем же стилем речи — доминанта также будет принадлежать к этому же стилю речи.

Для выражения главного смысла отдельного высказывания или темы целого абзаца обычно используется исходное, главное, базовое слово, смысл которого дальше можно и нужно развивать, детализировать, уточнять. Такое слово целесообразно называть ключевым, хотя такое название не единственное и в литературе для выражения этого понятия употребляются слова *основное*, *существенное*, *главное* (реже *главенствующее*), *господствующее*, *важнейшее*, *ведущее*, *определяющее*, *стержневое*, *центральное*. В этих определениях к основному слову высказывания можно видеть разный подход к реализации его коммуникативной функции и его разную оценку.

Благодаря рационально подобранному ключевому слову является возможность быстрого постижения сущностного содержания высказывания, его восприятия, понимания и при необходимости — воспроизведения. Система ключевых слов особенно удачно функционирует в абзаце как следующей за высказыванием связной частью текста. Само ключевое слово по функции замыкает высказывания, но известные пять способов связи высказываний внутри абзаца помогают распространению значения ключевых слов и на другие высказывания, а при продуманном логичном сочетании ключевых слов позволяют осуществить их системную связь, усиливая содержательную сущность абзаца.

Особую роль ключевые слова сыграли в истории сложения названий деловых текстов. Название — сильный, исключительно насыщенный семантически элемент документа. Через названия, взятые в определенной системе, открываются целые пласты русской истории. Будучи представителем и заместителем целого документа, название в его полном объеме (например, *сговорная полюбовная противная запись* и др.) позволяет представить проблемно-тематическое содержание документа, а через него и само дело. Это хорошо чувствовали и осознавали на свой лад составители ранних деловых текстов: они выбирали наиболее необходимые, наиболее стабильные слова и формировали из них письменную речь в ясных и кратких выражениях, а ведущую роль при этом занимали ключевые слова, именно ими формулировалось название делового текста в целом. С XI до XIV века, когда тексты деловой прозы представляли собой нерасчлененные виды лишь тематически различаемого делового письма, ключевыми словами были именованы темы: в XI веке это *устав князя*, в 1223–1225 гг. — документ с названием *ряд*, в 1257 г. — *владельница*, в 1262–1263 гг. —

правда, в 1362 г. видим документ с названием *докончание*, окончательно оформлявший после переговоров дипломатическое отношение (обычно мирный договор). В 1375 г. впервые встречаем документ с названием *запись*, получивший со временем широкое распространение. В этом же году отмечаем *целование* — клятвенное обещание, присягу, при которой целовали крест и каждая из сторон брала документ со словами такого клятвенного обещания. В 1386 г. — деловой текст с названием *сведоуство* — свидетельство, документ, служащий доказательством известных прав или удостоверением определенного состояния, положения человека или положения вещей.

С XIV века стандартизованный тип модальности реализуется определенным жанром: *запись*, *грамота*, *память*, *ропись* и другими подобными. Исторически имя документа формируется и используется как средство для обособления определенного типа делового текста во имя его рационального функционирования. Названия документов — это как бы извлеченные из текста дескрипторы, имя документа опирается на ключевые слова текста, преимущественно глаголы, и образует с ними теснейшую семантическую связь. В названиях документов глагольная лексика трансформируется в именную: *установленная целовальная грамота* (1416 г.), *рядная и дельная грамота* (до 1472 г.), *верующая грамота* (1488 г.), *владенная выпись* (1635 г.), *верстальная память* (1573 г.), *венчальная память* (1628 г.) — все эти и подобные определения к имени жанра соотносятся по смыслу с соответствующими глаголами в тексте, образованы от их корней.

Вокруг ключевых слов формируется и синтаксис: наиболее регулярные конструкции и структуры. Ключевые слова в названиях документов определяют ключевые понятия деловой жизни определенной эпохи и одновременно являются основой делового словаря своего времени.

В наши дни особенно важна роль ключевых слов в новом жанре делового общения — видеоконференциях. В них при помощи ключевых слов передаются лишь важнейшие параметры сущностной информации. Эти параметры и позволяют восстанавливать сигнал «на приеме» с приемлемым разрешением. Компьютер должен обрабатывать поступающие данные быстро и качественно, иначе неизбежны пропущенные кадры, сбои в речевом потоке и другое подобное. Для того, чтобы эффективно решить эту проблему, и появились специальные платы видеоконференцсвязи с наиболее сильными семантически ключевыми словами.

Доминанта может оказаться и ключевым словом, но лишь тогда, когда она будет центральным понятием высказывания, когда в ней будет заключена основная идея мысли (суждения). Ключевое слово, в свою очередь, может явиться доминантой синонимического ряда — в таком случае в каждом последующем высказывании, развивающем исходную мысль, могут быть употреблены синонимы этой доминанты с новыми ракурсами смысла. Таким образом, ключевые слова и доминанты синонимических рядов с одной стороны, выполняют в речи разные функции, с другой — существенно дополняют друг друга.

Каким образом разрешается регулярная неоднозначность глаголов цвета в русском языке?

И. М. Кобозева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

kobozeva@philol.msu.ru

Глаголы цвета, регулярная многозначность, локальный контекст

Summary. The regular ambiguity of Russian verbs of color is analyzed; the contextual features that help to resolve the ambiguity are singled out and connected with the semantic properties of each of the two verb's meanings: 'having (observed) color' and 'change of color'.

В русском языке существуют глаголы цвета (далее ГЦ), образованные от прилагательных цвета при помощи суффиксов *-е-* (тип *белеть*) и *-и-* (тип *белить*), от которых в свою очередь образуются возвратные глаголы (*белеться*, *белиться*) и приставочные дериваты со значениями различных способов действия (*забелеть*, *побелеть*, *побелить*, *выбелить* и т. д.). ГЦ с суффиксом *-е-* типа *белеть* в НСВ демонстрируют регулярную неоднозначность: они могут обо-

значать как наблюдаемый цвет объекта (*Белеет парус одинокий в тумане моря голубом*), так и изменение цвета объекта (*От волнения у нее белеют губы*) [здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка, кроме простейших, которые составлены самим автором]. Будем помечать ГЦ в первом из указанных значений индексом 1, а во втором — индексом 2. Таким образом, в первом примере употреблен ГЦ *белеть 1*, а во втором ГЦ — *белеть 2*. Все

ГЦ–1 — непарные по виду, поэтому форма СВ от глагола цвета (*побелеть* и т. д.) однозначно интерпретируется как обозначающая изменение цвета, то есть как ГЦ–2.

Рассматриваемая регулярная неоднозначность, по-видимому, является уникальной особенностью ГЦ, поскольку все прочие глаголы, обозначающие наблюдаемое (и шире — воспринимаемое) свойство или состояние объекта (*торчать, маячить, блеснуть, пахнуть, звучать* и др.), не могут обозначать изменение этого свойства или состояния (формы, свечения, запаха, звучания и т. п.) и наоборот: глаголы, обозначающие изменение свойства или состояния (*худеть, теплеть, светлеть, слабеть* и др.) не способны обозначать соответствующее наблюдаемое свойство или состояние (напр., о наблюдаемом толстом объекте X не говорят **Вон толстеет X*).

Данный случай неоднозначности глагола принадлежит к типу метонимии, что с когнитивной точки зрения означает, что оба ЛСВ глагола соотносятся с одной и той же предметной областью (в данном случае областью явлений, связанных с цветом физического объекта). Плюс к этому оба ЛСВ глагола цвета (во всяком случае, на первый взгляд) имеют тождественные модели управления: это одновалентные глаголы, единственным обязательным актантом которых является носитель цвета. Тем не менее, мы, как правило, легко понимаем, в каком из двух значений употреблен ГЦ даже в изолированных от контекста предложениях. Пилотное корпусное исследование [2], в котором были помимо прочего проанализированы по 100 примеров употребления на каждый из 5 ГЦ (*белеть, желтеть, зеленеть, синеть, чернеть*), показало, что более, чем в 96% случаев глагол интерпретируется однозначно. Что же определяет выбор одного из двух значений неоднозначных глаголов цвета?

Анализируя представленный в [2] материал, мы пришли к следующему выводу: выбор «правильного» значения ГЦ осуществляется благодаря наличию в предложении тех характеристик, которые совместимы с данным значением. Поскольку два значения ГЦ обуславливают по целому ряду параметров взаимоисключающие характеристики предложения, выбрать нужное значение в большинстве случаев оказывается легко. Неоднозначность сохраняется лишь тогда, когда «диагностических» характеристик в предложении не обнаруживается или когда эти характеристики не являются взаимоисключающими. В докладе рассматриваются те аспекты структуры предложения, которые обуславливаются каждым из двух значений глагола цвета.

Глаголы типа ГЦ–1, как и другие глаголы со значением наблюдаемого свойства в русском языке чаще всего выступают в бытийных предложениях, по совместительству выполняя роль бытийной связки. Как известно, в бытийных предложениях (в отличие от локативных) ремой служит бытующий объект, то есть подлежащее (в нашем случае объект-носитель цвета). ГЦ–1 не может быть самостоятельной ремой, о чем свидетельствует невозможность для него главного фразового ударения (ГФУ). При нейтральном порядке слов в бытийном предложении ИГ-рема (подлежащее) следует за полусвязочным глаголом, ср. *Вдали синел лес*. В отличие от этого ГЦ–2, как и другие глаголы изменения свойства, в норме имеют статус ремы, несут ГФУ и при нейтральном порядке слов следуют за ИГ-подлежащим, ср. *Татуировки со временем синеют*. В подавляющем большинстве употреблений порядок следования ГЦ и субъектной ИГ соответствует указанному, однако порядок слов не является безусловным критерием выбора между ГЦ–1 и

ГЦ–2, поскольку существуют такие трансформы предложений с ГЦ–1, в которых ИГ-подлежащее предшествует глаголу, ср. *Луг синел колокольчиками* ← *На лугу синели колокольчики*, и имеются такие предложения с ГЦ–2, в которых подлежащее входит в рему и следует за глаголом, ср. *Я... глядел, как быстро чернела земля*.

ГЦ–1 — это глаголы с «врожденным» Наблюдателем по терминологии Е. В. Падучевой. Тем самым, в значении ГЦ–1 всегда присутствует компонент «Наблюдатель видит X». Е. В. Падучева считает, что в значении глагола *увидеть* имеется участник с ролью Место (в котором находится перцепт X). Из этого следует, что участник Место должен быть и в ситуации, обозначаемой при помощи ГЦ–1 (и тем самым ГЦ–1 являются не одновалентными, а двухвалентными). На поверхностном уровне участник Место в норме отражается в виде обстоятельств места. И действительно, по данным Е. А. Данилкиной обстоятельство места присутствует в 88,7% употреблений ГЦ–1. Дотянуть до 100% мешают употребления типа *Луг синел колокольчиками*, где обстоятельство места отсутствует, хотя участник с ролью Место имеется, правда, в этом типе конструкций он продвинул в позицию подлежащего. Что же касается употреблений ГЦ–2, то для них участник Наблюдатель лишь возможен, но не обязателен, и поэтому участник Место появляется при них намного реже, но все же встречается, ср. *За окнами южные сумерки стремительно синели и превращались во тьму*. С другой стороны, только при ГЦ–2 встречаются сирконстанты Причины, поскольку изменения обычно вызываются действием тех или иных причин, ср. *От курения зубы желтеют*. Событие же, состоящее в видении объекта, имеющего тот или иной цвет, имеет единственную причину — нахождение объекта в поле зрения Наблюдателя, и ее экспликация избыточна.

ГЦ–1 принадлежат к семантическому типу Состояний, а ГЦ–2 в НСВ — к типу Тенденций (см. [1]). Из этого следует несочетаемость ГЦ–1 с семантическими типами темпоральных обстоятельств, которые свободно сочетаются с ГЦ–2: обстоятельствами скорости (*быстро, постепенно* и т. п.) и промежутка времени, в течение которого нарастают изменения (*со временем* и т. п.). Наличие таких обстоятельств в предложении — безусловный индикатор ГЦ–2, ср. приведенный выше пример *Я... глядел, как быстро чернела земля*. Столь же точным индикатором ГЦ–1 является контекст обстоятельства образа действия со значением высокой степени по оптическим параметрам (яркости, четкости и т. п.), ведь такие модификаторы применимы только к стабильной визуальной характеристике, а не такой, которая меняется, ср. *...каждое дерево, каждый куст ярко зеленели...; Снизу смутно белело его запрокинутое лицо*.

Помимо указанных, существует и ряд других абсолютных или вероятных индикаторов для каждого из значений. Можно предположить, что легкость распознавания значения ГЦ в локальном контексте зависит от как от «силы» индикатора (абсолютный vs. вероятный), так и от совокупного количества «индикаторов», указывающих «в одну сторону».

Литература

1. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
2. Данилкина Е. А. Семантико-синтаксический анализ глаголов цвета в русском языке. Дипломная работа (МГУ). М., 2009.
3. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Ситуативно-структурная семантика русских глаголов лексико-семантической группы зрительного восприятия

Т. Н. Козюра

Воронежский государственный университет

laverdure@mail.ru

глаголы, зрительное восприятие, субъект, объект

Summary. The paper deals with the Russian verbs belonging to a lexico-semantic group of visual perception. The analysis focuses on the subject-object semantics of the verbs of visual perception in Russian.

В определении состава и структуры лексико-семантической группы зрительного восприятия (ЛСГ ЗВ) в целом 298

лингвисты используют два подхода — узкий и широкий. При узком подходе исследователи включают в ЛСГ ЗВ

только те глаголы, у которых восприятие осуществляет активный субъект. Эта группа включает: а) глаголы типа *смотреть* — подгруппа глаголов зрительного восприятия; б) глаголы типа *видеть* — подгруппа глаголов видения (обзор работ по данному пониманию состава ЛСГ зрительного восприятия представлен в [3]).

По терминологии, предложенной А. Мустайоки, глаголы восприятия в целом делятся на «активные» (*слушать, смотреть, нюхать* и т. д.) и «пассивные» (типа *слышать, видеть, чувствовать* и т. д.) [4: 216].

Глаголы зрительного восприятия противопоставляются глаголам видения по следующим признакам: преднамеренности (активности) — непреднамеренности; целенаправленности — результативности; при этом у глаголов зрительного восприятия действие направлено от субъекта, у глаголов видения — к субъекту. В целом глаголы зрительного восприятия и видения могут быть противопоставлены не по одному признаку, а по их совокупности: наличию / отсутствию в действии воли субъекта (активность / пассивность, преднамеренность / непреднамеренность); по отношению причины / следствия (целенаправленность / результативность); как разные этапы чувственного восприятия (направленность от субъекта — направленность к субъекту).

При широком понимании в ЛСГ зрительного восприятия включаются разряды единиц (в том числе разряд глаголов) зрительного восприятия и видения, связанные с субъективным планом ЗВ, но и глаголы других типов: глаголы типа *видеться*, связанные с объективным планом ЗВ; глаголы, обозначающие наличие, приобретение или утрату зрительной способности (*прозреть, ослепнуть*); каузативные глаголы ЗВ (*ослепить, вернуть зрение, показать, спрятать*). Исследования глаголов зрительного восприятия в широком смысле содержат следующий набор оппозиций: участие в ЗВ в качестве субъекта / объекта; действительное / возможное участие в ЗВ; положительная / отрицательная выраженность признака; неизменность / изменение признака (по внутренним причинам — становление, по внешним — каузация).

По разделяемому нами мнению А. А. Кретьова, архисемой ЛСГ зрительного восприятия является «участие в ЗВ» [3: 107–110].

Глаголы ЛСГ ЗВ широко представлены в русском языке. Воспользовавшись различными словарями русского языка, мы попытались произвести анализ синтаксической семантики глаголов данной группы; это представляется необходимым при исследовании функционирования глагольных конструкций в плане залоговости и возвратности (о залоговых сочетаниях с глаголами ЗВ см. [1]; [2]).

Ситуативно-структурная семантика глагола ЛСГ ЗВ заключается в его субъектно-объектной характеристике — потенциальном направлении действия: от субъекта — субъектное, от объекта — объектное зрительное восприятие:

субъектное: Субъект → Зрительное восприятие → Объект

объектное: Субъект ← Зрительное восприятие ← Объект

Отметим, что в число исследуемых русских глаголов ЗВ мы не включили: 1) стилистически пейоративно или фамиллярно маркированные глаголы (*пялиться, лупиться* и

др.); 2) экспрессивно окрашенные глаголы (*коситься, ози- раться* и т. п.);

Для первоначального анализа мы отобрали из указанных выше словарей семантически нейтральные глаголы зрительного восприятия несовершенного вида, которые не выражают каких-либо специфических аспектуальных оттенков грамматического значения. Так, например, мы исключаем из списка исследуемых лексем глагол совершенного вида *взглянуть*, который своей грамматической семантикой передает аспектуальное значение однократности (единичности) действия.

Результаты анализа демонстрируют, что среди глаголов ЛСГ зрительного восприятия в русском языке в семантико-синтаксическом плане выделяются следующие подгруппы глаголов:

1) субъектные глаголы:

а) невозвратные: ядерные — *видеть, глядеть, замечать, наблюдать, обнаруживать, проследивать, следить, смотреть, рассматривать, усматривать, созерцать, читать*; периферийные — *грезить, представлять*;

б) возвратные: ядерные — *видеться, глядеться, замечаться, наблюдаться, обнаруживаться, проследиваться, смотреться, рассматриваться, усматриваться, читаться*; периферийные — *ослеплять*;

2) объектные глаголы:

а) невозвратные: ядерные — *выглядеть, выглядывать, показывать, указывать, представлять, являть*; периферийные — *алеть, белеть, блестеть, желтеть, зеленеть, розоветь, сверкать, сереть, синеть, сиять, темнеть, чернеть; исчезать, скрывать, прятать*;

б) возвратные: ядерные — *виднеться, показываться, представляться, являться, появляться*; периферийные — *белеться, желтеться, зеленеться, сереться, синеться, темнеться, чернеться; вырисовываться, золотиться, рисоваться, светиться, серебриться; грезиться, казаться, мерещиться, представляться, сниться, чудиться*.

Таким образом, в русском языке глаголы зрительного восприятия можно распределить по лексико-семантическим подгруппам, внутри которых выделяется центр и периферия. Всего в русском языке проанализировано 69 глаголов зрительного восприятия, из них 34 — невозвратных и 35 — возвратных.

Литература

1. Козюра Т. Н. Залоговые значения глаголов зрительного восприятия (на материале русского и французского языков) // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2007. № 2 (ч. 1). С. 62–67.
2. Копров В. Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). Воронеж, 1999.
3. Кретьов А. А. Организация лексико-семантической группы зрительного восприятия в индоевропейских языках // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка: Сб. науч. тр. Воронеж, 1981. С. 107–114.
4. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М., 2006.

Глаголы движения как активно порождающий и активно воспринимающий класс (в контексте семантического взаимодействия лексических классов)*

Е. С. Копорская

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва)

gramilex@inbox.ru

Глаголы движения, лексико-семантические классы, взаимодействие классов, семантические процессы, динамика

Summary. The report covers the new meanings of verbs of motion. The basic attention is given to the analysis of semantic processes that lead to internal semantic transformations of verbs of motion and their transition to other verbal classes. The basic point of this problem is that these semantic processes are determined by complicated interaction between the lexical classes — the class that produces the new meaning and the class that gets it.

1. Различные семантические преобразования глаголов движения, обуславливающие перемещение этих слов в другие глагольные классы, рассматриваются в докладе в тесной связи с проблемами строения и взаимодействия лексико-семантических классов, а также их функциональной нагруз-

кой в системе языка. Лексико-семантические классы, имеющие сложную иерархическую организацию, предстающую в виде разветвленного древа, характеризующегося от верхины до последних разветвлений ступенчатой инкорпорированностью своих ветвей, являются основой организации лек-

* При финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН «Генезис и взаимодействия социальных, культурных и языковых общностей», а также гранта НШ-1268.2008.6.

сической системы языка в целом, формой ее существования. Семантическое взаимодействие лексических классов выступает как один из основных и постоянных факторов динамики системы. Эти классы, являясь одновременно активно порождающими и активно воспринимающими структурами, предстают как живые, находящиеся в постоянном движении участки лексической системы.

2. Один из наиболее активно порождающих и воспринимающих лексических классов представляют глаголы движения. Глаголы физического движения продуцируют значения, проникающие во все глагольные классы: это глаголы с ослабленной знаменательностью, фазовые, модальные, глаголы связей и отношений; дейктические, бытийные глаголы; ментальные глаголы; глаголы, называющие чувства, поведение, контакты, информацию; глаголы, обозначающие деятельность, трудовые процессы, занятия, спорт, отдых, развлечения и многие другие лексические множества. Основная функция семантических новообразований — представлять различные действия, состояния, отношения через движение, процесс, вносить в любую лексическую группу, составляющую отдельный участок общей лексической системы, элемент динамики.

3. Основное внимание в докладе будет обращено на анализ собственно семантических процессов, ведущих к внутренним преобразованиям семантики глаголов движения и переходу их из категории физического движения в категории отвлеченного действия, процессуального состояния, свойства, бытийности, неполнозначности и др.

4. Центральным в рассмотрении данной проблемы должно стать положение об обусловленности семантический процессов сложным взаимодействием классов — класса, порождающего новое значение, и класса, его воспринимающего. Формирование нового значения у слов являет собой не одномоментный акт, а процесс, имеющий протяжение во времени, проходящий разные стадии своего протекания и определяемый как категориальными свойствами взаимодействующих классов (общими и взаимоисключающими друг друга), так и семантическими характеристиками лексических множеств, относящихся к разным классам и взаимодействующих друг с другом.

5. Рассмотрению также подлежат процессы перехода в класс глаголов движения лексических единиц, принадлежащих другим классам и развивающим соответствующие значения.

Конкуренция лексем в соотносящихся ономастических пространствах (на примере русских газет и журналов Украины)

И. Н. Кошман

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

iry-na-koshman@ukr.net

Собственное имя, ономастическое пространство, пара названий

Summary. The paper deals with the current tendencies characteristic of using the Ukrainian nominations of the orthodox religious holiday in the Russian publicistic text in Ukraine.

1. Социальная детерминация собственных имен обуславливает тот факт, что заполнение ономастического пространства зависит от конкретных политических, экономических и культурных ситуаций. Характеризуясь определенной предметностью, континуум ономастического пространства изменяется вместе с изменением социально-политических и культурных условий.

Очевидно, что в ситуации сосуществования на одной территории нескольких языков одно ономастическое пространство получает отдельное отражение в каждом из этих языков и, таким образом, приобретает вид некоторой упорядоченной совокупности соотносительностей. Для описания подобных ономастических ситуаций, например В. Шпербер, предлагает базовое понятие «пара названий», которое он определяет как «наличие двух имен <...> для одного и того же объекта» [3: 384]. Существенным свойством этих пар является то, что «для двуязычных индивидов именные пары — это не следствие случайного двойного именования; напротив, эти пары выполняют вполне определенную функцию, гармонически включаясь во всеохватывающую систему отношений элементов обоих языков» [3: 387].

2. Сосуществование на протяжении длительного времени украинского и русского языков объясняет наличие соотносящихся ономастических пространств. Становление соотносимых ономастических пространств в данном случае происходит разными способами. Например, пара топонимов *Товсте* — *Толстое* возникает как результат перевода; пара топонимов *Підгайці* — *Подгайцы* — как результат частичного перевода; пара топонимов *Відень* — *Вена* — как результат независимого именования, а пара *Коломия* — *Коломыя* — как результат заимствования. Следует подчеркнуть, что процесс заимствования ономастических единиц обычно сопровождается их графико-фонетическим, семантическим и грамматическим освоением. Номинации, входящие в ономастическое пространство, получают кодификацию в каждом из языков, а нормативное соотношение пар названий закрепляется в двуязычных словарях.

3. В русских текстах Украины новейшего времени отчетливо проявляется тенденция к перераспределению онимов разных типов в соотносимых ономастических пространствах: разрушаются сформировавшиеся ранее и получившие кодификационный статус соотношения в парах названий. На место упорядоченного, последовательно проводимого разгра-

ничения ономастических пространств приходит смещение, обуславливаемое причинами нелингвистического характера.

4. Весьма показательным примером перераспределения в соотносящихся ономастических пространствах является такое специфическое поле, как наименования праздников. В частности, та его часть, которая содержит номинации религиозных праздников. Как известно, на протяжении почти всего XX века этот тип онимов подвергается значительным ограничениям в функционировании (что является следствием идеологического запрета религиозной тематической области). Результатом такого положения дел было исключение религиозной лексики из словарных словников. Снятие запрета и возвращение этой тематической группы в активное употребление фиксируется исследователями современной русской речи лишь к концу века [1]; [2].

Изменения в отношении к религиозной жизни социума совпадают с социально-политическими трансформациями в Украине. Русские публицистические тексты свидетельствуют о том, что для названия религиозных праздников в них используются собственные имена как русского, так и украинского соотносящихся ономастических полей. Например: *Великдень невозможно представить без цветов* (ЗН 2000, № 16); *Вольности с горячительными напитками, заигрывание с молодками, непристойное поведение недопустимо, да и к своим женам они вернутся только после «розколяды», которая у гуцулов происходит на Водохреще* (КТ 2004, № 1); *Ведь после «зелених свят» начинается Петровский пост: в нынешнем году он продлится целых пять с половиной недель...* (ФК 2007, 26.05); *За народную любовь он получил название «царя дней», или Великдень* (Н 2008, 23.04); *Строгий двухнедельный пост заканчивается в день Успения Пресвятой Богородицы (28 августа), который народ окрестил «Першою Пречистою»* (ФК 2008, 14.08); *Освящение воды накануне Водохрещи совершают в церкви, а непосредственно в этот день — на Иордане, в открытых водоемах* (С 2008, 29.12); *В Украине этот праздник в народе называют «Зелеными святыми», в качестве украшения домов используют ветки тополя, липы, различные травы* (Н 2009, 7.06). Интересно, что во всех этих случаях соперничают пары названий, сформированные соотношением независимых именований.

Отчасти, такое положение дел, видимо, объясняется тем, что во времена идеологических запретов украинские собст-

венные имена сохранялись как органичная часть домашнего лексикона (независимо от глубины религиозных убеждений), функционировали в неофициальных коммуникативных ситуациях и, таким образом, передавались из поколения в поколение. Поэтому после снятия политико-идеологических ограничений лексические единицы, принятые в неофициальном общении и хорошо известные, актуализируются и достаточно легко входят в русские тексты, «тесня» при этом русские названия соответствующих религиозных праздников.

Таким образом, русские публицистические тексты новейшего времени свидетельствуют о возникновении конкурентных отношений, которые разрушают традиционное нормативное соответствие в соотносящихся ономастических пространствах. Наблюдается перераспределение еди-

ниц в ономастических полях, которое, в некоторых случаях, приводит к заменам русских номинаций украинскими в текстах.

Литература

1. *Какорина Е. В.* Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 67–89.
2. *Склярская Г. Н.* Предисловие // Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г. Н. Склярской. М., 2001.
3. *Шпербер В.* К соотношению между лужицкими и немецкими топонимами в двуязычной Лужице (Названия урочищ) // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты: Сборник. М., 1972. С. 383–397.

Особенности системной организации лексико-семантической группы прилагательных-цветонаименований (в русском языке)

Е. В. Крапивник

Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)

lena-post@rambler.ru

Прилагательные-цветонаименования, семантика, системные отношения

Summary. The semantic relations of Russian colour terms are the basis of the different systemic relations — oppositional, hieratic, synonymic and asystemic — characterized the lexical group of the colour-named adjectives.

1. Системные отношения в лексико-семантической группе (ЛСГ) прилагательных-цветонаименований

(1) Прилагательные, обозначающие цветовой признак, представляют собой лексико-семантическую группу, единицы которой характеризуются разнообразием и неоднородностью системных отношений. В частности, в современном русском языке между прилагательными-цветонаименованиями на основании соответствующих семантических связей могут устанавливаться следующие виды системных отношений: оппозиционные, иерархические, синонимические, а также отношения «несоотнесенности» («асистемные отношения»). Оппозиционные отношения (контрастные или контрастирующие отношения) реализуются между прилагательными-цветонаименованиями, связанными отношениями противоположности; иерархические отношения (таксономические, родовидовые или гиперо-гипонимические отношения) определяют прилагательные-цветонаименования, связанные родовидовыми отношениями; синонимические отношения (ассоциативные отношения) возникают на основании семантической близости лексем; асистемные отношения (отношения «несоответствия») возникают в ситуации невозможности установления между ними семантических связей.

(2) Неоднородность семантических связей и взаимоотношений между цветонаименованиями, определяющая разветвленную системную организацию ЛСГ прилагательных-цветонаименований, обусловлена, как показывает анализ, не только семантическими, но и многочисленными и разнообразными этимологическими, историческими и функционально-стилистическими особенностями этих лексических единиц.

(3) Названные виды отношений можно рассмотреть на примере взаимодействия лексем *белый* и *черный*, которые традиционно рассматриваются лингвистами в качестве древнейших и универсальных оснований системы цветообозначения и демонстрируют в различных контекстах все указанные выше семантические связи, со всей полнотой реализуя разнообразные системные отношения, организующие рассматриваемую ЛСГ.

2. Оппозиционные отношения в ЛСГ прилагательных-цветонаименований

Оппозиция между цветонаименованиями *белый* и *черный* является важнейшим представлением русской культуры, которая соответствует как современному научному знанию об оптических свойствах белизны и черноты, свидетельствующему об их противоположной природе по отношению к наличию / отсутствию света, так и этимологии прилагательных, первоначально номинирующих светлые и

темные оттенки. Оппозиционные отношения между цветонаименованиями *белый* и *черный* реализуются, прежде всего, в их следующих значениях: 1) 'светлый — темный', 2) 'чистый — грязный', 3) 'хороший — плохой', 4) 'законный — незаконный', 5) 'божественный — принадлежащий темным силам, бесам', 6) 'аристократичный — простонародный' и т. п.

3. Иерархические отношения в ЛСГ прилагательных-цветонаименований

(1) Иерархические отношения между цветонаименованиями связаны со сферой их денотации и с национальной спецификой структурирования спектрального континуума. Соответственно современным представлениям о разделении спектра на семь основных цветов, включающих в себя определенные оттенки, иерархические отношения в лексико-семантической группе прилагательных-цветонаименований оказываются тождественными партономической связи, базирующейся на отношении часть — целое.

(2) Так, видовыми понятиями по отношению к гиперонимам *белый* и *черный* являются цветонаименования *бледный*, *белесый*, *светлый*, *белобрысый*, *седой*, *серебряный*, *серебристый*, *жемчужный*, *опаловый*, *перламутровый*, *бежевый* и др. и *темный*, *смуглый*, *чернявый*, *вороной*, *иссиня-черный* и др., соответственно.

(3) Особенностью иерархических отношений в ЛСГ прилагательных-цветонаименований является возможность различного определения состава гиперонимов и одновременно подчинения одного видового имени нескольким родовым именам (так, прилагательное *бежевый* соотносимо с лексемами *белый* и *коричневый*).

4. Синонимические отношения в ЛСГ прилагательных-цветонаименований

(1) Синонимические отношения между цветонаименованиями *белый* и *черный* актуализируются в некоторых лингвистических и экстралингвистических ситуациях, когда следующие значения и ассоциации, входящие в структуру рассматриваемых цветонаименований, воспринимаются носителями языка как тождественные: 1) 'праздничный, торжественный, элегантный', 2) 'духовность', 3) 'внешняя привлекательность', 4) 'связь со смертью' и др. Как синонимичные могут быть представлены фразеологические сочетания с данными цветонаименованиями *белая ворона* — *черная овца* ('человек, не похожий на других, выделяющийся из общей массы'), *белые пятна* — *черные дыры* ('плохо изученные явления'), *шито белыми нитками* — *черным по белому* ('хорошо известно, понятно').

(2) Цветонаименования *белый* и *черный* тождественны и по оптическим ассоциациям, известным большинству носи-

телей языка: белый и черный цвет современным научным знанием относится к группе ахроматических цветов, т. е. в строгом понимании представляют собой реализацию не цвета, а света.

(3) В русском языке представлен также целый ряд устойчивых словосочетаний с компонентами цветоименованиями, которые, не являясь синонимами, номинируют одно явление, и при этом, не являясь антонимами, содержат в значении противопоставленные семы, например: *белый шоколад* — *черный шоколад* (при наличии номинации *молочный шоколад*), *белый провод* — *черный провод* (при наличии номинации *красный провод*), *белый чай* — *черный чай* (при наличии номинации *зеленый чай*), *Белое море* — *Черное море* (при наличии топонимов *Красное море* и *Желтое море*).

Модели семантической архаизации заимствованных слов русского языка XVIII века

С. Г. Краснова

Казанский государственный технологический университет

s.krasnova2701@mail.ru

Семантическая архаизация, компонентный анализ, корреляция значений

Summary. The problem of making borrowings semantically archaic is studied on the Russian vocabulary of the XVIII century. The models of semantic archaization of borrowings are investigated by the method of component analysis: the types of changing its semantics and varieties of outdated and present day correlated meanings.

1. Объектом настоящего исследования являются семантические архаизмы — лексические заимствования XVIII века, эпохи, подготовившей «переход к новому качественному состоянию — национальному литературному языку» [1: 300]. Языковая избыточность русской лексической системы XVIII века, активизировавшая процессы утраты значений, соотносится, на наш взгляд, с условиями вхождения иноязычных слов в лексико-семантическую систему современного русского языка двух последних десятилетий.

2. В связи с вышесказанным становится актуальной задача исследования моделей семантической архаизации заимствованных слов (устаревания одного или нескольких значений), а именно: определение типа изменения семантики лексемы в диахроническом аспекте и классификация разновидностей корреляции устаревшего и современного значений заимствования на данном основании. В работе используются элементы методики, применяемые Е. Б. Никифоровой для семантико-диахронической классификации исконно русской лексики XI–XXI веков [4]. Для определения особенностей процесса семантической архаизации заимствованных слов в лексической системе русского языка нами разработан следующий вариант совокупности методических приемов: 1) сопоставление семем по данным «Словаря русского языка XVIII века» под редакцией Ю. С. Сорокина [6] с материалами словаря В. И. Даля [3] и современных лексикографических трудов [1: 334–430]; [5] и выявление устаревших ЛСВ; 2) выявление коррелирующих ЛСВ в структуре слова в диахронии по типу «архаичный — современный»; 3) определение денотативно-сигнификативного и прагматического компонентов коррелирующих ЛСВ; 4) определение иерархического статуса сем коррелирующих ЛСВ и характера оценочности прагматической семы; 5) классификация типа изменений семантики заимствованной лексемы и констатация результата корреляции ЛСВ.

3. Результаты исследования позволяют предположить, что семантическая архаизация лексических заимствований, как и русских лексем [4: 12–14], может быть связана с изменениями: 1) денотативно-сигнификативного компонента слова и 2) прагматического компонента слова. Изменения денотативно-сигнификативного компонента слова могут быть трех типов: 1) девиационного, 2) гиперо-гипонимического или 3) тропеического (переносного) типа.

(1) Сущность процесса девиации заключается в модификации иерархического статуса ядерных и периферийных сем при сохранении архисемы. Результат — омонимия семантического архаизма и современного слова иноязычного происхождения. Так, сопоставление семем заимствованного из немецкого языка слова *гауптвахта* (нем. *Hauptwacht* ‘главный караул’) выявляет диахроническую корреляцию устаревшего значения ‘помещение военного караула’ и современного значения ‘помещение для арестованных воен-

5. Асистемные отношения в ЛСГ прилагательных-цветонаименований

В некоторых контекстах цветоименования *белый* и *черный* не соотносимы, в таких случаях отношения между ними могут быть обозначены как асистемные. Например, отсутствуют словосочетания с цветоименованием *черный*, соотносимые со словосочетаниями с цветоименованием *белый* в следующих значениях: а) ‘связанный со снегом’, хотя возможно соотношение словосочетаний *белые мухи* — *черные мухи*, где снег и зола, копать могут восприниматься как антонимы; б) ‘невинный’; в) ‘необычный’ и др. Фразеологические словосочетания с данными цветоименованиями обычно также лексически не соотносимы друг с другом.

нослужащих’ [6, т. 5: 93]; [3, т. 1: 326]; [5: 127]. При сохранении архисемы ‘отношение к функции караула’ периферийная сема ‘предназначенный для тех, кого охраняют’ стала ядерной, а ядерная сема ‘предназначенный для тех, кто охраняет’ изменила свой статус и архаизировалась. Современные словари фиксируют действующий ЛСВ ‘помещение для содержания под арестом военнослужащих’ — омоним семантического архаизма ‘караульное помещение с площадью для вывода караула’ [5: 127].

(2) Изменения гиперо-гипонимического характера определяются актуализацией или нейтрализацией ядерных и периферийных сем при сохранении архисемы. Результат — соотношение значений семантического архаизма и современной лексемы как родового с видовым (сужение контенционала лексического значения) или, наоборот, как родового с родовым (расширение контенционала лексического значения). Слово *дедукция*, заимствованное из французского языка (лат. *deduction* ‘выведение’) использовалось русскими дипломатами XVIII века в значении ‘изложение, изъяснение чего-л.’ — «Министерство... вручило... письменную дедукцию своих жалоб» [6, т. 6: 70]. Актуализация периферийных сем ‘способ изложения’ и ‘от общего к частному’ сузили контенционал лексического значения; гипероним ‘изложение’ архаизировался. Слово *медик*, заимствованное из польского языка (польск. *medyk* < лат. *medicus* ‘врач’) реализовало в XVIII веке значение ‘цирульник, выполняющий также обязанности лекаря’ — «...послали за двумя медиками и за одним лекарем» [6, т. 12: 107]. В результате исчезновения семы ‘парикмахер’ и актуализации семы ‘лекарь’ произошло расширение контенционала значения слова. Устаревшее значение ‘парикмахер, владеющий также элементарными приемами врачевания’ и современное значение ‘специалист по медицине, по медицинской помощи’ [5: 127] соотносятся как видовое с родовым.

(3) Сущность тропеических изменений составляет изменение иерархического статуса ядерных и периферийных сем при сохранении архисемы. Результат — закрепление переносного значения как основного (современная лексема) и архаизация прямого значения (семантический архаизм). Слово *аспект* репрезентирует процесс семантической архаизации в изменениях тропеического типа, которые наблюдаются в корреляции устаревшего значения ‘вид’ (вторичное заимствование *aspect* из фр.) — «аспекты страшные, но нет ни малейшей опасности» [6, т. 1: 104] и современного значения ‘точка зрения, взгляд на что-н.’ [5: 30]. Сема ‘местность, видимая взору’ потеряла статус ядерной, уступив его периферийной семе ‘взгляд на что-н.’ Таким образом, переносное значение закрепилось как основное.

(4) Преобразования прагматического компонента заключаются в изменении оценочной семы с положительной на отрицательную или, наоборот, с отрицательной на положи-

тельную (или нейтральную) при сохранении / изменении денотативного компонента. Слово *банда* (см. подробнее в монографии Н. В. Габдреевой — [2: 241]), представленное в XVIII веке значениями 'труппа актеров-иностранцев' («выписали из Италии... банду оперистов») и 'шайка, толпа злоумышленников' — «для сыску всей той злодейской банды» [6, т. 1: 136], сохранило к настоящему времени последнее. Произошло изменение денотативного компонента значения, а в прагматическом компоненте оценочная сема нейтрального характера стала отрицательной.

4. Таким образом, исследование моделей семантической архизации заимствованных слов не только детализирует «биографии» иноязычных лексем, но и формирует целостное представление о развитии их семантики в соответствии с определенными закономерностями, существующими в принимающем языке.

Усвоение терминов родства детьми дошкольного возраста (по данным ассоциативного эксперимента)

Н. В. Кузнецова

Кемеровский государственный университет

Ksv651@yandex.ru

Термины родства, дошкольники, детская речь, ассоциативный эксперимент

Summary. This report is devoted to the process of mastering of relationship terms by the children of preschool age. Conclusions are made according to the associative experiment.

В начале XX века в нашей стране и за рубежом активно развивается наука, изучающая речь детей. Исследования детской речи интересны тем, кто хочет узнать что-то новое о языке (детская речь — это образное зеркало «взрослого» языка) [2] и тем, кто занимается проблемой формирования речи ребенка и его развития, — ведь речь влияет и на общее психическое развитие ребенка.

В языковой картине мира ребенка центральное место занимает формирование представлений о себе самом, о своих родных (родственниках), об окружающем его мире и о своем месте в этом мире. В нашей работе представлено описание основных ассоциаций, связанных с тематической группой «родства», куда вошли лексемы: *мама, папа, дочь, сын, бабушка, дедушка, брат, сестра, внук, внучка, тесть, тесть, зять, невестка, свояк, свояченица, свекор, свекровь, шурин, золовка, сноха, деверь, кузен, кузина, тетя, дядя, племянник, племянница*.

К какому возрасту ребенок способен усвоить термины родства и их соотношение между собой? Ж. Пиаже задавал вопросы детям в возрасте от двух до двенадцати лет (участвовало 249 детей), связанные с усвоением ими понятий «брат» и «сестра», такие, как: «Сколько у тебя братьев? Сколько братьев имеется в семье? Ты брат? Что такое брат?». На основе ответов («Братьев у меня два», «У меня есть сестра, я ей брат» «Я не брат, я Коля», «Брат — это друг»), исследователь пришел к выводу, что относительность и взаимность терминов осознается детьми к двенадцати годам [4].

Цель нашего исследования — получение предварительных данных относительно усвоения детьми дошкольного возраста терминов родства. Исследование проводилось по ассоциативной методике. В качестве метода сбора информации мы выбрали эксперимент, так как этот метод имеет преимущество еще и в возможности широкого охвата информантов. Ассоциативный эксперимент проводился в дошкольном учреждении, участвовало 20 детей в возрасте от 5 до 7 лет, родной язык — русский. Для обработки полученных данных составлен инвентарь значений каждого термина родства, которые были получены из толкового словаря русского языка [3]. Этот инвентарь включал в себя следующие значения: *мама* 1) женщина по отношению к ее детям; 2) обращение к пожилой женщине или к жене; *papa* 1) мужчина по отношению к ее детям; 2) вежливое обращение к пожилому мужчине; *дочь* — лицо женского пола по отношению к своим родителям; *сын* — мужчина, мальчик по отношению к своим родителям; *бабушка* 1) мать отца или матери; 2) обращение к старой женщине; *дедушка* 1) отец отца или матери; 2) обращение к старому человеку; *брат* — сын в отношении к другим детям одних родителей; *сест-*

Литература

1. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
2. Габдреева Н. В. Лексика французского происхождения в русском языке (историко-функциональное исследование). Ижевск, 2001.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2004.
4. Никифорова Е. Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы: Автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук. Волгоград, 2008.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и выражений. М., 2008.
6. Словарь русского языка XVIII века / Под редакцией Ю. С. Сорокина. Л.—СПб., 1984—2006.

ра — дочь в отношении к другим детям одних родителей; *внук* — сын сына или дочери; *внучка* — дочь сына или дочери; *тесть* — отец жены; *теща* — мать жены; *зять* — муж дочери и сестры; *невестка* — жена сына; *свояк* — муж женой сестры; *свояченица* — сестра жены; *свекор* — отец мужа; *свекровь* — мать мужа; *шурин* — брат жены; *золовка* — сестра мужа; *сноха* — жена сына, невестка; *деверь* — брат мужа; *кузен* — двоюродный брат; *кузина* — двоюродная сестра; *тетя* — сестра мамы (папы), по отношению к ребенку; *дядя* — брат мамы (папы), по отношению к ребенку; *племянник* — сын сестры, брата; *племянница* — дочь сестры, брата.

Ассоциативный эксперимент показал, что детям дошкольного возраста известны не все лексемы родства. Выявлено, что термины — *мама, папа, бабушка, дедушка*, — входят в активный словарный запас; термины — *брат, сестра, внук, внучка, тетя, дядя, зять, тесть* — используются детьми в речи редко. Обнаружено, что на вопрос: «Кто такие: *дочь, сын, тесть, невестка, свояк, свояченица, свекор, свекровь, шурин, золовка, сноха, деверь, кузен, кузина?*» дети не могли дать ответа. Это свидетельствует о том, что в семьях обращаются друг к другу чаще по имени и в редких случаях делают акцент на отношении родства.

Рассмотрим подробнее термины, входящие в активный словарный запас: *мама, папа, бабушка, дедушка*. Лексемы *мама* и *папа* носят описательный характер. «**Мама**» в представлении ребенка — «родственница» «красивая», «добрая», «молодая» или «моложе бабушки», имеет «мало морщин», «убирается», вечерами или в выходные «смотрит телик» или «фильм». «**Папа**» — «родственник» «молодой» или «моложе дедушки», «добрее дедушки», «работает», в выходные ездит «на рыбалку» или «гуляет со мной», ходит в «шляпе». Данные лексические единицы в речи детей имеют одно значение, указывающее на родственные связи.

Г. Р. Доброва отмечает, что специфика терминов родства как языковых знаков заключается в том, «что обычно для правильного использования в речи достаточно «неполного» их понимания: для того, например, чтобы ребенок правильно называл свою бабушку — *бабушкой*, а папу — *папой*, вовсе не обязательно понимать относительность терминов родства, понимать, что у другого человека — папа другой, а что бабушка — по отношению к маме — вовсе и не бабушка, а мама [2]. Каждый ребенок, отвечая на вопрос «Кто такая бабушка?», выступает со своей позиции, а не перекладывается на позицию другого человека (кем будет приходить эта бабушка кому-то другому).

Результаты эксперимента подтверждают высказанную точку зрения Г. Р. Добровой о том, что дети, употребляя в речи слова «бабушка», «дедушка», «тетя» или «дядя», не

вкладывают в них конкретного смысла. На вопрос «Кто такой дядя?» ребята отвечали, что это и «чужой дядя», это и «дядя Ваня», это и «муж тети Люды», которая является сестрой мамы. То есть это дядя без его отношения к родственным отношениям. Здесь важно, что он не папа и не дедушка — это свои, а дядя — чужой.

Таким образом, данные, полученные в результате эксперимента, позволяют сделать вывод о том, что дошкольники не в полной мере владеют терминами родства. Наиболее частотными являются лексемы «мама», «папа», «бабушка» и «дедушка», так как они обозначают людей, находящихся в близком контакте с детьми (живут с ними, играют и др.). Есть лексемы, которые вообще не известны детям. Много-

значные в литературном языке слова, такие, как «бабушка», «дедушка», «тетя» и «дядя», в понимании ребенка несут одну смысловую нагрузку. Дошкольники воспринимают каждое значение как нечто обобщенное, безотносительно к терминам родства.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Л., 1947.
2. Доброва Г. Р. Усвоение детьми терминов и отношений родства // Человек. 2003. № 3.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
4. Пишже Ж. Речь и мышление ребенка. СПб., 1997.

Метафорические модели с денотативной зоной *речь* в русской поэзии

Е. В. Купчик

ГОУ ВПО Тюменский государственный университет

kafedra326@mail.ru

Речь, метафорическая модель, картина мира

Summary. The author studies metaphor models which represent speech characteristics of Russian poetry.

Для языкознания конца XX — начала XXI в. являются актуальными представления о метафорических моделях, посредством которых получает образное воплощение та или иная денотативная сфера. Одним из свидетельств активной востребованности идеи парадигматичности образов является многообразие терминов, обозначающих метафорическое моделирование и родственные ему понятия (концептуальная метафора, модель регулярной многозначности и др.), объясняемое естественной несхожестью традиций, сложившихся в рамках нескольких научных направлений и школ. Описание одного фрагмента мира через призму другого (в чем, собственно, и заключается предназначение метафоры) представляется весьма значимым в плане исследования картины мира.

Рассмотрение метафорических моделей с денотативной зоной *речь* в русских поэтических текстах начиная с XVIII века позволяет выделить несколько наиболее устойчивых, традиционных образных соответствий. *Речь* осмысливается как существо, вода, орудие, еда и напитки, вещество, звук и др.

Речь является инвариантом длинного лексического ряда: *слово, фраза, язык, говорение, вопрос, восклицание, молитва, шепот* и т. д. Ментальная сфера-источник (исходная понятийная область) также отличается объемом.

Представление о речи как о *существе* реализуется в ряде частных моделей: *речь — животное: зверь, мышь, кошка, собака, кролик; речь — птица: птица, ястреб, ласточка, утка, голубь; речь — змееобразное существо: змея, уж*. Отметим, что антропоморфные метафоры речи отличаются невысокой частотностью; *речь* представляется имеющей иную природу, нежели человек. *Речь* — существо обладает способностью перемещения в земном, воздушном и водном пространстве: *слова бегут, идут, падают, взвиваются, летят* и т. д. Такая *речь* предстает наделенной собственным бытием, обладающей известной автономностью.

Вода в качестве образного соответствия речи выступает в разных видах в зависимости от особенностей субъектов сопоставления: *вода, река, ручей, поток, струя, волны, прибой, пучина, источник* и т. д. *Речь*, подобно воде, *течет, льется, разливается, струится, плещет*. «Водные» метафоры передают характер речи, ее движение, содержательность.

Метафорическая модель *речь — орудие* отражает уподобление речи колющим или режущим орудиям (*речь — стрела, кинжал, меч, нож, игла*), бьющим и давящим орудиям (*речь — молот, дубина, таран*), огнестрельному оружию (*пуля, картечь*), взрывному устройству (*бомба*). Наиболее заметной разновидностью данной модели является *речь — оружие*; данная образная параллель обнаруживается в поэтических текстах авторов разных времен: «То слово грудь пронзило, / Оно стреле меня подобно уязвило» (Херасков);

«Мои слова — кистень на Волге!» (Хлебников); «Но ярче и мудрее книг / Его обдуманная речь, / Сердца разящая, как меч» (Брюсов). Поэты XX–XXI вв. включают в исходную понятийную область разновидности современного оружия (например, *речь — мина, речь — ракета, речь — ядерное оружие* в текстах А. Городницкого). Главным основанием сопоставления речи с оружием является ее действенность, способность поражать цель, наносить ущерб. То, что уподоблено оружию, различно по форме и масштабам — от отдельного слова, фразы до цельного речевого произведения, а также самой способности говорить.

Наряду с представлением о разрушительной силе речи в образных соответствиях отражены и качества иного плана, представленные, например, многими реализациями моделей *речь — еда, напиток (мед, вино, молоко), речь — свет (звезды, солнце, луч), речь — драгоценное* и др.

Пространство метафорической модели включает не только традиционные, но и сравнительно новые образные сопоставления, отраженные в частных моделях. Например, поэты XX века дополнили метафорический арсенал русской лирики сниженными образами, нередко выступающими как проявление процесса конкретизации и дробления ассоциаций: уподобление речи дикой кошке (Мандельштам), мухе (Белый), многоэтажному зданию (Вознесенский), неприкрытому крану (Цветаева) и др.

Метафорическую характеристику получают различные свойства и качества речи: динамизм (*речь — птица, речь — поток*), действенность, опасность (*речь — оружие, речь — град*), яркость, красота (*речь — драгоценное, речь — музыка, речь — свет*), звучание (*речь — шум воды, растений, речь — гром, речь — музыка*), особенности «движения» (*речь — существо, речь — вода, речь — ветер*) и «структуры» (*речь — вещество, речь — пряжа*) и др.

Метафорические модели обладают значительным оценочным потенциалом. *Речь*, являющаяся объектом пристального внимания человека, является и постоянным объектом оценки, которая зачастую широко варьируется в пределах одной модели на уровне частных сопоставлений. Примечательно, что положительная и отрицательная оценки могут быть отражены посредством одной и той же образной параллели (*речь — сладкое, речь — масло, речь — драгоценное* и др.)

Феномен речи порождает множество метафорических моделей, в реализациях которых *речь* предстает родственной практически всем элементам мира — земле и воздуху, воде и огню, растительному и животному миру, свету и звуку, объектам природы и артефактам.

Метафорические модели с денотативной зоной *речь* в текстах русских поэтов отражают закрепленный в национальном сознании богатейший комплекс представлений о слове, речи, языке.

Словарь базовых дефиниций, определений, понятий, толкований терминов метаязыка лингвистики (языковедения, языкознания)

С. В. Лесников

Сыктывкарский государственный университет

Г. С. Лесников

Северный государственный медицинский университет (Архангельск)

Д. С. Лесникова

Санкт-Петербургский государственный университет

gowor@online.ru, lsw@mail.ru, serg@lsw.ru

Гипертекст, интернет, лексикография, лингвистика, поиск, словарь, справочник, филология, энциклопедия, языковедение, языкознание

Summary. In the dictionary (in the format of computer thesaurus — a database with cross-hyperlinks) defines (definition, interpretation, quotation and / or illustration) of key concepts, terms relating to the field of linguistics (philology, linguistics) and a number of related disciplines that in one way or another connected with the problems of language.

Во время доклада предполагается продемонстрировать книжную и компьютерную версии словаря терминов лингвистики (более десяти тысяч словарных статей).

В словаре (в формате компьютерного тезауруса — базе данных с перекрестными гипертекстовыми ссылками) дается определение (дефиниция, толкование, интерпретация, цитата и / или иллюстрация) ключевых понятий-терминов, относящихся к сфере лингвистики (языковедения, языкознания) и ряду смежных дисциплин, которые в той или иной мере связаны с проблемами языка. Конструирование словаря было обусловлено необходимостью единства в терминологии — нередко ученые одно и то же явление называют по-разному, с другой стороны, один и тот же термин бывает полисемичен даже в рамках одной научной области. Кроме этого, при анализе уже опубликованных словарей терминологии лингвистики бросается в глаза лакунарность состава словарей и некая тенденциозность подачи лингвистических материалов авторами-составителями. Фактически речь идет о составлении метаязыка лингвистики — особого языка, объектом которого является содержание и выражение другого языка, т. е. в нашем случае метаязык — это язык второго порядка как специальная семиологическая система, употребляемая тогда, когда надо говорить о естественном (или искусственном) языке же, выступающем в качестве «языка-объекта». При этом можно отдельно выделить в метаязыке следующее: 1) собственно термины (слова, которые или совсем не употребляются в языке-объекте, либо приобретают, после заимствования из языка-объекта, особое значение), 2) сочетания слов, которые характеризуют собственно метаязык лингвистики в его полном виде (напр., составные термины), 3) определенный социально-лингвистический аспект (напр., когда метаречь отражает специфику эпохи, того или иного лингвистического направления, школы).

Словарь фактически цитатный, т. е. его составитель, как правило, не прибегал к собственным толкованиям терминов, а старался найти готовые дефиниции из различных источников, аббревиатуры и библиография которых включены непосредственно в этот же словарь (=> словари лингвистических терминов). В некоторых случаях используется текст приходилось сокращать, в частности, за счет иллюстративных примеров и этимологии, а также чтобы добиться некоторого однообразия подачи материала. В словарь включены термины, определения к которым нашлись хотя бы в одном авторитетном лингвистическом источнике (словаре, справочнике, энциклопедии, монографии классиков языкознания; в академическом журнале «Вопросы языкознания»). Источники свода — лингвистические словари, справочники и энциклопедии (48 наименований), все выпуски «Вопросов языкознания» (1952–2009), сборники «Новое в зарубежной лингвистике» (вып. 1–25), «Новое в лингвистике» (вып. 1–7), «Проблемы структурной лингвистики» (14 сборников) и «Язык, сознание, коммуникации» (вып. 1–35) в компьютерной форме (pdf, chm, html, djvu, doc) имелись в нашем распоряжении. По указанным в словарных статьях библиографическим (гипертекстовым) ссылкам можно найти информацию подробнее.

За редким исключением не включены в словарь названия языковых семей, языковых групп, подгрупп и отдельных языков, а также имена ученых-языковедов.

Термины в словаре располагаются, как правило, в алфавитном порядке. Однако для ряда словарных статей пришлось использовать гнездовой способ (для отсылок используется =>). Прописными черными (жирными) буквами выделены заголовочные термины, а их синонимы приводятся в круглых скобках перед знаком равно (=) непосредственно в заголовке словарной статьи. Курсивом выделен иллюстративный материал в виде слов и словосочетаний к объясняемому термину.

Христианские географические названия Московской области

А. О. Луговская

Российский университет дружбы народов (Москва)

alisa.lugovskaya@gmail.com

Агиотопонимы, ментальность, религиозная картина мира, топонимическая система

Summary. Nowadays the problem of mentality and its place in the language are widely researched by linguists. Nevertheless its religious aspect is not yet examined well. This paper gives a look of Christian toponyms of Moscow region which can be divided in two groups: the ones made from the names of temples and the sacred ones. The problem of their studying is connected with national mentality.

Исследование религиозного аспекта ментальности в языке

Проблемы ментальности и ее отражение в языке и речи находятся в центре внимания исследователей. До сих пор не существует общего определения менталитета и ментальности. На наш взгляд, в тех, которые представлены в научной литературе, на наш взгляд, недостаточно уделяется внимание одному из важнейших компонентов менталитета — религиозному. Таким образом, на сегодняшний день одна из важных задач языкознания — проанализировать, как религиозная составляющая менталитета проявляется в речи; является ли сам факт веры или неверия релевантным для ре-

чевого поведения человека. Рассмотрим частный случай — отражение религиозных представлений народа в наименовании географических объектов.

История становления географических названий отражает развитие человеческого познания и эволюцию отношения человека к внешнему миру. Географические названия появляются на самом раннем этапе развития общества в связи с потребностями номинации человеком окружающих объектов.

Топонимическая лексика развивалась в тесной связи с прочими частями словарного состава языка, вбирая в себя то новое, что появилось в языке, в том числе и новые слова, отражающие меняющиеся социальные и производственные отношения.

Объектом настоящего исследования являются топонимы Подмосковья, возникновение и бытование которых связано с Православием. Подмосковье — один из самых значимых религиозных районов нашей страны, богатый памятниками культуры русского народа. Целью данной работы является создание синхронной классификации агитопонимов с выделением их структурных типов.

Понимание термина «агитопоним»

1. Термин «агитопоним» происходит от греческих элементов *agios* — «священный» и *опута* — «имя», что позволяет понимать его как вид топонимов, где в качестве основы для образования собственного имени географического объекта используются имена святых (агиоантропонимы), теонимы (собственное имя божества в любом пантеоне, например, наименования Святой Троицы), названия церковных праздников (агиохронопонимов): село *Никольское*, город *Борисоглебск*, *Сергиев Посад*, город *Благовещенск*, улица *Воздвиженка* (в честь праздника Воздвижения Креста Господня), улица *Сретенка* (в честь праздника Сретения).

2. Русские агитопонимы могут быть разделены на две группы. В первую входят агитопонимы, образованные от храмонимов (названий храмов), например: *Никольское*, *Спасское*; топонимы, образованные от агиоантропонимов, например, *Сергиев Посад*. Во вторую группу включаются топонимы, связанные с религией опосредованно, что не снижает их значимости. Это религиозные центры, широко известные благодаря святым, основавшим там монастыри, хранящимся там чудотворным святыням. Такие топонимы называются сакральными.

3. Исторически сложившаяся агитопонимическая система Подмосковья отражает реальность называемого объекта, несет на себе печать экстралингвистических факторов. Формирование современной агитопонимики тесно переплетается с историей становления и русского народа и его языка.

По своему происхождению агитопонимы восходят к теонимам и агиоантропонимам, а также к прецедентным топонимам, содержащим в своей структуре религиозную семантическую долю. Все агитопонимы обладают особым лексическим фоном. Происхождение многих агитопонимов является результатом трансонимизации. Кроме того, «обычные» топонимы, благодаря метонимизации, в православной

среде становятся прецедентными наименованиями, образуя собственную группу в составе сакральной топонимики.

Важным является и тот факт, что православная традиция, выполняя функцию своеобразного исторического консерванта, сохраняет древние топонимы. Для адекватного понимания текстов, как разговорных, так и литературных, необходимо знание лексического фона топонимов, восходящих к религиозной тематике. Христианское духовное сознание, религиозное мировоззрение естественно отражается в речи верующих, как отражалось и в прежние времена, находя проявление в градостроительстве и сакральной топонимике, в стремлении устроить земной город по образцу Града Небесного.

Исследование агитопонимии выявило закономерности механизмов образования и функционирования агитопонимов как лексических единиц языка, особенности которых связаны с выполняемой ими специфической функцией — указанием на объект. Агитопонимия во всем многообразии наименований населенных пунктов, передающая разнообразие мотивов номинации, позволяет рассматривать ее как составляющую часть ономастики Московской области, отражающую культурное и историческое развитие этноса. Данные агитопонимии несомненно являются важным материалом для изучения религиозных представлений народа, его ментальности и языка. Тем не менее, необходимо отметить, что христианские топонимы, хотя и образуют достаточно выразительную группу наименований, весьма редитны в традиционной топонимической системе.

Можно утверждать, что топонимия дает «бытовой» вариант картины мира, в котором образы христианской религии могут трансформироваться в соответствии с логикой традиционной топонимической системы, подобно тому, как народный лубок трансформирует образы христианской иконописи.

Литература

1. Березович Е. Л. Библиейская лексика в топонимии русского Севера // Известия уральского гос. ун-та. V. Екатеринбург, 1997. С. 77–87.
2. Бугаева И. В. Агитопонимы: частный случай отражения ментальности в географических названиях // *Respectus Philologicus*. X (XV). Вильнюс, 2006.
3. Горбаневский М. В. Имена земли Московской. М., 1985.
4. Панэжко О. Храмы Красногорского района. Владимир, 2002.
5. Понадейкин В. И. Тропами Подмосковья. М., 1989.

Упорный, настойчивый, упрямый:

тест на ономаσιологическую пригодность как метод когнитивного анализа

Н. Ю. Лукашевич

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

natalukashevich@mail.ru

Лексическая семантика, прагматика, ономаσιологическая пригодность, имена характеров

Summary. The work demonstrates how a test checking onomasiological validity of situations can provide valuable additional information on the meaning of words used to describe them.

Данная работа связана с проблемой выбора слов одной лексико-семантической группы для обозначения того или иного понятия. Этой теме посвящены многие исследования в сфере когнитивной семантики, что связано с тем, что употребление слов целого ряда ЛСГ достаточно сложно адекватно описать, используя традиционные методы семантического анализа.

Особенно остро встает вопрос о границах употребимости слов и сопоставлении объемов понятий в случаях, когда речь идет о синонимах и квазисинонимах, т. е. когда имеет место частичное совпадение словесных означаемых. Значения синонимов зачастую столь близки, что проследить разницу в их употреблении только с позиций семасиологического подхода, т. е. отталкиваясь от слова и исследуя значения, в которых оно употребляется в реальных текстах, не удастся. Двигаясь от концепта и изучая, какими способами он может выражаться, мы получаем дополнительную информацию об употреблении слов (квази)синонимической группы, которая зачастую позволяет выявить неочевидные, достаточно тонкие семантические различия между ними.

Подобную ономаσιологическую перспективу может дать эксперимент, условно названный тестом на ономаσιологи-

ческую пригодность. Само понятие меры ономаσιологической пригодности как одного из факторов, влияющих на выбор имени для референта, вводит в своей работе Хейрартс [1]. Под ономаσιологической пригодностью автор понимает следующее: референт (множество референтов) в экстенсionale (объеме понятия) некоторой категории имеет высокую пригодность в отношении этой категории, если эта категория охотно выбирается в качестве имени для обозначения данного референта. Таким образом, цель подобного эксперимента — выявить факторы, влияющие на выбор того или иного слова, варьируя условия, в которых осуществляется этот выбор.

Проиллюстрировать то, как такой эксперимент может быть организован, можно на примере эксперимента, проведенного для таких характерологических прилагательных русского языка, как *упрямый*, *упорный*, *настойчивый*. При анализе контекстов, в которых данные прилагательные встречались в художественной литературе и газетных текстах, оказалось, что, несмотря на достаточно большое количество материала, он практически не позволял определить различия в условиях употребления этих слов. И если для *упрямый* можно было выделить некий компонент «действия

наперекор» (мнению окружающих, разумным доводам, очевидным фактам и т. п.), то про *упорный* и *настойчивый* можно было только сказать, что оба слова, видимо, допускают «преодоление препятствий на пути к цели», «неоднократность попыток» и т. п., не обнаруживая при этом случаев, когда было бы употребимо лишь одно из них.

На основании анализа сочетаемости этих слов по материалам «Компьютерного корпуса газетных текстов русского языка конца XX века» (возможность воспользоваться данным корпусом для проведения исследования была любезно предоставлена Лабораторией общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова) была выдвинута гипотеза, что действия *настойчивого* человека в первую очередь связаны с воздействием на ментальную сферу «оппонента»: с убеждением, уговорами и т. п. Характеристика же *упорный* больше связана с идеей противостояния, преодоления препятствий, сопротивления.

Для того, чтобы проверить выдвинутую гипотезу, был проведен следующий эксперимент. Информантам предлагался ряд ситуаций, про которые было известно, что они описывают проявление черт характера, обозначаемых данной группой синонимов. (Ситуации для теста были взяты в отредактированном виде из контекстов художественной литературы и корпуса публицистики.) В каждом случае информантам предлагалось выбрать, каким словом из предлагаемых (*упорный*, *настойчивый*, *упрямый*) он охарактеризовал бы главного участника, исходя из его поведения в данной ситуации.

Всего в тест были включены:

- три ситуации, о которых предполагалось, что в них информанты предпочтут слово *настойчивый*;
- четыре ситуации, о которых предполагалось, что в них информанты выберут слово *упрямый*;
- девять ситуаций, для которых планировалось проверить, будет ли в данных случаях выбрано *упорный* или *настойчивый*. [Здесь при подборе ситуаций целью было попытаться учесть самые разные факторы (наличие препятствий, степень их сложности, количество попыток достижения цели, способы ее достижения), которые предположительно могли бы влиять на выбор того или иного слова.]

Следует оговориться, что слово *упрямый* было включено в тест, несмотря на то, что с условиями его выбора было гораздо больше ясности, чем с различением двух других слов между собой, по нескольким причинам. Во-первых, это

дало возможность проверить выводы о значении слова, полученные на основе анализа примеров из художественной литературы и корпуса публицистики, что оказалось не лишним. Во-вторых, предполагалось, что поскольку значения *упорный* и *настойчивый* ближе друг к другу, чем *упрямый* к ним, то в ситуациях, связанных с *упрямым*, у информантов будет гораздо меньше сомнений при выборе слова. То есть ситуации, касающиеся *упрямого*, несколько «разбавят» тест и вместе с тем будут служить своеобразными контрольными точками.

Было опрошено 100 человек. После статистической обработки полученных ответов стало ясно, что они подтверждают выдвинутые изначально гипотезы лишь частично. Слово *упрямый* действительно употребляется тогда, когда человек делает что-то, как считает нужным, и это противоречит точке зрения другого, общественному мнению, обстоятельствам или фактам действительности: такой человек, например, не прислушивается к доброжелательным советам других, даже если эти советы могли бы быть ему полезны.

Гипотеза относительно *упорный* в целом подтвердилась, а гипотеза относительно *настойчивый* результаты теста существенно уточнили. Полученные в эксперименте данные можно проинтерпретировать как доказательство того, что *упорный* и *настойчивый* описывают очень близкие ситуации (и могут относиться в принципе к одним и тем же ситуациям), высвечивая при этом разные аспекты. В фокусе действия *упорного* оказываются человек и цель, к которой он идет, преодолевая препятствия, возможно многочисленные: такой человек, не поступив в некоторый вуз, будет пробовать поступать в то же место еще раз через год. О *настойчивости* же речь идет тогда, когда в фокусе оказываются человек, который хочет чего-то добиться, и человек (или организация), от которого(ой) этого добиваются (и то, что он предпринимает, не сводится только к речевым действиям): так организаторы ежегодного благотворительного мероприятия в пятый раз приглашают человека, который по разным причинам не приходил предыдущие четыре раза.

Подводя итог можно сказать, что только сочетание семасиологического и ономазиологического подходов позволяют получить полную информацию о слове, необходимую не только для его правильного понимания в контексте, но и для его правильного употребления в речи.

Литература

1. Хейраартс. Принципы прагматической ономазиологии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. «Филология». 1995. № 5. С. 127–135.

Особенности функционирования лексических заимствований в русских газетах XVIII века

Л. А. Манькова

Академия Государственной противопожарной службы МЧС России (Москва)

Larisl@mail.ru

Лексические заимствования, первопечатные русские газеты

Summary. The report deals with the functioning of lexical borrowings in Russian newspapers of 18th century.

Значительное место на страницах русских газет XVIII века занимали сообщения из-за рубежа, переведенные из европейских периодических изданий (немецких, голландских, французских и других). В текстах переводной хроники широко представлены иноязычные термины, связанные со спецификой иноземной действительности (*янычары*, *спаги*, *посполитое рушение* и т. п.), кальки, возникшие в результате буквального перевода иностранных терминов (*подначальник*, *нижний начальник*), и другие заимствования. Наполнены иностранными словами и оригинальные сообщения первых русских газет, в особенности сообщения с мест военных событий.

В первопечатной русской газете «Ведомости» (1703–1727) проблема непонятной для многих читателей иностранной терминологии решалась с помощью использования разнообразных вставных конструкций, передающих не только дополнительные сведения, но и важную информацию, необходимую для адекватного понимания текста. Так, например, в сообщении из Варшавы находим: «Отъ жителей въ венгрове живущихъ, известная ведомость, что сорокъ литовские хоругви, [всякая хоругвь состоитъ въ шестидесяти

человекахъ,] туда прошли» (1704, № 16). Объяснение специфики литовской хоругви, содержащееся во вставной конструкции, указывает на то, что слово *хоругвь*, имеющее во всех славянских языках значение ‘знамя’, в данном контексте употреблено в значении ‘воинский отряд’, известном только польскому языку Хейраартс. Принципы прагматической ономазиологии (см. [3]).

В петровских «Ведомостях» широко представлены «вставные конструкции с функцией пояснения (в частности, перевода иноязычных слов)» [1: 58]: «регимент [то есть полк]» (№ 5, 1708), «биль шамад [задачу]», «окород [договор]» (№ 22, 1704). Такой прием, когда вслед за иностранным термином, вводимым в употребление, помещается «его старорусский синоним или новое лексическое определение, замкнутое в скобки, а иногда просто присоединенное посредством пояснительного союза *или* (даже союза *и*)» [2: 69], В. В. Виноградов назвал «приемом дублирования слов» [2: 69]. Использование данного приема в первопечатной газете свидетельствует о стремлении сделать публикуемые материалы ясными, понятными для русского читателя «Ведомостей», а возможно, и приучить его к иностранным терминам.

На смену петровским «Ведомостям» пришла газета «Санктпетербургские ведомости», в которой была продолжена традиция освоения иноязычной лексики.

Первый номер «Санктпетербургских ведомостей» предвещало обращение к «куриозным читателям российских ведомостей», в котором Академия наук брала на себя обязательство разъяснять в издаваемой газете иностранные слова и термины.

В новой русской газете для толкования иноязычных терминов воспользовались уже проверенным приемом дублирования слов: «депутат [учрежденный]» (№ 21, 1728), «депутованные [учрежденные]» (№ 32, 1728) «монструм [урод]» (№ 34, 1728), «субсидиальные [вспомогательные] деньги» (№ 22, 1728), «Гименей (древний бог законных браков)» (№ 34, 1728) и др.

В «Санктпетербургских ведомостях» объяснение лексических заимствований приводилось также под строкой в виде сносок со знаком *:

* диспензация есть, освобождение и увольнение кого от какого дела, или весьма или на некоторое время (№ 32, 1728);

* трепанация есть, провертление некоторым лекарским инструментом, при случающихся жестоких ранах головы, а особливо главного черепа (№ 32, 1728);

* факултет в академиях есть коллегий некоторых профессоров и докторов, или Феологии [Богословии,] или юриспруденции: [науки прав,] или медицины, или Философии (№ 32, 1728);

* Ретирада есть в знатных домах кабинет или такое место, где кому одному быть можно, дабы от других помешательств не иметь (№ 32, 1728);

* Легитимация есть [узаконение] когда незаконные сиречь в незаконном браке рожденные дети, за законные, то есть такие, яко бы оные в супружестве родились, признаются (№ 32, 1728);

* Ассиенто есть Гишпанское слово, и значит позволение или контракт, которое Короли Гишпанские с посторонними

нациями на некоторые времена сочиняют, и оным при заплачении некоторой суммы денег позволение дают, с арапами из Африки в Америку торги иметь (№ 45, 1728);

* Рамадан или рамазан есть постный месяц в Магометанской вере, в котором никто до захождения солнца ничего ни пить ни есть не должен, но себя село свято ведет... (№ 53, 1728).

Итак, слова иноязычного происхождения, широко представленные на страницах первопечатных русских газет, обычно выражали понятия, которых не было в русском языке, и газеты давали им объяснение, прибегая к вставным конструкциям или сноскам. Это вело к обогащению русского словаря новыми лексическими единицами, а также позволяло укрепляться в русском языке тем словам, которые более рельефно очерчивали грани определяемых понятий. Однако ни разнообразные вставные конструкции, ни сноски, в которых толковались новые для русского читателя иностранные слова, не были на страницах газет постоянными, поскольку входили в противоречие со спецификой газетного текста, и много узкоспециальных терминов было оставлено без комментариев, что затрудняло восприятие читателями публикуемого материала.

Как и в XVIII веке, в настоящее время СМИ являются часто первым источником, фиксирующим появление слов и выражений, претендующих войти в речевую практику широких слоев населения. Но, в отличие от составителей газет XVIII века, современные журналисты, активно используя иноязычные слова, преследуют, как правило, далеко не просветительские цели.

Литература

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.
2. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982.
3. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 8. М., 1981.

Историческое терминоведение (лингвокультурный аспект изучения)

О. А. Матвеева

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
kogda_net_ryadom@mail.ru

Термин, терминоведение, историческое терминоведение, специальная лексика

Summary. The term in linguistics is considered as a word created for a designation of different ideas and concepts. It is important to investigate descriptions and features of terms in view of the process of their creation. Historical and cultural aspect of such research of terms is also necessary and urgent.

Термин в современной лингвистике рассматривается как слово, созданное для обозначения понятий разных областей знания, и представляет собой элемент языковой системы, имеющий определенный языковой статус, который выражается в первую очередь в соотносительности значения с понятием.

В традиционном терминоведении терминология определяется как «подсистема внутри общей лексической системы языка» [1: 17] поэтому в качестве оппозиции термину рассматривается слово естественного языка. Бесспорно, вопрос о связи терминов и слов общеупотребительной лексики, проявляющейся на разных уровнях, заслуживает самого пристального внимания, поскольку зачастую отношения общеупотребительных и терминологических единиц определяют некоторые закономерности изменения, развития и функционирования последних. Однако линия противопоставления термина слову естественного языка или, наоборот, трактовка термина как его варианта, не должна быть определяющей при исследовании природы терминологических единиц. Необходимо **изучение** признаков и особенностей терминологической лексики **в тесной связи с процессом терминообразования**, затрагивающее такие характеристики, как мотивированность (свойство семантики слова, предполагающее наличие рациональной связи между значением и внешней формой лексической единицы), причины и стимулы возникновения терминов и т. д. Важно не только установить связь между словом и предметом (а применительно к терминологической лексике — понятием), но и исследовать

процесс поиска адекватных средств для выражения этих понятий.

Кроме того, значимым является **историко-культурный аспект** исследования терминов, поскольку в значении слова специальной лексики заложена информация, отражающая не только некие понятия, но и в определенной мере специфические национальные и социально-исторические условия существования общества. **Специальная лексика также позволяет выявить культурно-историческую специфику языка с учетом системных связей между единицами языка и культурно значимыми концептами**, т. е. определенным образом организует смысловое пространство языка. С другой стороны, и изменения в терминологической системе порождены как лексико-семантической структурой языка, так и экстралингвистическими причинами, то есть существует «закономерная зависимость языка терминов от социально-исторических условий его функционирования» [2: 19].

В связи с вышесказанным особое значение имеет историческое терминоведение, рассматриваемое как «наука о специальной лексике прошлых эпох» [2: 4], изучающая не только и не столько историю отдельных терминов, сколько историю системных отношений, которая складывается в процессе их развития.

Следует отметить, что зачастую терминологические качества формировались у слов общего языка, и наблюдается большая, чем на последующих этапах развития, близость

слов специальной лексики со словами общеупотребительного языка.

Как было сказано, изучение специальной лексики дает возможность глубже познать особенности жизни народа в разные исторические эпохи. Учитывая это, многие ученые указывали на первоочередность историко-лингвистического ее исследования. Особенно это касается **специальной лексики «прошлых эпох», которая обладает особой лингвистической и культурной значимостью**, самым непо-

средственным образом отражая связь языка и культуры и отношение к языку как к источнику сведений об окружающей материальной и духовной действительности.

Литература

1. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. Вопросы теории. М., 2009.
2. Фельде (Борхвальдт) О. В. Историческое терминоведение в теории и практике. Красноярск, 2001.

Ядро лексики русского языка в инославянском лексическом пространстве*

И. А. Меркулова, Ю. А. Суворова

Воронежский государственный университет
 igell@yandex.ru, SuvorovaJ84@mail.ru
 Лексика, славянские языки, параметрический анализ

Summary. The paper compares Russian lexical core with vocabularies of other Slavonic languages. All lexical cores were obtained by method of parametric analysis. Comparison of twelve lexical cores makes it possible to establish connections between lexical systems of the languages in focus.

Лексический состав языка, измеряющийся сотнями тысяч единиц, обычно представляется чем-то необозримым, трудно поддающимся систематизации и сопоставлению. Решить эти проблемы помогает параметрический анализ лексики [4]; [5], призванный охарактеризовать лексико-семантическую систему не в категориях внешней лингвистики «исконное-заимствованное», а в собственных категориях лексико-семантической системы: синтагматика, парадигматика и эпидигматика [1].

Критерии отбора ядерной лексики: 1) функциональный (употребительность) — косвенно оценивается по длине слова; 2) синтагматический (широкая сочетаемость) — косвенно оценивается по количеству фразеосочетаний со словом; 3) эпидигматический (продуктивность) — косвенно оценивается по количеству значений; 4) парадигматический (вхождение в многочисленные синонимические ряды) — оценивается по количеству синонимов.

По каждому из этих параметров отбирается не менее 1000 слов. В результате слияния четырех множеств слов с помощью компьютерной программы получаем малое лексико-семантическое ядро языка (МЛСЯ), члены которого входят в ядро по всем четырем параметрам.

Размерность МЛСЯ славянских языков колеблется от 16–17 (в лужицких языках) до 107 (в македонском языке). МЛСЯ русского языка составляет 31 слово: *дать, час, бить, дом, мир, цель, быть, мать, чай, убить, дело, неть, идти, плюс, верх, знать, ужас, жар, поле, бой, лечь, снять, рвать, лезть, время, тяга, писать, хотеть, конец, точка, пасть.*

Данные впервые получены А. А. Кретовым и А. В. Рафеевой [2] по словарю С. И. Ожегова и уточнены Ю. А. Суворовой по другим источникам [3].

МЛСЯ русского языка содержит как уникальные (не имеющие соответствий в других славянских языках), так и не-уникальные значения. Доля уникальных значений в МЛСЯ является содержательным показателем; назовем ее индексом уникальности МЛСЯ. Для русского языка он составляет 38,7% и представлен семемами *цель, мать, чай, плюс, жар, бой, лечь, снять, тяга, писать, пасть* (гл.). Неуникальные значения не менее важны, так как позволяют количественно оценить близость лексиконов русского и других славянских языков. Для этого необходимо вычислить относительные величины бинарных совпадений в МЛСЯ славянских языков.

Как показывает материал, количество совпадений располагается в интервале от 5 до 2 языков. Например, лексемы со значением 'бить', имеются в МЛСЯ русского и украинского, старославянского, македонского, чешского и нижнелужицкого языков. Среди лексем, объединяющих русский язык с пятью славянскими, находим также лексемы со значением 'дело' (старославянский, македонский, сербский, чешский, словацкий языки), 'идти' (старославянский, македонский, украинский, болгарский — в последнем две лексемы с одним значением *вървя и ида, идвам*).

Русский язык демонстрирует ту или иную степень близости со всеми другими языками славянской группы. Результаты анализа приведены на графике.

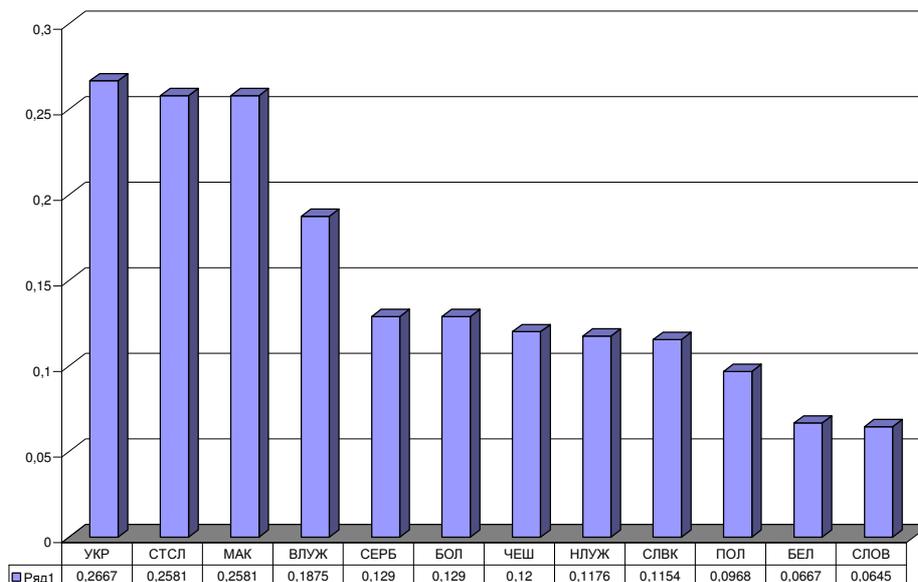

График 1. Близость малых лексико-семантических ядер русского и других славянских языков.

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект 07-04-00036а.

На графике видно, что для МЛСЯ русского языка характерна самая сильная связь с украинским ядром. Отмечаются также тесные связи с южнославянскими языками (старославянским, македонским, сербским). Учитывая восточно-южнославянскую дуприродность русского литературного языка и историческую преемственность (через церковнославянский) со старославянским, это представляется закономерным. Слабее всего МЛСЯ русского языка связано с белорусским и словенским ядрами. Если для словенского некоторое объяснение может быть предложено: словенцы отделены от русских пространством, верой и письменностью, то для белорусского объяснение найти трудно. Вероятно, причина кроется в недостаточной информативности словаря-источника, использованного в ходе исследования. Из западнославянских языков наибольший коэффициент близости имеет верхнелужицкий язык, наименьший — польский язык.

Результаты исследования, полученные на ограниченном множестве лексем, носят предварительный характер и не

могут автоматически экстраполироваться на лексику языков в целом.

Литература

1. Кретов А. А., Меркулова И. А. Динамика и устойчивость в лексической системе славянских языков // Динамика та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов. — тематичний блок. XIV Міжнародний з'їзд славістів 10.09–16.09.2008, Охрид, Республіка Македонія. С. 39–68.
2. Кретов А. А., Рафаева А. В. Ядро русской лексики по словарю С. И. Ожегова: технология получения и результат // Проблемы компьютерной лингвистики: Сб. научн. трудов / Под ред. А. А. Кретьова. Вып. 2. Воронеж, 2005. С. 92–112.
3. Суворова Ю. А. Определение функционального ядра русской лексики по корпусу текстов (на примере частотного словаря С. А. Шарова) // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. 2009 (в печати).
4. Тумов В. Т. Общая квантитативная лексикология романских языков: Монография. Воронеж, 2002.
5. Тумов В. Т. Частная квантитативная лексикология романских языков: Монография. Воронеж, 2004.

Онимическая лексика в составе ктематонимов

Н. Г. Мордвинова

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова» (Чебоксары)

mngeraldovna@mail.ru

Ономастика, словесный товарный знак, антропоним, топоним, оним

Summary. In the paper is indicated about the onyms of the different origin in the marketable symbols's compound of the alcoholic liquors.

В данном докладе будут рассматриваться словесные товарные знаки (в дальнейшем — СТЗ) алкогольных напитков русского, чувашского, французского, итальянского, испанского, немецкого и английского происхождения, образованные от антропонимов, топонимов, артионимов, хрематонимов и прочих онимов. По функции эти лексические единицы можно разделить на конкретизирующие и художественные или суггестивные. Конкретизирующая функция уточняет алкогольный напиток (кем произведен данный алкогольный напиток, место производства, вкус, ингредиенты и т. д.), художественная функция, суггестивная («украшает» наименование алкогольного напитка, служит для привлечения внимания покупателя). В отантропонимных СТЗ к первой группе относятся фамилии и личные имена производителей. В русских это одиночные фамилии: *Нахимов*, *Шустов*, *Криков*, тогда как в СТЗ иностранного происхождения это конструкции с главным словом фамилия + аппеллятивная лексика, обозначающая различные термины родства, титулы, социальное происхождение и т. д. Во французских особой популярностью пользуются дворянские титулы: *Baron Philippe de Rothschild* «Барон Филипп де Ротшильд», *Prince d'Arinaque* «Принц де Ариньяк», имя + фамилия производителя: *Robert Giraud* «Робер Жиро», *Paul Beaudet* «Поль Боде»; в итальянских — одиночные фамилии: *Piccini* «Пиччини», *Medici* «Медичи», фамилия производителя + тип поместья: *Villa Antinory* «Вилла Антинори», *Villa Lanata* «Вилла Ланата»; в испанских — одиночные фамилии: *Sandeman* «Сандемман», *Penedes* «Пенедес», имя + фамилия: *Peter Mertes* «Питер Мертес», *Lois Guntum* «Луаз Гунтрум», особое доверие внушают социальные характеристики производителей: *Dr. Zen* «Доктор Зен», *Dr. Loosen* «Доктор Лоосен»; в английских: имя + фамилия: *Johnnie Walker* «Джонни Уокер», *Jim Beam* «Джим Бим», фамилия в форме Poss. Case: *Baker's* «(От) Бэйкер», *Cocburn's* «(От) Кокбурна».

В отантропонимные товарные знаки, имеющие художественную функцию, входят личные имена, особенно популярностью почти во всех языках пользуются такие красивые женские имена, как *Елена (Helena, Ellen, Helge)*, *Мария (Maria, Mary)*, *Изабелла (Изабель, Isabella, Isabel)*, *Маргарита (Margarita, Marguerite, Margaux)*, *Анна (Anne, Anna, Ann, Ana)*; мужские: *Луи (Луис, Louis, Luigi, Louisi)*, *Филипп (Philippe, Felipe)*, *Пепе (Peter, Pedro, Pete)*. Отчества встречаются только в составе русских СТЗ: *Кузьмич*, *Ерофеевич*, *Степаньч*, *Семеновна*, *Мироньч*, *Филипович*. Сюда же входят отантропонимные адъективы (антропонимы в притяжательном значении) с аппеллятивом или без. В русских товарных знаках это чаще всего прилагательные, образованные

от имени или фамилии: *Александровская*, *Владимирское*, *Петровская*, *Борисовская*, *Андреевская*, *Кутузовское*, *Аксаковская*, *Лужковская*; в английских данное явление встречается в форме Poss. Case: *Blanton's Gold Edition* «Блэнтон Золотая Серия», *Seagram's Dry* «Сухое (от) Сигрэм». В составе данной группы помимо вышеперечисленных разрядов онимов зафиксированы прозвища: *Толстяк* (рус.), *Louis Alegre* (исп.) «Луис Отважный»; имена всемирно известных людей: *Mademoiselle Pompadour* (франц.) «Мадмуазель Помпадур», *Galiano* (итал.) «Гальяно»; мифоантропонимы: артионимы: *St. Bonifatius* (нем.) «Святой Бонифаций», *Saint John* (англ.) «Святой Джон»; теонимы: *Ianus* (итал.) «Янус» (бог всякого начала), *Jupiter* (англ.) «Юпитер»; имена библейских персонажей: *Matusalem* (исп.) «Матфей», *Magdalen* (франц.) «Магдалина»; литературные персонажи: *Нарцни*, *Сентнер* (чув.).

Оттопонимные названия алкогольной продукции, если они конкретизируют место производства алкогольного напитка: *ЧЛВЗ* (Чебоксарский ликероводочный завод), *Абра-Дюрсо*, *Pomerol* (франц.) «Помроль», *Montagny* (франц.) «Монтаньи», *Barbaresco* (итал.) «Барбареско», *Soave* (итал.) «Соаве», *Piedmont* (итал.) «Пьемонт», *Rioja* (исп.) «Риоха» (винодельческие регионы) и др., то относятся к первой группе, если они не указывают место производства товара, а эстетизируют его, привлекают внимание: *Amal* (чув.) «Волга», *Rheintal* (нем.) «Долина Рейна», *Great Valley* (англ.) «Великая Долина», то относятся ко второй группе. Здесь наименования иностранных географических объектов — очень частое явление. Они сообщают товару определенную символику. Лидером в этой области являются Париж, Франция и оттопонимные адъективы, образованные от них. Эти топонимы вызывают следующие ассоциации: столица мира, центр моды, элегантность. Восточные географические объекты ассоциируются с чем-то экзотическим, магическим, например: артионим *Bombay* «Бомбей» и оттопонимический адъектив *Indian* «Индийский» с составе английских СТЗ или административные хоронимы *Васпуракан*, *Наури* в составе русских СТЗ. Но все-таки большую часть топонимов любой страны, «украшающих» алкогольную продукцию или привлекающих внимание покупателя, составляют национальные географические объекты, как правило, это названия речных долин, лесов, природных объектов, которые являются народным гордостью, например, *Шунашкар* «Чебоксары» в чувашских товарных знаках, *Moseltal* «Мозельская долина» в немецких товарных знаках, *Ribera del Duero* «Берег Дуэро» — в испанских, *Boulone Pique-nique* «Булонский пикник» — во французских. Такие наименования не только

приобщают к патриотическим чувствам, но прежде всего заставляют задуматься о красоте естественной природы, побуждают к отдыху, релаксации. Национальные астионимы и административные хоронимы в наименованиях товара подчеркивают любовь к родине, и делается это с помощью эпитетов и приложений, напр., *Русь: беспохмельная, праздничная, великая, златая, белая, старая Золотая, Русь-Матушка* в русских СТЗ, *Sole Sicily* «Солнечная Сицилия» — в итальянских. Что касается мифотопонимов, то они представлены в единичных экземплярах (только в наименованиях русского и немецкого происхождения), и тематика их связана с библейской и древнегреческой мифологией: *Эдем, Олимп, Парнас, Paradiesgarten* (нем.) «Райский сад». Производители проводят параллели с этими «райскими» местами, намекая на сладостный вкус напитка.

Среди топонимов в составе СТЗ самыми частотными являются хоронимы: административные: *Bordeaux* (франц.) «Бордо», *Cerveteri* (итал.) «Черветери», *Andalucia* (исп.) «Андалусия», *Pfalz* (нем.) «Пфальц» (округ земли Рейнланд-Пфальц в ФРГ) и природные: *Алазанская долина, Napa Valley* (англ.) «Долина Напа»; ойконимы (астионимы): *Montepulciano* (итал.) «Монтепульчано» и комонимы: *Beaujolais Villages* (франц.) «деревни Божоле», *Auchroisk* (англ.) «Аучроиск» (в Шотландии); урбанонимы: хоронимы городские: *Чистые пруды*; годонимы: *Montmartre* (франц.) «Монмартр»; название отдельного здания: *White Horse* (англ.) «Белая лошадь» (трактир Эдинбурга), *Castillo de Fuendejalón* (исп.) «Замок Фуендехалон»; гидронимы (в основном, потамонимы): *Mosel-Saar-Ruwer* (нем.) «Мозель» (левый приток Рейна) → Саар» (правый приток реки Мозель) → Рувер» (река); агроонимы: *Куликково поле, Bollinger* (франц.) «Болянже», *Chassagne-Montrachet* (франц.) «Шассань-Монраше», *Schwarze Katz* (нем.) «Черная кошка», *Villa Veroni* (итал.) «Поместье Верони»; оронимы: *Etna* (итал.) «Этна» (вулкан в Сицилии); двойные топонимы: *Кизляр-Дагестан, Baden-Baden* (нем.) «Баден-Баден»; топонимы → прозвища: *Sierra* (исп.) «Сьерра» (букв.: «пила»), *Papa Rhein* (нем.) «Папаша-Рейн», *Постов-напа, Гжелька* и др.

Среди наименований алкогольных напитков, образованных от прочих онимов, к первой группе (конкретизирующая) относятся прагматонимы: *Земфира, Людья, Изабелла* (рус.); *Syrah* «Сира», *Pinot Noir* «Пино Черный», *Aligote* «Алиготе» (франц.); *Martini* «Мартини», *Bitter* «Биттер» (горький аперитив) (итал.); *Cava* «Кава», *Malaga* «Малага», *Madeira* «Мадера» (исп.); *Lager* «Лагер», *Pilsner* «Пиво пльзенского типа» (нем.); *Zinfandel* «Зинфандел» (англ.) и эргонимы: *Laurent Perrier* (франц.) «Лоран Перрье», *Sartori* (итал.) «Сартори», *Sandeman* (исп.) «Сандеман», *Harveys* (англ.) «Харвиз». Ко второй группе (художественная, суггестивная функция) — артионимы (самые многочисленные): *Вальс «Бостон»*, *Opus One* (англ.) «Опус № 1»; библионимы: *Ночь Нежна* (роман Ф. С. Фицджеральда); поэтонимы: *Медный всадник* (поэма А. С. Пушкина); хрононимы: *Акамуи* (чув.) «Агадуй» (праздник), *Батальная 1242 / Ледовое побоище I*, *Magico Natale* (итал.) «Волшебное Рождество»; хремотонимы: *Tour Eiffelie* (франц.) «Эйфелева Башня», *Castanetas* (исп.) «Кастаньеты» (ударный музыкальный инструмент), *Claymore* (англ.) «Клеймор» (кельтский меч); фалеронимы: *Cordon Rouge* (франц.) «Орден Святого Духа», *Frangelico* (итал.) «Франгелико» (геральдический знак); экклезионимы: *Notre-Dame de Paris* (франц.) «Собор Парижской Богоматери»; космонимы: *Водолей, Cuervo* (исп.) «Ворон» (Созвездие) и др.

Литература

1. Основы ономастики: программа спецкурса / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова; Сост. Г. Е. Корнилов. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1993. 7 с.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
3. Соболева Т. А., Суперанская А. В. Товарные знаки. М., 1986.
4. Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований / Под ред. А. П. Непокупного. М., 1986.
5. ABBYY Lingvo 11: шесть языков. Словарь [Электронный ресурс] // www.abbyy.ru.

Таронимия как антропоцентрическая категория

В. В. Морковкин, Г. М. Мандрикова

vavemor@yandex.ru, mandricova@mail.ru

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Новосибирский государственный технический университет

Антропоцентрический подход, лексическая система, таронимия

Summary. The report examines principal positions assumed as a basis for singling out such anthropocentric category of the lexical system as taronymy, determining its essence and composing units.

Понятие **таронимы** было предложено в рамках антропоцентрической разработки традиционной лингвистической проблематики [2]. Заявленная в середине 80-х годов прошлого века идея методологического разведения антропоцентрической лексикологии и лексикологии традиционной, лингвоцентрической основывалась на разной ориентации соответствующих подходов. Если традиционный (лингвоцентрический, системоцентрический) подход базируется на представлении о языке как данности, отражаемой в уже состоявшихся речевых произведениях (текстах), то антропоцентрический подход зиждется на понимании языка как принадлежности ментально-лингвального комплекса человека и, следовательно, как постоянно становящейся и проявляющейся сущности. Одним из следствий указанного понимания языка как раз и явилось такое моделирование его лексической системы, которое позволило, во-первых, разделить составляющие ее единицы на простые, составные и совмещенные, а во-вторых, опознать среди непростых единиц, помимо традиционных лексических объединений, еще три, проявляющиеся только при антропоцентрическом взгляде на нее. Этими тремя новыми единицами лексической системы являются, во-первых, фреймовое, или ассоциативно-семантическое поле, во-вторых, агнонимы, а в-третьих, таронимы.

Таронимы [от греч. тарάττο — 'путаю, привожу в замешательство' и ὄνομα, ὀνόμα — 'имя'] — это лексические или фразеологические единицы, которые ошибочно смешиваются в речи по причине их содержательной и / или фор-

мальной смежности. В отличие от лексических единиц, относящихся к традиционным лексикологическим категориям (синонимии, антонимии, паронимии, омонимии), которые могут быть установлены ante factum, таронимы всегда и неизменно устанавливаются post factum. Иначе говоря, для того, чтобы два слова могли быть квалифицированы как таронимы, необходимо, чтобы уже состоялся акт их ошибочного смешения в речи. Таким образом, конституирующим признаком таронимов является их **подтвержденная** способность смешиваться в процессе речепорождения и / или речепонимания [1].

Свойство слова вступать или не вступать в таронимические отношения с другими словами определяется его **таронимической ценностью**. Если у нас нет подтвержденных свидетельств ошибочного смешения данного слова с каким-либо другим словом, значит его таронимическая ценность равна нулю. В противном случае она отлична от нуля. Психологической основой таронимического сближения слов является конкуренция в сознании коммуникантов двух или более лексических единиц, обусловленная их содержательной, формальной или функциональной смежностью. Таронимическому разрешению такой конкурентной ситуации способствуют, прежде всего, недостаточно четкое знание коммуникантами конкурирующих слов и дефицит времени, отпущенного им обстоятельствами для выбора нужного слова.

В содержательно-таксономическом отношении таронимы образуют поле, в центре которого располагаются однокоренные паронимы с подтвержденной отличной от нуля та-

ронимической ценностью. Далее по направлению от центра к периферии следуют разнокоренные паронимы с подтвержденной отличной от нуля таронимической ценностью, идеографические синонимы с подтвержденной отличной от нуля таронимической ценностью и эквонимы (термин М. В. Никитина) с подтвержденной отличной от нуля таронимической ценностью. В качестве элементов этого поля выступают **таронимические пары** (*амбициозный — претенциозный; аверс — реверс; навзничь — ничком; вензель — эмблема* и т. п.), таронимические цепочки (*вестибюль — фойе — холл; ум — разум — рассудок — интеллект; заветренный — наветренный — подветренный* и т. п.), и таронимические гнез-

да (*абсорбент — адсорбент — абсорбция — адсорбция — абсорбировать — адсорбировать — абсорбер — адсорбер*).

Литература

1. Мандрикова Г. М. Таронимия как объект лингвистического описания // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 г.): Труды и материалы. М., 2007. С. 133–134.
2. Морковкин В. В. Лексическая система как объект лексикографирования // Проблемы учебной лексикографии: состояние и перспективы развития. Материалы общесоюзной конференции. Симферополь, 1992. С. 142–145.

Слово как основа образной структуры современного художественного текста

Г. Б. Наумова

Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой

naumovagb@yandex.ru

Оценочность, некодифицированное слово, жаргон, речевая личность, языковая игра

Summary. The fiction is analyzed from the social, linguacultological and satirical features of the language in synchronism.

Исследуя поэтические тексты современного поэта В. П. Вишневского с социолингвистической, лингвокультурологической и гелатологической (с позиций «смеха») точек зрения, мы определяли роль художественного текста в развитии эстетики речевого вкуса современной речевой личности, так как его творчество является саркастической рефлексией на реалии современной российской действительности. Актуальные явления называются поэтом словами, которые являются речевыми символами конкретного периода и эксплицируют речевой вкус эпохи в целом.

Произведения В. П. Вишневского представляют для нас интерес с позиций его креативного отношения к слову. Проанализировав большое количество текстов В. П. Вишневского, мы выявили следующие основные приемы его текстопорождения, демонстрирующие **языковую игру**: использование прецедентных текстов, расчленение и усечение словоформ, контаминация, обыгрывание категории числа, расширение парадигмы сравнительной степени прилагательного, трансформация фразеологизмов и др. Например:

*...Как важно не остаться без штанов,
Когда в стране такая обстановка!..*

(усечение словоформы). Расчленение и усечение словоформы позволяет увидеть в словах новые смыслы. Не случайно усечению подвергаются компоненты **речевых штампов** (*обстановка в стране*). Или:

*Визитка
...и чем сомнительней контора,
тем генеральнее директор...
Да, все скорее наши кардиналы...*

(расширение парадигмы сравнительной степени прилагательного). От прилагательных *генеральный* и *серый* в значении «неприглядный» сравнительная степень не образуется. Подобные образования способствуют созданию отрицательной оценки явлений.

...Мы не Толстой, хоть Лев по Зодиаку... (обыгрывание категории числа). Местоимение (подлежащее) *мы* мн. ч. используется в значении местоимения ед. ч. «я», а сказуемое *Толстой* — в ед. ч. Это выражает ироническую значимость «я». Кроме того, обыгрывается знак зодиака — *лев* и имя собственное (*Лев Толстой*), т. е. омографы.

*Есть отдельная, одна,
без подобия, —
африканская страна
МАФИОПИЯ...*

(контаминация, или слово-гибрид). Слияние сегментов слов *мафия* и *Эфиопия* эксплицирует криминальную ситуацию в стране и сарказм.

*...Не дает мне на жизнь настроиться
Чувство собственного застойства.*

Неологизм *застойство* образован от слова *застой* + *-нство* → *застойство*. С другой стороны, данный неологизм ассоциируется с контаминацией слов *застой* и *досто-*

инство, фонетические сегменты которых наблюдаются в неологизме, передающем психологическое состояние лирического «я», перенося состояние *застоя* общества на состояние личности.

Кроме того, нами выделены слова и фразеологические единицы (ФЕ), являющиеся атрибутом разговорной и публицистической речи постсоветского периода. Обыгрывание ФЕ в текстах поэта требует наличия фоновых знаний у адресата, которые эксплицируют бытовую, молодежную, политическую сферы жизни, например, некодифицированные слова и ФЕ, именуемые явления, сопутствующие экономическому кризису (нехватка продовольствия):

*Ах, ножки!..
Все мерещатся
из дня позавчерашнего...
Какой нам ждать конечности
от Джорджа Буша-младшего?..*

Куриные окорочка, получившие некодифицированную номинацию *ножки Буша*, активно использующуюся в русской речи в 1990-е гг., содержат отрицательную коннотацию, поскольку они были основным продуктом питания россиян, хотя и нежеланными. Устойчивое словосочетание *ножки Буша* своим происхождением обязано президенту США Джорджу Бушу-старшему, в период правления которого активизировался импорт куриных окорочков, расценивающихся как несъедобный продукт.

Инфляция, обесценивание российской валюты неоднократно подвергаются иронической оценке:

*...Российский рубль не роза, но — увял,
И только Доллар вечно зеленеет!..*

В последнем примере обыгрывается жаргонная номинация валюты США *зеленый*. Кроме того, слово *зеленеет* представляет собой метафору на основе сходства по цвету (доллары зеленого цвета), поэтому наложение жаргонного значения на литературное значение *зеленеет*, то есть *становится зеленым* и создает контекстуальное, смысловое приращение. Усиление значения *зеленый* по цвету и по признаку «молодость — молодой — цветущий» усиливается в сторону развития, расцвета. Таким образом в тексте создается семантический неологизм *зеленеет* — «укрепляется, получает большее полномочие, превосходство над рублем». Последний текст представляет собой развернутую метафору: *рубль* и *доллар* — растения [1: 110]. Названные приемы сближают художественный текст с устной разговорной речью, выражая импульсивную реакцию героя на актуальные явления.

Для творчества поэта характерно использование прецедентных текстов, которые в ироническом и саркастическом ключе высвечивают актуальные проблемы постсоветского периода, требующие особого внимания общества. Например, компьютеризация как актуальное общественное и научно-прогрессивное явление:

...Ничего на свете лучше нету,
Чем бродить впотмах по Интернету!..

Прецедентный текст: «Ничего на свете лучше нету, / Чем бродить друзьям по белу свету...» (песня из мультфильма «Бременские музыканты»). Прецедентный текст преломляется сквозь призму современной реалии (сеть Интернет), которая все больше захватывает человечество. Не случайно автором выбрано наречие *впотмах*: известно, что заядлые посетители «всемирной паутины» предпочитают быть в Сети в ночное время.

Произведенный нами лингвоанализ текстов В. П. Вишневского позволяет сделать вывод, что произведения поэта

репрезентируют ироническую и саркастическую оценки фактов современной действительности. Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что образы произведений В. П. Вишневского — это своеобразные новые символы периода общественных изменений.

Литература

1. *Беглова Е. И.* Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи: Монография. М.; Стерлитамак, 2007.
2. *Вишневский В. П.* Антология Сатиры и Юмора России XX века. Т. 13. М., 2004.

Основные тенденции пополнения словаря экономической сферы общения

Л. А. Нестерская, Л. Н. Нореико

nor-larisa@yandex.ru

Экономическая терминосистема, тематическое пространство термина, семантическое поле, зона сочетаемости термина

Summary. Terminology is an integrating factor in creating a common information space of an economic sphere of communication. That is terminology ensures understanding between the subjects of communication in a professional sphere. The paper deals with the main tendencies in widening an economic vocabulary nowadays and its specific features.

Пополнение экономического словаря — процесс динамичный и постоянный. С развитием рынка появляются новые участники рынка и новые экономические отношения. Язык живо реагирует на происходящие изменения. Как известно, интегрирующим фактором в создании единого информационного экономического пространства является терминология. Именно терминология обеспечивает информационное взаимопонимание субъектов рыночных отношений. Анализируя экономическую сферу коммуникации, мы учитываем и тот факт, что для передачи специальной информации используются и нейтральные в стилистическом отношении пласты лексики. Терминология и нейтральная лексика, взаимодействуя в языке экономической сферы деятельности, образуют своеобразный синтез и создают свою семиотическую систему, приспособленную к определенной сфере коммуникации и ситуациям общения.

Современная экономическая терминология с точки зрения источников формирования распадается на ряд групп. Прежде всего нужно выделить значительный пласт лексических единиц, которые представляют собой постоянный фонд экономической терминологии. Данные слова выражают базовые общеэкономические понятия и категории, например: *производство, потребление, капитал, спрос, предложение, товар, стоимость, деньги, доход* и др.

Следующий пласт экономической лексики, фиксирующей новые явления, представляют «возвращаемые» слова, т. е. слова, нейтрально функционировавшие в русском языке «досоветского» периода по отношению к русским реалиям (массовым сознанием они воспринимаются как новые): *акционерные общества, торговые фирмы, оздоровление рынка, процедура банкротства, биржевые сделки, биржевые маклеры* и др.

Наиболее многочисленную группу (которая на сегодняшний день представляет собой открытый ряд) составляют иноязычные заимствования. Они свидетельствуют прежде всего о тенденции к интернационализации и гармонизации экономической терминологии, что существенно стимулируется наличием прямых контактов с иностранными партнерами. Назовем наиболее употребительные слова данной группы: *менеджмент, маркетинг, консалтинг, холдинг, лизинг, трансферт, оф(ф)шор, аудит, дилер, дистрибьютер, ризлтор, спонсор, ипотека, тендер, депозитарий* и др. Совсем недавно появились такие заимствования, как *девелопер, хедхантер, коллектор, фрилансер*. Пока подобная лексика сохраняет свою новизну в общем массиве экономического словаря, она появляется в прессе с русским эквивалентом. Так, например, в одном из экономических изданий читаем: *Хедхантеры — охотники за головами топ-менеджеров отмечают рост спроса на свои услуги со стороны банкиров*.

Считаем необходимым подчеркнуть, что экономическая лексика функционирует не изолированно, на уровне отдельного понятия, а образует вертикальные и горизонтальные ряды, в которых представлены определенные сочетаемостные законы и ассоциативные тематические связи. Иными

словами, термин формирует пространство и условия своего функционирования.

Проиллюстрировать сказанное выше можно на примере лексико-семантического поля термина «фирма». С одной стороны, разные типы фирм образуют лексические парадигмы: *аудиторская, брокерская, консалтинговая, посредническая фирма; государственная, частная фирма*. С другой стороны, в «горизонтальных» связях проявляются определенные сочетаемостные законы данного термина, например: *капитал фирмы, рекламная компания фирмы; создать, учредить, зарегистрировать фирму* и т. п.

Центральное место в номинативном пространстве экономики занимают наиболее частотные «экономические предикаты», формирующие обширную зону сочетаемости в сфере экономической терминологии: *производить, потреблять, покупать-продавать, торговать, поставлять, инвестировать, вкладывать, страховать* и др.

Работая над лексикой экономической сферы, мы обращаем внимание на способы номинации, актуальные в сфере экономической терминологии, а при составлении учебного словаря необходимо выделять номинативные зоны, связанными с базовыми понятиями современной экономики. Проиллюстрируем это на примере тематического пространства понятия «рынок». На первой ступени классификации выделяются:

- 1) сегменты рынка: рынок товаров и услуг, рынок капитала, рынок рабочей силы, рынок ценных бумаг;
- 2) рынки мировые, региональные, рынки конкретных стран, внутренние и внешние (по границам охвата сферы обмена);
- 3) рынки свободные, замкнутые и регулируемые (по характеру отношений между продавцом и покупателем);
- 4) посреднические рынки: биржи, аукционы, торги (по методам и объектам товарного обмена).

В последнее время с бурным развитием рынка происходит активизация терминосистемы, что ведет к расширению сочетаемости. Так появились новые обозначения для новых типов рынков: *рынок инвестиционных драгоценных камней, рынок хедхантинговых услуг, рынок коллективных инвестиций, рынок коллекторских услуг*. Приведем другой пример. Когда-то новое заимствование *бренд*, сейчас образует широкое лексико-семантическое поле, в котором проявляет условия своего функционирования: *бренд — ключевой бренд, фантастический бренд, продвижение ключевых брендов, конвейер брендов, бренд выведен из ассортимента, выпускать / выпустить новые бренды, требуются новые бренды* и т. п.

Новые участники рынка и их номинации также дополнили словарь экономической сферы деятельности и сформировали обширную зону сочетаемости. Продемонстрируем сказанное на примере употребления слова *коллектор*: *коллекторская компания, коллекторское агентство, молодой рынок коллекторских услуг, передел рынка коллекторских услуг*.

Необходимо отметить еще одну интересную тенденцию, которая наблюдается в сфере экономической терминологии. Это формирование жаргонных эквивалентов ряда экономических понятий и терминов. Назовем наиболее употребитель-

ные в настоящее время жаргонизмы: *раскрутить* («пустить в оборот»), *раскрученный бренд*, *накрутка* («включение в цену товара невыполненной работы»), *вложиться* («вложить деньги в какое-либо дело»), *обвал* («резкое падение курса рубля»), *креативщик*, *хедхантер*, *назреть* («обмануть»).

Следует сказать еще об одном способе пополнения лексического состава экономической сферы. Это соединение

разных стилей. В качестве примера приведем словосочетание — *креатив в бутылке*.

Таким образом, пополнение словаря экономической сферы происходит за счет уже готовых единиц номинации из общезыкового и интернационального фонда, а также при помощи формирования новых зон сочетаемости и соединения разных стилей.

Лингворегионализмы в составе слов с национально-культурным компонентом

Т. Ф. Новикова

Белгородский государственный университет

Tnovikova@bsu.edu.ru

Слова с национально-культурным компонентом, лингворегионализмы, диалектизмы

Summary. The paper represents the problem of linguaregionalisms as the words with national-cultural components and their difference of the dialecticisms.

В конце XX — начале XXI века в лингвистике обострился интерес к изучению языковых явлений в культурном контексте. В связи с бурным развитием лингвокультурологии, лингвокогнитивистики возникла проблема квалификации новой терминологии. Например, в образовательном стандарте в качестве основной составляющей содержания курса русского языка в культуроведческом аспекте названы т. н. «единицы языка с национально-культурным компонентом значения». Однако ни в самом документе, ни в научно-методических работах по данной теме не конкретизировано, какие именно языковые единицы подразумеваются под данным обобщением. Понятийная и содержательная неопределенность сдерживает развитие нарождающейся дидактической лингвокультурологии. Обозначение содержательных границ данного языкового континуума, установление внутрисистемных отношений на сегодняшний день остается нерешенной проблемой. В работе [2] нами предпринята попытка установления групптематических лексических комплексов, квалифицируемых как «единицы языка с национально-культурным компонентом значения». В эту группу могут входить: безэквивалентная лексика; слова, репрезентирующие концепты русской и мировой культуры; этнографические, диалектизмы и регионализмы; названия этнографических реалий, предметов быта; названия праздников, природных явлений, народных примет; названия реалий, отражающих административно-территориальное устройство, в т. ч. топонимы и микротопонимы; историзмы, названия исторических событий; антропонимы; мифонимы, народные названия явлений религиозной культуры; термины родства и других форм межличностных отношений; устойчивые формулы русского речевого этикета; фразеологизмы, образные выражения, поговорки и пословицы, некоторые из современных прецедентных текстов и др. [2: 160]. Разумеется, приведенный список не претендует на исчерпывающую полноту, что, собственно, и подчеркнуто завершающей его отметкой незавершенности «и др.». На данном этапе важно обозначить актуализировавшиеся объекты лингвокультурных исследований. Не предполагая возможным охарактеризовать в тезисах все названные языковые явления, далее мы обратимся к общей характеристике **лингворегионализмов** как единиц языка с национально-культурным компонентом сопоставлению их с **диалектизмами**.

В первую очередь следует отметить, что, несмотря на то, что регионализмы представлены в перечне как отдельная тематическая группа, в каждой из перечисленных групп возможно присутствие слов с регионально актуальным и с позиций регионального культурного фона объяснимым компонентом значения — так мы понимаем языковое явление, названное выше **регионализмами** [2: 161]. Добавим: лингворегионализм — явление не только лексическое, но и грамматическое, поэтому, думается, следует разграничивать **регионализмы** и **регионимы** — собственно региональные имена. Пока же эти термины (**регионализм** и **регионим**) используются как дуплетные. Другая сторона проблемы. По сравнению с устойчивыми понятиями: диалектизм, этнографизм, топоним и др. — термин «регионализм» пока не узаконен в лингвистическом дискурсе. Определение регионализма не обнаружено нами в большинстве активно используемых специальных и толковых словарей. Более распространено функционирование слова «регионализм» в качестве обозначения общественно-политического явления: «...рассмотрение и решение различных проблем с точки зрения потреб-

ностей того или иного региона» [1: 686]. Можно предположить, что **регионализм** как лингвистический термин возник взамен ушедшего в пассив термина **провинциализм**, использовавшегося в трудах лингвистов XIX — начала XX в. В словаре Д. Н. Ушакова, в репринтном издании «Словаря гуманитария» Н. К. Рамзевича имеются определения **провинциализмов** как «слов и оборотов речи областного происхождения, необычных для литературного языка», «областных, местных слов, выражений и оборотов, не употребляющихся в литературном языке» [3: 198]. В таком случае возникает проблема разграничения регионализмов (провинциализмов) и диалектизмов, поскольку очевидна тенденция отождествления этих терминов. Например, в «Словаре русской лингвистической терминологии» [4] регионализм определяется как «то же, что диалектизм, локализм, местное слово...», хотя, по нашему мнению, между данными терминами не может быть безоговорочно поставлен знак равенства. Поясним это утверждение на примерах из речевой практики современных жителей г. Белгорода. Если *бурак* (свекла), *казать* (говорить) и др. в речи белгородцев — это бесспорные диалектные единицы, то могут ли быть так же квалифицированы «местные слова» *тремпель* — «вешалка для одежды» (по фамилии мебельного фабриканта XIX века), *Богданка* (проспект им. Богдана Хмельницкого), *Большой Вова* (памятник князю Владимиру) и др. лексические, фразеологические, прагмалингвистические единицы? Очевидно, именно к подобным фактам применимо понятие лингворегионализм.

Определенная часть регионализмов может быть из числа заимствований. В частности, специфика языковой ситуации в Белгородской области в значительной мере обусловлена ее пограничным положением и заметным (даже неспециалисту) присутствием в естественной речи местных жителей заимствований из украинского языка. Но украинизмы в белгородских говорах не всегда должны рассматриваться как заимствования или экзотизмы, это неотъемлемая составляющая современной речи белгородцев. Поэтому какая-то часть активно используемых в Белгороде украинизмов, непонятных без перевода жителям других регионов (*байдуже*, *позычить*, *нышторить* и др.), по нашему мнению, может быть отнесена к лингворегионализмам. Безусловно, относятся сюда все топонимы и микротопонимы, в т. ч. в составе устойчивых выражений: *пора на Новую* (в связи со странностями поведения кого-либо: на ул. Новой в г. Белгороде находится областная психиатрическая больница), *съездить в Харьковскую губернию* (перифраза глагола *ударить*), определенная часть жаргонной лексики. Впрочем, и литературная лексика иногда приобретает особые значения, «фоновую коннотацию» в условиях их рассмотрения в контексте культуры определенного региона, например, *белый* для жителей Белгородчины имеет вполне определенное смысловое приращение, обозначая *меловой*: *Спят крутые белые отроги...*

В перспективе лингворегионалогия, возникшая на стыке лингвокультурологии и социолингвистики и развивающаяся в отдельное научное направление, должна быть описана на том уровне, на котором описаны базовые для нее научные отрасли.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
2. Новикова Т. Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования: монография. Белгород, 2007.

Гоголь и ботаника: лингвистический аспект

Ф. Р. Одекова

ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет».

feruzaodekova1@rambler.ru

Метапоэтика, энциклопедизм, русский язык, термины ботаники и медицины

Summary. The paper gives the definition of metapoetics and considers encyclopedism as a constituent part of metapoetics in common and N. V. Gogol's metapoetics in particular. N. V. Gogol's interest in different fields of knowledge including botany by means of the word i. e. Russian language is considered.

В статье «Метапоэтика: „размытая“ парадигма» К. Э. Штайн дает следующее определение метапоэтики: «Метапоэтика — это поэтика по данным метатекста, или код автора, имплицитированный или эксплицитированный в текстах о художественных текстах, это «сильная» гетерогенная система систем, включающая частные метапоэтики, характеризующаяся антиномичным соотношением научных и художественных посылок; объект ее исследования — словесное творчество, конкретная цель — работа над материалом, языком, выявление приемов, тайн мастерства, характеризуется объективностью, достоверностью, представляет собой сложную, исторически развивающуюся систему, являющуюся открытой, нелинейной, динамичной, постоянно взаимодействующей с разными областями знания. Одна из составных черт ее — энциклопедичность, как проявление энциклопедизма личности художника, создающий плотный сущностный мир в своих произведениях» [4: 13]. Образцом энциклопедичности может служить творчество великого русского писателя — Н. В. Гоголя. Его метапоэтика относится к разным типам дискурса: естественнонаучному, гуманитарному, теологическому, промежуточному (педагогика, дидактика и т. д.) знанию.

При всем многообразии тематики метапоэтических текстов Н. В. Гоголя как в области гуманитарного и естественнонаучного знания, так и в области философско-религиозного — объединяющим началом, общей темой, связующим звеном во всех работах служит **слово**, а также **язык**, поскольку Гоголь испытывал широкий интерес к вопросам языка на протяжении всей своей жизни («Лексикон мало-российский», список «Имен, даемых при крещении», краткий «Коммерческий словарь»; списки украинских слов с объяснениями в предисловиях к каждой из двух книжек «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и т. д.). Гоголь широко занимается вопросами словаря и грамматики русского языка, об этом свидетельствуют записные книжки 1840-х годов и его переписка. Лингвистические занятия Гоголя были тесно связаны с широким комплексом его интересов в области истории и географии России, с изучением ботаники, этнографии и народного быта. Цель, которую ставил перед собой Гоголь, заключалась в широкой мобилизации всего богатства лексических запасов русского языка в различных его стилистических и исторических слоях, как живых, так и книжных. Сам Гоголь не раз упоминал об особой любви к русскому слову, а соответственно и языку, которая жила в нем от младенчества и заставила его останавливаться над внутренним его существом и выражением: «Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку. Беда произносить его писателю в те поры, когда он находится под влиянием страстных увлечений, досады, или гнева, или какого-нибудь личного нерасположения к кому бы то ни было, словом — в те поры, когда не пришла еще в стройность его собственная душа: из него такое выйдет слово, которое всем опротивеет» [1: 26].

О роли слова и языка в творчестве Н. В. Гоголя пишет и В. Зеньковский: «...как любил он слово, как захватывала его власть слова. Для понимания сложности духовного типа Гоголя, эта власть слова над ним очень характерна... Он любил меткое слово, искал его, — любил словесные эффекты, не боясь преувеличений, нагромождения однородных по смыслу слов, — лишь бы достиг известной силы и яркости выражения» [2: 94]. Об этом свидетельствуют как художественные, так и нехудожественные тексты, заметки писателя, касающиеся разных областей знания.

Помимо увлечения лингвистикой и литературоведением, у Н. В. Гоголя был особый интерес к растительному царству, к ботанике. Л. И. Арнольди отмечает, что во время поездки в Калугу Гоголь «беспрестанно останавливал кучера, выскакивал из тарантаса, бежал через дорогу в поле и срывал какой-нибудь *цветок*, потом садился, рассказывал мне довольно подробно, какого он *класса*, *рода*, какое его *лечебное свойство*, как *называется он по-латыни* и как *называют его наши крестьяне*». На обратном пути в Москву, по воспоминаниям Д. А. Оболенского, «при всякой остановке выходил Гоголь на дорогу и рвал цветы, и ежели при том находились мужик или баба, то всегда спрашивал *название цветов*; он уверял меня, что один и тот же цветок в разных местностях имеет разные *названия* и что, собирая эти разные *названия*, он выучил много **новых слов**, которые у него **пойдут в дело**». И действительно, увлечение ботаникой было неразрывно связано со всем его творчеством. Как в художественных текстах, так и в заметках о растениях писатель:

1) выделяет два пласта терминов: термины ботаники и медицинские термины, например:

Термины ботаники	←→	Термины медицины
<i>жабрей</i>		<i>мужская слабость</i>
<i>попутник</i>		<i>кровь</i>
<i>лютик</i>		<i>жар</i> ;

2) использует синонимы при употреблении терминов ботаники, например: *жабрей* (*антирринум*, *львиный зев*), *попутник* (*подорожник*), *лютик* (*лютик жгучий*);

3) посредством медицинских терминов дает определение терминам ботаники, как искусный лексиколог, раскрывает их признаки, полезные свойства через тексты лекарственных рецептов, как в заметках, так и в художественных текстах: «Водка, настоянная на **дереве (тысячелистнике) и шалфее**, помогала, если у кого болят *лопатки* или *поясница*. Если же «в ушах звенит, и по лицу *лишай* делаются», то надо было принимать водку на **золототысячнике**. А водка, «перегнанная на **персиковые косточки**», снимала «*гуглю*» на лбу...» («Старосветские помещики»).

Из вышесказанного следует, что Н. В. Гоголь в своих текстах представляет так называемое «неявное» знание. Указанные заметки о растениях и их описание связаны «с работой Гоголя над вторым томом „Мертвых душ“ и служили материалом для „народной ботаники“, в которую он предполагал внести не только сравнительный словарь народных названий растений, но и легенды о цветах» [3]. На основании подготовительных материалов, можно считать, что в новом произведении нашло бы отражение использование растений в народной медицине, а может быть и в научной. Таким образом мы видим, что и ботаникой Н. В. Гоголь интересовался с позиций лингвистики, уделяя особое внимание названиям (термины ботаники) растений, их толкованию посредством медицинских терминов и их лечебным свойствам как в заметках, так и в художественных текстах.

Литература

1. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: В 5 кн. и 7 т. Кн. 4. Т. 6. Духовная проза. Критика. Публицистика. М., 2007.
2. *Зеньковский В. Н.* В. Гоголь. Париж, 1961.
3. *Карташов В.* Увлечение Николая Гоголя // <http://gogol.boom.ru/interesno/uvlech/uvlech.htm>.
4. *Штайн К. Э.* Метапоэтика: «размытая» парадигма // Текст: Узоры ковора: Сборник статей научно-методического семинара «ТЕХТУС». Вып. 4. Ч. 1. СПб.; Ставрополь, 1999. С. 5–13.

Отличительные особенности общерусского слова

М. К. Пак

Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова (Казахстан)

pakmk@mail.ru

Summary. The paper devotes question about general Russian nouns, which structure base of lexicon and mean important things, have used widely, be considered historically.

Известный советский лингвист А. И. Смирницкий, рассматривая вопросы лексической системы языка на синхронном уровне, точно заметил, что «лексиколог подробно останавливается на архаизмах, выискивает различные окаменелости, рассказывает о паразитических сдвигах значения отдельных слов, — но о скромных исконных словах данного языка, издавна выражавших в нем такие простые, но вместе с тем существенные понятия, как „видеть“, „лежать“, „стоять“, „ходить“, „делать“, „красный“, „синий“, „огонь“, „вода“, „дерево“ и т. п., лексиколог обычно говорит очень немного (если вообще говорит что-нибудь) и то лишь мимоходом. И это понятно: подобные слова большей частью малопригодны или вовсе непригодны как примеры описываемых явлений. А между тем, разумеется, если такие наиболее широко распространенные и часто употребительные слова оставлять без особого внимания, то нечего и думать о действительной характеристике данной лексики, о выявлении ее существенных особенностей» [2: 6–7]. Несмотря на оправданный научный интерес к «исконным» словам, на появившиеся в современной лингвистической науке работы, в настоящее время не разработана проблема общерусского слова (ОС), нет единого, однозначного понимания общерусского слова, детального анализа функционирования его в подсистемах общенародного языка.

Общерусские существительные составляют ядро словарного состава языка, обозначают важные, основные понятия, существенные предметы, явления, необходимые для передачи мыслей друг другу. Не случайно М. В. Ломоносов назвал их «коренными», «первообразными» словами русского языка, А. А. Потебня — «простейшими именами», В. В. Виноградов — «основой языка», А. И. Смирницкий — «скромными исконными словами», Б. Рассел — базовыми словами.

Историческая «сохранность» реалий в данном случае, определяющая устойчивость номинаций, объяснима: это существительные обозначают явления, предметы окружающей природы (*солнце, небо, день* и др.), части человеческого тела, родственные отношения (*голова, глаз, рука, дочь, отец* и др.), жилища, предметов домашнего обихода (*дом, двор, стол* и др.). Длительная традиция употребления прочно закрепляет слово за предметом, явлением, в результате чего исчезает необходимость его заменить. Состав общерусских слов не устойчив, это не закрытый словарный фонд, раз и навсегда определенный, он может в процессе исторического развития изменяться, но не кардинально, ядро его четко высматривается и сохраняется. Одна из особенностей ОС — способность образовывать большие словообразовательные гнезда, разветвленную систему производных слов, отмечается исключительное богатство словопроизводства, они служат словообразовательной базой.

Общерусские слова, составляющие основу словаря литературного языка, любого территориального и социального диалекта, просторечия, являются лексикой активного употребления, отличаются «относительно высокой текстовой или

денотативной частотностью» [1: 258]. Они не имеют территориальных и социальных ограничений, выступая лексической базой, объединяющей все разновидности общенародного языка. Во всех диалектах, просторечии, литературном языке есть общие элементы словарного фонда и грамматического строя. Вместе с тем любая разновидность национального языка включает в свой состав, помимо ОС, локальные элементы, и на всех уровнях языка при общности ОС имеют определенные семантические, грамматические различия. Общерусские слова в процессе исторического развития не остаются неизменными, они подвержены различным семантическим изменениям, причем сохраняясь в основных исходных значениях, что позволяет им в определяющей степени стабильно функционировать в общенародном языке.

Будучи базисной единицей, составляющей ядро лексики, ОС служили материалом для обозначения разных предметов и явлений привычного повседневного быта, природы, что позволяет выявить своеобразие видения окружающего мира, установить определенные связи, отношения между предметами, проследить членение континуума действительности на ранних этапах развития языка.

Проанализированный теоретический материал и собственные наблюдения позволяют определить следующие критерии принадлежности слов к общерусским: на семантическом уровне это слова, обозначающие важные, необходимые понятия и не требующие специального толкования; на формальном устройстве — простые, нечленимые, корневые слова, в деривационном плане — первичная основа в словообразовательном гнезде; активность функционирования, общеупотребительность, которая предполагает некоторую историческую длительность употребления; устойчивость существования — в течение ряда исторических периодов употребляемые в речи носителей.

Итак, **общерусское слово как исторически сложившаяся языковая единица и активно функционирующая в подсистемах общенародного национального языка является устойчивым общим, объединяющим словом в языковой системе, не имеющим территориальных и социальных ограничений.** Все разновидности русского общенародного языка спаяны общерусской основой, игравшей на разных исторических этапах развития русского языка огромную роль как цементирующая база языка, консолидирующая носителей как единый народ. Общерусский лексический фонд — основа, которая позволяет понимать друг друга независимо от места обитания, социальной принадлежности, уровня образования.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
2. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Труды Ин-та языкознания АН СССР. 1954. Т. 4. М., 1954. С. 4–48.

Многозначность слова в семасиологии и когнитивной семантике*

А. М. Плотникова

Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург)

annamp@ya.ru

Многозначность, лексическое значение, глагол, когнитивный сценарий

Summary. The report deals with the polysemy in the aspects of traditional and cognitive approaches. The peculiarities of cognitive modeling of polysemy are represented with verbs of social actions and relations.

Исследование многозначности слов в течение многих десятилетий является приоритетной задачей семасиологии. Причиной этого интереса в первую очередь является особый

статус полисемии в структуре языка: многозначность — неотъемлемое свойство естественных языков, обусловленное самим устройством языковой системы. Существующая в сов-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Рособразования в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» 2.1.3 / 5556 и гранта РГНФ № 08-04-00145а.

ременной лингвистике теория полисемии, получившая отражение не только в научной, но и в учебной литературе, формировалась в 60–80-е гг. XX в. в рамках семасиологического подхода к изучению лексического состава языка (работы В. В. Виноградова, Д. Н. Шмелева, Ю. Д. Апресяна, Л. А. Новикова, М. В. Никитина).

В лингвистике конца XX — начала XXI в. возрастает интерес к полисемии, обусловленный возникновением когнитивной парадигмы научного знания. Достижения когнитивной семантики позволяют исследовать семантическую структуру слова не в аспекте статических связей между значениями с выявлением общих и различных семантических компонентов, а в аспекте установления семантической производности значений, обусловленной способами познания мира человеком. Когнитивная семантика провозглашает не отказ от принятого толковыми словарями списочного подхода к представлению значений многозначного слова, а обогащение этого подхода объяснением и, как следствие, уточнением механизмов образования новых значений.

Пытаясь дать когнитивное обоснование полисемии, исследователи приходят к мысли о существовании концептуальной структуры, которая позволяет объединять значения многозначного слова в семантическую парадигму, то есть пытаются дать ответ на классический для теории многозначности вопрос об общем значении. При этом в когнитивных исследованиях используются различные термины для обозначения концептуальных структур, объединяющих значения многозначного слова: прототипическая схема, образ-схема, сценарий, фрейм и др. Терминологические поиски такого конструкта доказывают стремление лингвистов объяснить феномен многозначности и уйти от списочного подхода, при котором все значения представлены как дискретные, а связь между ними не всегда эксплицирована.

Значение любого глагола в силу его предикатной природы фиксирует пропозициональные форматы знания. Оно содержит в свернутом виде программу осуществления действия, состоящую из упорядоченных во времени эпизодов, поэтому когнитивной моделью глагольного значения является сценарий. **Когнитивный сценарий** понимается как абстрактная ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как типового (повторяющегося) динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и предполагающего набор участников с закрепленными социальными ролями.

Процесс образования значений многозначных глаголов моделируется как последовательность концептуальных операций, проводимых на базе существующего в сознании человека когнитивного сценария с использованием когнитивных стратегий и тактик.

Когнитивный анализ многозначных глаголов социальных действий и отношений осуществляется в соответствии со следующим планом:

- 1) определяется принадлежность значений глагола к лексико-семантическим группам, выявляются семантические связи между значениями;
- 2) дается характеристика когнитивного сценария (выявляется состав событийных и логических пропозиций, определяется их последовательность, характеризуются позиции субъекта, объекта, наблюдателя);

3) рассматривается пропозициональная структура производных значений глагола;

4) анализируются особенности семантической деривации и определяется когнитивная стратегия семантической деривации многозначного глагола.

Представим результаты проведенного исследования, выбрав в качестве иллюстрации глагол *обвинить*:

обвинить — '1. Считать виноватым, виновным в чем-л. // Упрекать в чем-л., осуждать за что-л. 2. Считая виновным в чем-л., привлекать к судебному разбирательству; судебным порядком устанавливать виновность. 3. Юрид. Поддержать обвинение, выступать в качестве судебного обвинителя, прокурора'.

Когнитивный сценарий глагола включает несколько событийных пропозиций, связанных логическими пропозициями временной последовательности и обусловленности: 1) У совершил какой-либо поступок; 2) X считает этот поступок предосудительным, неправильным; 3) X считает Y виноватым; 4) X выражает осуждение Y с помощью слов или действий.

Каждое из значений глагола *обвинить* фиксирует отдельные пропозиции сценария. Базовым признаком глагола является понятие «вины», предполагающее наличие, по крайней мере, двух субъектов: человека, совершающего какой-либо поступок, и человека, оценивающего этот поступок как провинность, преступление. Следовательно, базой для глагола выступает понятие вины, а профилем в каждом конкретном значении — способы проявления эмоционального, оценочного и социального отношения к субъекту. В значении 'упрекать, осуждать' акцентируется словесное неодобрение действий этого субъекта; в значении 'привлекать к судебному разбирательству' — социальные и даже юридические последствия осуждения; в терминологическом значении 'выступать в качестве судебного обвинителя' значимым становится, помимо юридического характера самого процесса обвинения, специализированная позиция субъекта (обвинитель, прокурор, т. е. человек, чья деятельность профессионально связана с признанием чьей-либо вины). В значениях глагола профилируются признаки, изначально заложенные в когнитивном сценарии. Наличие нескольких пропозиций в значении глагола позволяет акцентировать внимание на одной из пропозиций или на одном из элементов пропозиции, выдвигать эту пропозицию или этот элемент на первый план. Таким образом, тактикой развития значения является варьирование пропозиций, а когнитивной стратегией — их профилирование, обусловленное особенностями актуализации внимания говорящего на различных аспектах ситуации.

Итак, основной семантической деривации глаголов социальных действий и отношений является когнитивный сценарий как способ концептуализации глагольного значения. Семантическая общность значений многозначного глагола определяется наличием когнитивного сценария как содержательного ядра, объединяющего значения многозначного слова в иерархически организованную внутрисловную парадигму и объясняющего развитие семантических структур глаголов.

Изучение глагольной полисемии на базе синтеза семасиологического и когнитивного направлений открывает перспективы расширения представлений о многозначности.

Квадратный как характеристика физических объектов неживой природы: к вопросу об отражении формы предмета в русском языке

А. М. Пожарская

Иркутский государственный университет

solo_82@inbox.ru

Русский язык, когнитивная лингвистика, форма объекта, семантическое моделирование

Summary. The given investigation is devoted to semantics of an object form and its reflection in Russian language. The adjective *квадратный* is thoroughly researched and different types of square objects are described. An attempt of semantic modeling is made in order to build a conceptual scheme of the analyzed lexical unit and to present a fragment of cognitive dictionary.

1. Несовпадение геометрического и обыденного образов объекта, антропоцентричность наивной картины мира

(1) Данное исследование посвящено анализу такого прилагательного формы, как *квадратный*. Предпринимается по-

пытка выявить и представить различные типы физических объектов неживой природы, имеющих подобную форму.

(2) Толковый словарь [2] ограничивается представлением об идеальном геометрическом образе объекта, а также о

том, что квадрат является эталоном при оценке формы физических объектов. Однако за рамками лингвистического и лексикографического интереса остается все многообразие форм, которые могут быть охарактеризованы с помощью данной единицы.

(3) Именно поэтому необходимо обращение к сочетаемости единицы *квадратный*, анализ которой демонстрирует несоответствие обыденного образа объекта с геометрическим: игнорируются несущественные для человека признаки и выявляются дополнительные.

2. Концептуальная схема прилагательного как вариант представления оттенков смысла

(1) Для того, чтобы репрезентировать свойства квадратной формы, имеющиеся в сознании носителя языка, был проанализирован большой массив словосочетаний и предложений (235), в которых характеризуются объекты неживой природы, и выявлен семантический потенциал исследуемой единицы.

(2) Введение понятия *концептуальная схема* (вслед за Анной А. Зализняк, [1]) позволило представить все семантические компоненты упорядоченно и создать основу классификации типов объектов неживой природы. Устройство концептуальной схемы *квадратный* таково: пространственный образ-«картинка» + набор семантических признаков.

(3) Семантические признаки, сформулированные с помощью абстрактного метаязыка, включают общие характеристики геометрической фигуры (например, FORMED + / -: имеет ли объект определенную форму или является бесформенным; SYMMETRY + / -: является ли объект симметричным или нет и под), физические характеристики объекта (например, 2D-3D — объект имеет два измерения (длину и ширину) / объект имеет три измерения (длину, ширину и высоту); CLOSED-OPEN: замкнутый / незамкнутый объект и под.), а также дополнительные характеристики (CONTAINER: контейнер; SPACE: пространство).

3. Классификация объектов неживой природы

(1) В исследовании предлагается классификация, которая учитывает, во-первых, «геометрический эталон» объекта (предмет в реальности может являться квадратом, кубом, параллелепипедом или призмой), во-вторых, те семантические признаки, которыми он обладает.

(2) В соответствии с этим все типы объектов неживой природы могут быть разделены на 8 групп:

- «квадраты»-цельные объекты (*К. лист, флаг, лоскуток, письмо, конверт* и под.);
- «квадраты»-части объектов (*К. стол, кушетка, штамп, граммофон, лопата* и под.);
- «квадраты»-ограниченные пространства (*К. клумба, газон, площадь, грядка* и под.);
- «квадраты»-отверстия (*К. окно, рамка, отверстие, уключина, прорезь* и под.);
- «кубы / параллелепипеды»-контейнеры (*К. ящик, ларь, сумка, коробка, корзина* и под.);

- «кубы / параллелепипеды»-цельные объекты (*К. машина, дом, печка, карета, кресло* и под.);
- «кубы-параллелепипеды»-ограниченные закрытые пространства (*К. комната, кухня, двор, парк, сад* и под.);
- «квадратные / прямые призмы»-вертикальные объекты (*К. церковь, замок, колонна, столб, башня* и под.).

4. Опыт семантического моделирования: попытка создания фрагмента концептуальной схемы прилагательного *квадратный*

(1) Результатом проведенного исследования стало создание фрагмента концептуальной схемы прилагательного *квадратный*.

Образ:

Квадратный 1. SYMMETRY +; FORMED +; POINT; LINE; ANGLE

Квадратный 1.1. INANIMATE

Квадратный 1.1.1.

2D (3D → 2D); CLOSED; FILLED; HORIZONTAL; PART -; HOLE -.

Квадратный 1.1.2.

...

Квадратный 1.1.8.

Квадратный 1.2. ANIMATE

...

Квадратный 1.3. SOCIAL SPACE,

где оттенки значения 1.1. содержат релевантные признаки объектов неживой природы, 1.2. — объектов живой природы, 1.3. — объектов и ситуаций социального пространства (пункты 1.2. и 1.3. остаются за рамками данного исследования).

(2) Таким образом, возникает вопрос об уточнении характеристик квадратной формы с учетом полученных данных. Думается, что нет необходимости введения новых признаков в дефиниции стандартных толковых словарей, поскольку те не могут учитывать весь накопленный когнитивистами опыт подобного рода. Однако при дальнейшем исследовании было бы разумным составить некий когнитивный словарь (базу данных), вычленив стандартный набор признаков, которыми обладают слова с семантикой формы и которые могли бы лечь в основу классификации слов семантического поля «Форма». Такой словарь допускает любую группировку слов, например, нахождение всех прилагательных с заданным семантическим признаком, повторяющихся комбинаций значений многозначных слов и т. п.

Литература

1. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
2. Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984.

К вопросу о компенсации парадигматической «редукции» несклоняемых заимствований

И. В. Приорова

Астраханский государственный университет

irinapriorova@yandex.ru

Парадигматическая редукция, типологическая неоднородность, синтаксическая компенсация, окказиональная склоняемость, языковая игра

Summary. This paper touches upon expression formal-grammatical means of expression emotional-expressive meanings. It proposes the principle of opposition stylistic method / speech mistake for bringing to light specific characteristics of using nonstandard forms of indeclinable borrowings in artistic texts.

Нефлективные средства грамматической категоризации парадигматически редуцированных слов, которые не однажды упоминались в лингвистических исследованиях как «морфологически оголенные» (М. В. Панов), «морфологически ущербные» (Л. В. Кнорина), «неграмматические» (О. С. Ахманова), существуют благодаря тому, что грамматическая парадигма в русском языке способна реализовываться в предложении или в словосочетании. Именно в пределах синтаксиса, прежде всего словосочетания, проявляется компенсация флективной недостаточности слова, что позволяло А. М. Пешковскому говорить о «синтаксическом

существительном», «синтаксическом глаголе» Это обусловлено тем, что, по замечанию А. М. Пешковского, «слова, не имеющие формы, не живут в языке отдельной жизнью, а тесно переплетаются со словами, имеющими форму».

В связи с тем, что грамматическая категоризация языковых единиц и «четкое различение понятий предмета и отношения „путем“ придания каждому из них своего собственного выражения» составляет основной принцип строения прежде всего флективных языков как самых грамматичных, то именно им должна быть свойственна и большая типологическая неоднородность (Л. Г. Зубкова). Скрытая па-

радикала слова, его морфологическая недостаточность может рассматриваться как *асистемное* явление, которое контролируется различными системными ограничениями. Однако семантически равноценная компенсация имплицитных грамматических категорий параллельными «дублетными» аналитическими формами, окказиональными грамматическими образованиями позволяет говорить о **системном** проявлении скрытой категоризации в русском языке.

В этих случаях единству семантики и функциям языковых единиц отводится определяющая роль: «чем важнее для языка какое-нибудь формальное значение, тем более многообразными и тем более многочисленными способами обозначается оно в звуковой стороне речи, как будто бы язык всеми доступными ему средствами стремится к поставленной себе цели — выразить данное значение...» (А. М. Пешковский). Это подтверждает то, что грамматически кодируемая в языке информация при недостатке в элементах кода требует своего обязательного выражения и вызывает проявление в языке как системе сил компенсации, тех средств, которые отличаются от синтетических форм по степени расчлененности содержания при отражении действительности.

Для несклоняемых существительных формальное выражение категорий рода, числа и падежа не равно формам морфологической флективной парадигмы. Поэтому на примере их функционирования (исходя из системного анализа языка как целого) устанавливается, с одной стороны, компенсирующий механизм в «нарушенных» элементах системы, а с другой, — ограничения их функционирования, обусловленные разветвленной словоизменительной системой русского языка. В связи с этим, они рассматриваются нами как единицы, обладающие номинативной (*жалюзи, тюре, атташе*), предикативной (*Конференсье* [им. предик.] *начинает концерт! Концерт начинается конференсье* [твор. деят.] и эмотивной функциями (*Ни польта, ни ума, — это значит поэт*).

Современное исследование несклоняемых имен вписывается в традиционное научное направление: изучение их функционирования как языковых единиц в речи. Функционирование этой группы слов не только в речевом пространстве, но и в речетворчестве подтверждает то, что язык в фатическом проявлении неразрывно связан с прагматикой, эмотивностью и оценочностью. Эти составляющие, потенциально свойственные языковым единицам любого уровня, позволяют им вовлекаться в коммуникативный и художественный контекст и выполнять ту функцию, которая позволит ей максимально реализовать свою потенцию, не зави-

симо от формальных особенностей и признаков. Анализ примеров, где несклоняемые имена в художественных текстах и современных дискурсах используются с определенной целью, позволяет упорядочить их не только по функционально-семантическим признакам, но и по выразительным возможностям в коммуникативном пространстве.

Примеры изменения несклоняемых заимствований условно распределяются на три типа: а) социально-бытовая характеристика героя, индивидуализация персонажа и реальное отражение исторической эпохи; б) «языковая игра», усиливающая экспрессию высказывания и создающая комический эффект (создание рифмы в поэтических текстах является, как правило, сопутствующим); в) социально-исторические «противостояния» нормы и узуса в употреблении неизменяемых заимствований.

1) наиболее частотными (60%) являются случаи изменения формы несклоняемого слова с установкой на индивидуализацию персонажа для реального воспроизведения быта или эпохи. Такая индивидуализация «прикрепляет» героя к определенной временной или социальной среде: — *Эка погодка! В легоньком пальте теперь... Ой-ой!* [П. п. ед. ч.] (Н. Островский. Поздняя любовь).

2) Следующая группа примеров объединена рамками «языковой игры» и отличается авторской «игрой» формой слова: — *Мы купили много бр и завесили этими брами всю комнату. Синюю бру повесили над диваном, в красной бре сменили лампочку, желтой брой загородили дырку на стене...* (Антон Зайцев. Интересная покупка).

3) Грамматическая адаптация иноязычных заимствований зависит не только от системных свойств языка, но и от частотности их употребления в речетворческом процессе, где самыми «многострадальными» остаются слова *пальто* и *кофе* (70%): *...Здесь почивал он, кофей кушал, приказчика доклады слушал...* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин) и *Чашку кофию, я тебе горячего налью и по-настоящему спую новую песню* (Л. Хлебникова. Чашка кофию); *В жизни правило тма, еще больше примет, Ни польта, ни ума, — это значит поэт* (Валерия Фильченко. Стихи с сайта www.stihi.ru).

Итак, сфера изменяемости парадигматически «редуцированных» заимствований как в разговорных, так и в поэтических, художественно-публицистических, рекламных текстах свидетельствует о том, что противопоставление узальных грамматических форм не узальным (потенциальным и окказиональным) формам (А. Г. Лыков, Е. Н. Ремчукова), не вступая в противоречие с кодовой системой русского языка, определяет рамки допустимого варьирования имплицитной и эксплицитной парадигмы.

О структуре многозначности слов *кричат* и *крик*

А. В. Птенцова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

anna.ptentsova@gmail.com

Семантика, лексикографическое представление многозначности

Summary. The paper is about the polysemy of the Russian verb “krichat” and the deverbal noun “krik”. It is at issue how to distinguish different meanings and how the noun meanings correlate with the verbal ones.

В словарных статьях **КРИЧАТЬ** и **КРИК**, написанных автором для Толкового словаря русского языка активного типа под ред. Ю. Д. Апресяна, у глагола и отглагольного существительного выделяются следующие значения:

1) у глагола:

кричать 1 — *A1 кричит от A2* ‘Живое существо A1, делая большое дыхательное усилие, производит голосом громкие, обычно протяжные, звуки — часто из-за сильной эмоции или боли A2’ (*Многие новорожденные кричат и плачут по ночам; В лесу кричала иволга*);

кричать 2 — *A1 кричит A2 A3* ‘Человек A1 произносит, крича, высказывание A2, обращенное к человеку A3’ (*Остановись! — кричали ему. Она кричала, что никуда не поедет*);

кричать 3 — *A1 кричит на A2* ‘Будучи очень недовольным поведением человека A2, человек A1 высказывает ему это громко и с особой интонацией’ (*Кричать на детей <на мужа>; Он постоянно кричит на подчиненных*);

2) у существительного:

крик 1 — от **кричать 1** [о людях, животных и птицах] (*Из палаты доносились стоны и крики раненых; Слышались саркастические крики ворон <шааков>*);

крик 2 — от **кричать 2** (*Раздался крик: «Стой! Стрелять буду!»; С криком: «Я по срочному делу!» — он вбежал в кабинет начальника*);

крик 3 — ‘Выражение человеком A1 своего недовольства по поводу A2, произносимое громким голосом и с особой интонацией и часто имеющее целью исправление A2’ (*Поднять крик; Если мама узнает, что ты разбил вазу, будет крик*).

В докладе обосновывается правомерность выделения данных значений и отсутствие полного параллелизма в толкованиях **кричать 3** и **крик 3**.

Кричать 1 обозначает непреднамеренное, неконтролируемое действие; имеет валентность причины. Субъектом данного действия может быть любое живое существо. В этом

значении глагол семантически сближается с глаголами типа *плакать*, *хныкать*; *реветь* [о животных]; *выть* [о животных]; *галдеть* [о птицах] и под.; его семантическими дериватами являются *раскричаться* [*Вороны раскричались*]; *докричаться* (*до хрипоты*); *крикун*, *крикунья*; *крикливый*.

Кричать 2 указывает на действие преднамеренное, контролируемое; имеет валентности содержания и адресата высказывания. В этом значении субъектом действия выступает только человек. **Кричать 2** близок предикатам типа *сообщать*, а его дериватами являются *прокричать*; *кричащий* [*кричащие противоречия*].

Кричать 3 прототипически указывает на непреднамеренное, неконтролируемое действие. В данное значение слова, как и в **кричать 1**, входит смысл 'причина'. Однако, в отличие от первого значения, этот смысл содержится здесь в качестве фиксированного (ср. компонент толкования 'будучи очень недобрым поведением человека А2'). Данная лексема обладает, как и **кричать 2**, валентностью адресата, которая, однако, заполняется иначе, чем во втором значении — конструкцией на ВИН. Субъектом действия является, как и в случае **кричать 2**, человек. *Кричать* сближается здесь с глаголом *ругать* и, кроме того, с глаголами *скандалить*, *ссориться* и с фраземой *повышать голос*; его дериватами являются *накричать*, *покрикивать*.

Легко видеть, что одним из основных критериев для разграничения значений является наличие в семантике глагола идеи преднамеренности / непреднамеренности действия и связанной с ней идеи контролируемости / неконтролируемости. В русском языке существует большое количество предикатов, способных выражать эти противоположенные смыслы, ср. *моргнуть*, *упасть*, *дышать*, *загнать*, *разбить*, *прострелить*. Ю. Д. Апресян и Анна А. Зализняк предлагают считать эти случаи употреблениями внутри одного и того же значения (см. [1: 177], [2: 22]), ср. *От яркой вспышки юпитеров большой моргнул и Большой моргнул мне* = '...чтобы я обратил внимание' (примеры Ю. Д. Апресяна). Однако с **КРИЧАТЬ** дело обстоит иначе — большое количество различий иного типа (актантная структура, способ

заполнения валентностей, наборы синонимов, аналогов и дериватов) — заставляет признать в соответствующих случаях разные значения глагола.

Значения существительного **КРИК** производны от соответствующих глагольных значений.

Рассмотрим соотношение предиката **кричать 3** ('ругать') и производного от него имени. В семантике глагола и существительного здесь имеется важная асимметрия (как отмечается в [3: 151–155], асимметрия глагола и отглагольного имени для русского языка в принципе является нормой). Существительное **крик 3** в подобных случаях часто употребляется в форме ТВОР, ср. *Криком ты ничего не добьешься*; *Он привык действовать криком и плеткой*; *Ей бы пожалеть дочку, приголубить, а она — криком да кулаком* (И. Грекова). Это означает, что **крик** — 'брань' легко может быть осмыслено в качестве инструмента для достижения цели. Тем самым смысл 'цель' является в семантике данного существительного значительно более весомым компонентом, чем в семантике соответствующего глагола. Поэтому смысл 'цель' должен быть включен в толкование **крика 3** — в отличие от толкования глагола.

С другой стороны, и **кричать 3**, и **крик 3** возможны в тех случаях, когда субъект понимает, что исправить нежелательную ситуацию уже нельзя, и просто выражает отрицательную эмоцию. Поэтому в толковании необходимо указать, что наличие цели у **крика 3** возможно, но необязательно.

Ввиду этого первые два значения слова **КРИК** могут быть истолкованы через отсылку к соответствующим значениям **КРИЧАТЬ**, но **крик 3** требует особого толкования.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
2. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
3. Урысон Е. В. Проблемы описания языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2003.

Единицы диахронического исследования лексической системы русского языка (к проблеме выделения и квалификации)

Н. В. Пятаева

Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой

pjataeva@yandex.ru

Словообразовательное, корневое и этимологическое гнезда, генетическая парадигма

Summary. In the report it is offered to qualify word-formation, root and etymological jacks of words as basic units of dynamic research of lexical structure of Russian, and also complex unit — the genetic paradigm uniting in the structure some of etymological jacks is considered.

Одним из способов группировки лексики является **лексическое гнездо** (ЛГ) — общность однокоренных слов, в составе которой слова связаны по значению, грамматическим свойствам, морфемной и словообразовательной структуре. В синхронном плане ЛГ представляет собой совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченную в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации, т. е. является **гнездом словообразовательным** (СГ). Однако не все однокоренные слова составляют СГ. Нельзя не признать правомерным предлагаемое А. Н. Тихоновым разграничение словообразовательных и **корневых гнезд** (КГ). См., например, словообразовательные гнезда с вершинами *изъять*, *отнять*, *поднять*, *принять*, *приятный*, образующие в современном русском языке КГ, организованное вокруг связанного корня *-я- / -ня-* в результате выхода из употребления глагола *имати / няти* 'брать', который до начала XIX века возглавлял это распавшееся СГ.

КГ определяется нами как общность однокоренных слов, состоящая из двух и более словообразовательных гнезд, вершинами которых являются слова со связанными корнями, сохранившими в своей глубинной структуре определенную семантическую близость, но утратившие на данном (синхронном) уровне развития языка словообразовательные отношения друг с другом в результате процесса **деэтимологизации**, т. е. фонетического расподобления и / или семантических изменений в морфемной структуре некогда однокоренных слов, приводящих к их расподоблению и в следст-

вие этого к распаду некогда единого СГ на несколько самостоятельных гнезд. Изучение лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих формирование, развитие и распад лексических гнезд — важнейшая задача диахронической дериватологии, объектом которой является **этимологическое гнездо** (ЭГ). Ж. Ж. Варбот определяет ЭГ как группу генетически родственных слов, включающую все когда-л. существовавшие на протяжении истории данного языка рефлексы определенного корня, реконструированного для праязыка-основы.

Динамическое рассмотрение синонимичных ЭГ с общеславянскими корнями *em- 'брать, иметь' и *ber- 'брать' на протяжении истории развития русского языка от праславянского до современного состояния показало, что 1) определяющая роль в их формировании принадлежала семантическим процессам: активному обогащению смысловых структур слов, развитию различных переносных значений, связанных с формированием разнообразных сфер отвлеченной лексики; усилению тенденции к семантической специализации слов, к уточнению и дифференциации их значений; 2) на всем протяжении функционирования синонимичных ЭГ в них осуществлялись количественные (рост лексических единиц, усложнение словообразовательной системы за счет увеличения числа СГ) и качественные (обогащение семантической структуры в результате концентрации и филиации значений вокруг определенных смысловых центров) изменения.

В смысловой структуре ЭГ *em- оформилась система отвлеченных понятий мыслительной и духовной деятельности человека: 'осмыслять, постигать содержание, смысл чего-л.' (*понимать, понятие*), 'охватить в полном объеме содержание, сущность чего-л.' (*объять*), 'оказывать дружеское расположение' (*приятствовать*) и др. Напротив, семантика лексического гнезда *ber- сосредоточилась на обозначении конкретных физических действий приобщения объекта и производных от них понятий: 'принимать в руки' (*брать*), 'взять кое-что из множества' (*выбрать*), 'взять, собрать дополнительно' (*добрать*), 'взять, собрать какое-л. количество чего-л. или, собирая, составить' (*набрать*) и др. Об общности и пересечении значений в развитии этих двух корней свидетельствует также наличие в современном русском языке супплетивного видообразования между их глагольными рефлексам: *брать* (НСВ) и *взять* (СВ).

Более того, в процессе исследования праславянской и древнерусской семантики указанных ЭГ была обнаружена логическая связь их значений с семантикой лексических гнезд *dǫ- (*давать, дать*) и *nesti (*нести*). Семантический ряд, образуемый вершинами этих ЭГ, мы назвали **генетической парадигмой**, опорные слова которой (*давать* → *дать* → *брать* → *взять* → *иметь* → *нести* → *давать*) объединены последовательностью выражаемых ими значений, содержащих общие семы: 'приобщаемый объект' и 'действие субъекта, направленное на приобщаемый объект'. Семантическое пересечение этих лексем обусловлено синкретизмом значений древних корней, к которым они восходят: и.-е.*dǫ- имел значения 'дать / давать', 'брать', 'нести' (ср. проявление связи значений 'давать' и 'брать / взять' в болгарском идиоматическом сочетании *мам вземане-даване* 'иметь общие дела с кем-л.'). и.-е.*bher- 'нести' в праславянском развивает значение 'брать', становясь синонимичным и.-е.*em- 'брать / взять', который позднее приобретает значение 'иметь', существующее параллельно с изначальным на всем протяжении истории русского и родственными славянскими языками.

Пересечение значений в рефлексах опорных слов этой генетической парадигмы можно наблюдать в современных славянских языках. Так, наличие дополнительной семы 'нести' отмечено в значениях глаголов ЭГ*em-: *снять*

'покинуть какое-л. место, отправляясь в путь', разг. 'поехать, пойти в каком-л. направлении'; диалектн. *донять* 'дойти, доехать, добраться до кого-л.', а также в семантике глаголов, принадлежащих ЭГ *em- и *ber- в родственных славянских языках: болг. *добера се* 'добраться, дойти, доехать', *емна, поема* 'отправиться куда-л.'; польск. *dobrać się* 'добраться', *przebrać się* 'пробраться', *zabrać się* 'собраться, уйти, отправиться, убраться'. Ср. проявление семантики 'перемещение в пространстве' в современном СГ с вершиной *нести*: *вознестись* 'подняться вверх, ввысь', *донестись* 'быстро доехать, добежать, домчаться', *нестись* 'очень быстро двигаться, перемещаться, мчаться', *перенестись* 'стремительно перебежать, переехать, перелететь через что-л., куда-л.; примчаться'; *пронестись* 'быстро пройти', *унестись* 'быстро удалиться, умчаться', а также в невозвратных формах *донести* 'быстро донести, доставить, домчать', *нести* 'быстро, стремительно передвигать, мчать'.

Итак, слово возникает на скрещении, пересечении различных структур языка, поэтому определение лексики любого языка как системы, то есть как упорядоченного и целостного единства, означает, что нет и не может быть таких изменений в ней, которые произошли бы помимо системы и которые так или иначе не затронули бы общей системной организации словарного состава языка. Из этого следует, что исследование лексических гнезд и более крупных их объединений (в частности, гнезд этимологических и генетических парадигм) актуально и в синхронном и в диахроническом планах. Если на синхронном уровне лексическая система русского языка уже достаточно изучена, то создание полного и систематического очерка русской исторической лексикологии — одна из самых существенных и весьма сложных задач русистики наших дней. Можно надеяться, что намеченные пути динамического (синхронно-диахронического) описания групп лексических гнезд будут способствовать обнаружению еще непознанных закономерностей развития и функционирования лексики русского языка в составе генетических парадигм, помогут объяснить утрату в языке тех или иных слов и наметить возможные перспективы пополнения лексической системы новыми компонентами.

О термине и понятии «внутренняя форма слова»

И. А. Ребрушкина

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва

rebrushkina@list.ru

Внутренняя форма слова, мотивированность, значение, буквальное значение

Summary. The paper is devoted to problems of inner form as term and concept.

Известно, что понятие внутренней формы, восходящее к концепции В. фон Гумбольдта, в отечественном языкознании оформилось в трудах А. А. Потебни, который предлагал различать в слове 1) внешнюю форму («членораздельный звук»), 2) содержание, объективируемое посредством звука, 3) внутреннюю форму, или «ближайшее этимологическое значение слова, т. е. тот способ, каким выражается содержание» [8: 156].

В современной терминографической литературе закреплено несколько более широкое понимание. Так, «Лингвистический энциклопедический словарь» определяет внутреннюю форму слова следующим образом: «семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова» [6: 85]. Ср. также определение «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой: «**Внутренняя форма слова** (*символическая ценность, смысловая структура) *англ.* inner form, *bridge meaning, франц.* forme intérieure, *нем.* inner Form, *исп.* forma interior. Семантическая структура слова, т. е. те его морфонологические свойства, которые символизируют связь данного звучания с данным значением или с данными стилистическими коннотациями» [1: 81]. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой находим похожую интерпретацию: «Морфонологический состав основы, указывающий на мотивированную связь ее звучания с данным значением» [9: 58].

Однако объем и содержание рассматриваемого понятия в работах разных ученых варьируется. Так, Р. А. Будагов постулирует традиционную «этимологическую» трактовку: «Способ выражения понятия через слово, характер связи между звуковой оболочкой слова и его первоначальным содержанием и называется внутренней формой слова» [3: 73]. В. Г. Варина, напротив, предлагает разграничивать этимологию и внутреннюю форму, считая последнюю «синхронным компонентом семантики слова» «в отличие от этимона, относящегося к диахроническому аспекту языка» [4: 242].

Поскольку проблемы внутренней формы связаны с вопросами мотивированности, нередко термин *внутренняя форма* толкуется посредством терминов *мотивированность, мотивация, мотивационный*. Например, И. Е. Козлова называет внутреннюю форму средством реализации мотивированности слова [5: 3]. В. Н. Немченко определяет внутреннюю форму как «мотивированность слова производящим словом или сочетанием слов, семантическая связь между ними, характер этой связи» [7: 228]. Е. П. Стемковская, рассматривая взаимоотношение понятий «внутренняя форма» и «мотивированность», приходит к выводу о том, что «понятие «внутренняя форма слова» выражает совокупность двух лингвистических явлений: 1) соотношение значений производящих и производных основ, отношение «содержания мысли и к сознанию»; 2) признак, объясняющий выбор звуковой оболочки, т. е. признак, который положен в основу выбора имени, а не значения» [10: 456]. О. И. Блинова определяет внутреннюю форму так: «морфосемантиче-

ская структура слова, включающая морфемный состав и выражаемое им мотивационное значение и обуславливающая рациональность связи его звуковой оболочки лексического значения» [2: 32]. Это определение представляется нам наиболее исчерпывающим, за исключением того, что морфосемантическая структура слова далеко не всегда обуславливает рациональность связи звуковой оболочки и значения слова.

Поэтому уточним, что на наш взгляд, *внутренняя форма* — это морфосемантическая структура слова, обусловленная его синхронной или диахронической мотивированностью и выражающая сумму значений составляющих слово морфем, то есть буквальное значение слова.

Думается, что здесь уместно будет сделать и некоторые замечания о самом термине *внутренняя форма слова*, нелепость которого часто отмечается учеными. Действительно, термин представляет собой почти оксюморон: ведь форма — это то, что принято считать внешней, а не внутренней характеристикой слова. Однако применение такого экспонента все же может быть оправдано: выделение у слова «внешней» формы как некоторого звукового (графического) комплекса, приписанного некоторому значению (приписанного часто условно и «необъяснимо»), наталкивает на мысль, что эта «внешняя» форма может быть расчленена, и в этом случае обнаружится ее не условная, а обусловленная, «объяснимая» (то есть мотивированная) связь со значением. Расчленение «внешней» формы на более простые компоненты, связанные с обозначаемым, видимо, осмыслится как проникновение вглубь ее, *внутрь*, отсюда и номинация «внутренняя» форма.

Однако заметим, что, несмотря на проделанный нами «оправдательный» экскурс в этимологию данного термина, его экспонент, на наш взгляд, все же не удовлетворяет требованию точности, так как «внутренняя» форма по сравнению с «внешней» это уже все-таки не вполне «форма», поскольку она воспринимается только вместе со значением, неразрывно. Более удачным и точным наименованием рассмотренного понятия, как нам представляется, является термин *буквальное значение слова*.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Блинова О. И. Термин и его мотивированность // Терминология и культура речи. М., 1981. С. 28–37.
3. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1965.
4. Варина В. Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 233–244.
5. Козлова И. Е. Специфика явления мотивации слов в русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1999.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
7. Немченко В. Н. Основные понятия лексикологии в терминах. Учебный словарь-справочник. Нижний Новгород, 1994.
8. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М., 1999.
9. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. М., 1976.
10. Стельковская Е. П. Мотивированность терминов сейсмозаведки // Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики»: В 2 ч. (Материалы симпозиума — рефераты и аннотации). Ч. 2. М., 1971. С. 456–458.

Семантическая структура античного символа

А. А. Романовская

Минский государственный лингвистический университет (Беларусь)

Alla_Rom@tut.by

Античный символ, десигнативное значение, мифема, генотипический образ, семный анализ, сема, семема, классема

Summary. The paper deals with the problem of building up a genotypical image of an actant based on the content in which the actant's relations with gods, nature, assistants and enemies are reflected. In their relations functional qualitative characteristics of the actant are revealed creating the image of its name. Semantic characteristics form the structure of the name that reflects the structure of the actant's image in mythological consciousness. The name 'Odyssey' reveals such meanings that give this name a symbolic status. The author claims that the lexeme 'Odyssey' means a notion, and the notion is reflected in the "constellation" of meanings. Semantics of the given lexeme as a significative unit is defined on the basis of the seme analysis that allows to determine positive and negative semes, thus presuming that Odyssey as a symbol is included in the "heroism — antiheroism" constellation.

Античный символ как вербальная единица имеет особую семантику. Это образное понятие, выраженное знаком. Десигнативное (понятийное) значение символа представлено мифемами. «Мифемы — это тоже слова, но это слова с двойным значением, слова слов» [3: 428], которые формируют «мифологическое» значение, т. е. десигнативное значение античного символа.

Мифологические образы субстанциональны и понимаются как реально существующие. Символическое воображение продуцирует образы, воспринимаемые как часть действительности. Синтез чувственно-конкретного и понятийного делает античные мифологические образы символическими. Генотипический образ персонажа (актанта) формируется на основании содержания, в котором отражаются его взаимоотношения с богами, природой, помощниками и противниками. Во взаимоотношениях проявляются функционально-качественные характеристики актанта, создается образ его имени. Мифопоэтическое сознание формирует героический образ имени *Одиссей*.

Целые серии мифологических мотивов, символизирующих героизм, многоумие, хитрость, ловкость, страдание, жестокость, дерзость, закодированы в имени Одиссей (*Ὀδυσσεύς* — царь Итаки, герой Эллады, главный герой «Одиссеи»). Семантические характеристики создают структуру имени Одиссей, которое отражает в мифологическом сознании структуру образа «многоумного», хитроумного, умного, находчивого; ловкого; хитрого; жестокого, мстительного; многострадального, дерзкого героя. В имени *Одиссей* «посеяны семена смысла», придающего имени статус символа.

Мы исходим из гипотезы, состоящей в том, что лексема *Одиссей* означает понятие герой / антигерой, отраженное в

конstellации «геройство / антигеройство». Конstellация представлена константами: доблесть (мужество, смелость, храбрость) / жестокость (буйность, каннибализм); дружба / вражда (соперничество); справедливость, законность (государственность) / хитрость (обман, предательство); мудрость (многоумие, ум, находчивость) / хитрость; праведность (почитание богов) / богоборчество (дерзость, гордыня, надменность); сила (физическая) / слабость (физический изъян, недостатки); жертвенность (спасение) / проклятие (родовое), страдание; цивилизация / разрушение. Внешний элемент — означающее Одиссей — в системе языка и в сознании его носителей связан с означаемым и познается через означаемое (сигнификат, концепт, интенционал). Это значение или значения, которые покрываются означаемым и проявляются благодаря его существованию. Чтобы установить семантику данной лексемы как сигнификативной единицы, необходимо провести семный анализ, то есть обозначить положительные и отрицательные семы, на основании которых *Одиссей* как символ войдет в конstellацию «геройство / антигеройство». Контексты, сгруппированные определенным образом, выявили «смыслы», располагающиеся вокруг гипотетического «Одиссея» в виде сети гипотаксических и гипертаксических отношений. Лексема *Одиссей* определяется набором сем: герой, ум, мудрость, находчивость, ловкость, храбрость, безупречность, хитрость, обман, месть, жестокость, вражда, дружелюбие, предательство, страдание, разрушение. Глубинный процесс смыслопорождения основан на «актантовой модели» А.-Ж. Греймаса: Актанты vs. Предикаты, Функции vs. Качественные определения. Таким образом, любое семантическое сообщение в обязательном порядке принадлежит к одному из двух возможных классов сообщений: Ф /А/ или К /А/ (функции актанта или качест-

ва актантов) [1: 223]. Другими словами, семантическое сообщение формируется на основании анализа связей субъекта-существительного и предиката (глагола или имени), то есть функций и качеств актантов, с парадигматической точки зрения. Мы относим Ф /А/ и К /А/ к мифемам, которые структурируются посредством процедуры редуцирования контекста.

Так, мифемы: *Одиссей помогал командовать сухопутными силами эллинов; принял на себя всю мощь троянского удара; похитил Палладий*, что способствовало взятию Трои; *придумал троянского коня; вступил в самую кровавую схватку за всю его жизнь* формируют семему «предикат» (Ф /А/) и в актанте Одиссей выделяют классему ‘герой’: герой умный (помогал командовать; придумал троянского коня, похитил Палладий), герой сильный (принял на себя всю мощь троянского удара), герой храбрый (вступил в самую кровавую схватку). Классема ‘герой’ включает семы: ‘ум’, ‘мудрость’, ‘находчивость’, ‘сила’, ‘ловкость’, ‘храбрость’, ‘безупречность’, ‘дружелюбие’, ‘страдание’. Семы:

‘хитрость’, обман, месть, жестокость, вражда, предательство, разрушение соотносятся с классемой ‘антигерой’.

Семантические признаки в виде пучка сем представляют содержание семемы. Семему ‘Одиссей’ образуют семантические признаки ‘ум’, ‘мудрость’, ‘находчивость’, ‘сила’, ‘ловкость’, ‘храбрость’, ‘безупречность’, ‘дружелюбие’, ‘страдание’, ‘хитрость’, ‘обман’, ‘месть’, ‘жестокость’, ‘вражда’, ‘предательство’, ‘разрушение’, на основании которых семантема ‘Одиссей’ входит в классему ‘герой / антигерой’, а символ Одиссей — в констелляцию «геройство / антигеройство».

Литература

1. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиски метода / Перев. с франц. Л. Зиминной. М., 2004.
2. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб., 2002.
3. Леви-Строс К. Структура и форма. Размышления об одной работе В. Проппа // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 400–428.

Грамматика и лексикография как принципы описания наречий

А. Е. Рубан

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

ruban_anastasia@mail.ru

Наречие, функционально-коммуникативная грамматика, грамматическая лексикография, функциональный словарь

Summary. Our research is devoted to the adverb in the context of functional and communicative grammar. Today there comes the necessity of compiling the functional dictionary of Russian language, that will essentially make easier the process of learning different morphologic forms, syntactic constructions for foreign students. In fact this dictionary is a product of grammatical lexicography. So we need new principles of making lexicographical description of synonymic and varied rows of Russian words as it will help us to create the so-called grammar of Russian adverb.

1. Объектом нашего исследования являются русские наречия, а именно их грамматическое поведение с целью составления нового лексикографического описания данной части речи. Проблема лексикографического представления грамматического материала в настоящее время привлекает пристальное внимание не только лингвистов-теоретиков, но и специалистов в области прикладной русистики, в частности преподавателей русского языка как иностранного (РКИ).

2. Наиболее эффективным представляется изучение наречий в рамках функционально-коммуникативной грамматики (ФКГ), которая в последнее время приобретает все большее значение в теории и практике преподавания русского языка как родного и иностранного [1: 3–12]. ФКГ описывает семантическое пространство языка, включая объективные и субъективные смыслы; равноуровневые средства их выражения, типологию этих средств и их функционирование в речи, а также языковые механизмы, обеспечивающие коммуникацию. Можно говорить о создании самостоятельной функционально-коммуникативной грамматики русского наречия. Это требует тщательного анализа и подробного описания морфологических, синтаксических, семантических, коммуникативных, текстовых, прагматических аспектов функционирования адвербиальных лексем.

3. Обращение к языковому материалу, а именно к темпоральным наречиям, позволило выделить основные параметры (или даже блоки параметров), релевантные для рассмотрения конкретных адвербиальных лексем:

(1) лексико-словообразовательная и этимологическая соотнесенность с другими категориальными классами слов (ККС);

(2) семантика (включая синонимику и антонимику);

(3) сочетаемость, синтаксические позиции словоформ;

(4) коммуникативный статус (коммуникативные роли) словоформ;

(5) стилистическая характеристика;

(6) сопоставление с иноязычными коррелятами.

4. Для систематизации фонда русских наречий, с одной стороны, и для удобства их анализа — с другой, мы использовали введенное М. В. Всеволодовой понятие и соответствующий термин «синонимико-вариативный ряд» (СВР). Для нас важно, что каждый представитель СВР может иметь индивидуальный набор контекстов, обусловленный не только собственно лексическими факторами, но грамматическими. На семантическом уровне члены СВР связаны между

собой синонимическими отношениями, на формальном же уровне наряду со случаями нейтрализации они зачастую находятся в условиях дополнительной дистрибуции. Слова объединяются в СВР на уровне лексико-семантических вариантов (ЛСВ), а не лексем. Например, исследуемые нами, на первый взгляд, синонимичные темпоральные наречия *быстро, моментально, мгновенно, миг, сразу* имеют несколько ЛСВ. В значении ‘за короткое время’ часть их входит в СВР *быстро — моментально — мгновенно — миг — миглом — моментом — стремительно — оперативно — молниеносно*. В значении ‘через короткое время’ они образуют СВР *сразу — тотчас — немедленно — быстро — моментально — мгновенно — миг*, что отражается на их грамматическом поведении. Сравните, в отличие от ЛСВ₁, ЛСВ₂ данных наречий способен являться частью так называемых предложных сочетаний — синтаксически сложных структур, включающих в качестве обязательных или факультативных компонентов слова других частей речи, однако выполняющих исключительно предложные функции. В данном употреблении они являются конкретизаторами предлогов (о понятии конкретизатора предлогов см. [2]):

а. *Вмиг после взрыва возник пожар.*

б. *Мгновенно после взрыва возник пожар.*

в. *Моментально после взрыва возник пожар.*

Наличие адвербиального конкретизатора в этих примерах вводит значение безотлагательного следования наступления пожара после взрыва, ср.: *После взрыва возник пожар* и *Вмиг после взрыва возник пожар*.

Каждый из членов СВР может быть охарактеризован по ряду выделенных нами параметров, составляющих его лексикографическую атрибуцию — единую основу сопоставления семантически близких или тождественных ЛСВ.

5. В связи с этим возникает необходимость создания функционального словаря русского языка, который может существенно облегчить процесс усвоения иностранцами морфологических форм, синтаксических конструкций с целью выбора правильного слова, адекватного контексту и позиции в речи, с учетом его коммуникативного статуса. Функциональный словарь дает «описание лексики в целях синтаксиса» и является «продуктом грамматической лексикографии» [3: 89]. Разработка принципов составления нового словаря предполагает решение следующих конкретных задач: анализ семантической структуры каждой лексемы и на его основе выделение конкретных ЛСВ; выработка атрибуции и

лексикографических параметров описания слов; анализ конкретных ЛСВ наречий в соответствии с выделенными параметрами; выявление общих и специфических черт ЛСВ наречий — членов одного СВР на основе единых параметров сопоставления; в итоге — составление словарной статьи («лексикографического портрета») каждой из анализируемых лексем для функционального словаря русских наречий с учетом их не только семантических, но и грамматических признаков. Таким образом, новый словарь планируется не как разновидность пассивных пособий, но как своеобразный «путеводитель» по функционированию русских наречий.

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
2. Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А., Чекалина В. Л. Материалы к словарю «Предлоги и средства предложного типа в русском языке. Реальное употребление. Функциональная грамматика». Выпуск 1 (в печати).
3. Панков Ф. И. О функциональном словаре русских наречий // Актуальные проблемы современной лексикографии. М., 1999.

Социолингвальные квалификативы в составе номинативного корпуса глуттонии

С. Н. Руденко

Харьковский государственный университет питания и торговли (Украина)

Lanaterm@mail.ru, Lanaterm@gmail.com

Summary. It's defined nominative and narrative gluttonous content in the lexical base, named "city meal" in the paper. It's created the scheme of logical connection among conceptual parts of world meal picture in the human vocabulary. It's analyzed mutual relation among the social status of the human and the base of gluttonyms, which are predominated in his vocabulary.

Владение информационными, производственными, культурными, материальными ресурсами и возможностями удовлетворения одной из ежедневных потребностей человека — потребности в еде — формируют пищевую картину мира индивида и социума, включающую множество стереотипов, отражаемых в языке при помощи «глуттонимов» (от лат. «gluttio — глотать, проглатывать, поглощать» [2]). В качестве единицы языка исследования термин «глуттоним» используется в монографии А. В. Оляничка «Презентационная теория дискурса» [4] работах Н. П. Головницкой и С. В. Захарова [1]; [3]. В нашей работе «глуттонимы» — лингвистические знаки, план выражения которых может варьировать в диапазоне от слова до текста, а план содержания объективировать на языковом уровне пищевую картину мира в гастрономическом, обрядовом, религиозном, медицинском, экономическом, рекламном, социальном и других концептно-реалемных слоях.

Категоризация этих лингвистических знаков дает возможность выделить в отдельную группу глуттонимы-квалификативы с семантическими доминантами «уровень материальной обеспеченности» и «социальный статус», которые дают возможность идентифицировать социальные характеристики потребителя, реализуемые в оппозициях: 1) сельская еда / городская еда; 2) полноценное питание / неполноценное (быстрое) питание; 3) фаст-фуд / сорная еда. Созданная нами схема логических отношений между концептуальными составляющими пищевой картины мира горожанина,

дала возможность проанализировать взаимосвязь между социальным статусом языковой личности и лексическим массивом глуттонимов, преобладающим в ее лексиконе.

Наполнение сегмента «быстрое питание» (в противовес сегменту «полноценная трапеза») декодирует культурологическую информацию второй части семантической оппозиции «сельская еда» / «городская еда».

Социальный хронотоп является основным смыслообразующим механизмом рубрикации лингвистических знаков глуттонии. Учитывая семантическое наполнение таких универсальных социолингвистических категорий, как языковая компетентность субъекта, уровень образованности, гастрономическая информированность, принадлежность к определенной национальной культуре, конфессии и т. д., и при этом отвечая на вопросы *где, когда и чем* питается человек, мы с большой долей вероятности можем идентифицировать социальный статус этого субъекта.

В большинстве случаев, когда номинации еды категории *фаст-фуд* находятся в ядерной зоне ментального лексикона субъекта, ему автоматически присваивается статус человека со средним уровнем материальной обеспеченности.

Относительно номинации «сорная» еда, противопоставленной «фаст-фуду» в рамках категории «быстрое питание» (см. рис. 1), следует заметить, что на ее оппозиционирование существенно повлияли семантические векторы: температура потребления (горячий / холодный) и время хранения (продолжительный / непродолжительный).

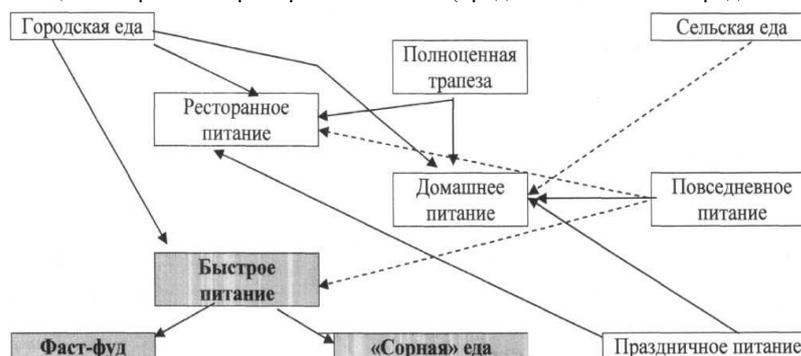

Рис. 1. Концептуальная связь между составляющими пищевой картины мира горожанина.

Смысл этого влияния убедительно раскрывает одна из статей «Кулинарного словаря» В. В. Похлебкина: «Сорная» еда («мусорная» еда — *ordure, filth-food, dirt-food*) — термин, появившийся в 1970-х годах в американской прессе для обозначения пищевых, готовых к еде фабрикатов, хранящихся на складах: сэндвичей, различных нарезок колбасы, сыра, ветчины, упакованных в пластмассовые баночки острых закусок и напитков, — употребляемых в качестве завтрака, обеда или ужина, лишь бы перекусить, утолить голод» [3]. На момент возникновения глуттоним «сорная еда» семантически был связан с понятием «захламленность территории», поскольку в местах потребления такой пищи тара из-под нее быстро переполняла контейнеры для мусо-

ра, а остальное разносилось ветром по улицам. В 1990-х годах произошло переосмысление и метафоризация этого названия, а семантически оно стало связываться уже с понятием «захламленность организма», поскольку потребление холодных закусок без горячего питья, чаев, супов приводит к хроническим нарушениям пищеварения, то есть за 20 лет лингвистический знак «сорная еда» стал социальным квалификативом с ярко выраженной отрицательной коннотацией, подчеркивающим не только внешнюю вульгарность уличного питания, но и вредные последствия для здоровья постоянного потребления такой еды, идентифицируя принадлежность ее потребителя к прослойке людей с низким (или средним) уровнем материальной обеспеченности и

низким уровнем пищевой культуры. Сегодня к номинациям «сорной еды» в украинском языке можно отнести названия: ярлыки, этикетки, логотипы на разнообразных полиэтиленовых упаковках по 30–150 г с сухариками, чипсами, палочками, хлопьями, поп-корном, вялеными кальмарами, сушеными анчоусами, осьминогами, на вакуумных упаковках с мясными нарезками весом до 200 г, а также на металлических банках и полиэтиленовых бутылках для напитков.

Таким образом, семантика квалификативов в оппозициях 1) городская пища / сельская пища; 2) полноценное питание / быстрое питание; 3) фаст-фуд / сорная еда играет роль маркера уровня материальной обеспеченности и социального статуса преимущественно жителей больших городов, номинации пищи в ментальном лексиконе которых отражают

социальные параметры видения ими концептуальной картины мира.

Литература

1. Головинская Н. П., Олянич А. В. Лингвосомиотические и лингвокультурные характеристики немецкоязычного глоттонического дискурса // Вестник междунар. института рынка. Самара, 2007.
2. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1986.
3. Захаров С. В. Паремология англоязычной институциональной глоттонии // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук. Вып. 1 (2). Филология, лингвистика, лингводидактика. Волгоград, 2006.
4. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: Монография. М., 2007.
5. Похлебкин В. В. Кулинарный словарь. М., 2002.

Особенности цветоупотребления в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»

Е. А. Рыбальченко

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова

stella102@mail.ru

Окказиональные цветообозначения, колоративы-символы — цветовая триада романа, колоративы-тропы, функциональные разновидности цветообозначений

Summary. These abstracts demonstrate the individuality of the artistic use of florilegium by M. A. Sholohov in his fundamental work — the novel “Quiet Flows the Don». The text presents the syntactic structures, by which the author uses the florilegiums as means of artistic expression and symbols. It, also, illustrates the ability of occasional, unique and individual florilegium to become a source of further development of language. In general, the thesis provides capacious and diverse characteristics of style and language of the author through the prism of his use of such a concept as the color.

У каждого художника слова, так же, как и у живописца, есть определенные, часто повторяющиеся сочетания цветовых оттенков, своего рода цветовая гамма. В лингвистике много внимания уделяется исследованию цветообозначений в творчестве разных писателей. Рассмотрение проблемы цвета имеет место и в шолоховедении. Цветопись в творчестве писателя является важнейшим экспрессивным средством, несет эмоциональную нагрузку. Ряд исследователей, обращавшихся к проблемам цветообозначения (Р. М. Фрумкина, А. А. Брагина, Н. Б. Бахилина и др.), приходят к выводу о том, что «невозможно говорить о цветовой картине мира в отрыве от воспринимающего ее индивидуума. У каждого носителя языка восприятие того или иного цвета связано с жизненным опытом, психофизическим состоянием, определяется целым рядом объективных и субъективных факторов, поэтому достаточно индивидуально и является частью наивной картины мира» [3: 30].

Художественные повествовательные формы романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» дают богатый материал для изучения авторского видения мира в слове и в тексте. Если предполагать, что выражение разнообразия и богатства цветовых обозначений способствуют богатству и разнообразию поэтического языка писателя, то это предположение оправдывается и в применении к языку М. А. Шолохова. Использование колоративов в романе «Тихий Дон» показывает приемы обращения автора со словом и отражает одну из особенностей поэтики писателя — цветовую картину его художественного мира. Так как цветное слово органически представляет собой мировидение автора, очень важным является исследование цветообозначений как наиболее полное художественное воплощение индивидуально-авторского стиля, особенностей языка писателя.

Цвет — визуальное качество, воспринимаемое человеком, и одновременно важное средство эстетической выразительности. Ученые утверждают, что человеческий глаз способен различать от 500 до 2,5 миллионов оттенков, каждый из которых может быть назван отдельным словом. Но каким бы множеством средств ни обладал язык, число цветов и оттенков, которые может воспринять глазом любой индивид, всегда будет в несколько десятков тысяч раз больше числа цветообозначений, которыми он располагает, так как число цветоименований, зарегистрированных в самых больших толковых словарях, не превышает ста пятидесяти. Этим и объясняется изобилие цветообозначений, которые или вовсе не знакомы широкому носителю языка, или являются для него агнонимами: например — *электрик, опаловый* и т. д., значения которых в принципе должны перекрываться суммой значений базовых цветов.

По той же причине художник использует окказионализмы, создавая индивидуальную красочную картину мира.

Так, в тексте романа «Тихий Дон», наряду с узуальными лексемами (зафиксированными в толковых словарях) *черный, серый, алый, золотой, сиреневый* и др., представлено значительное количество нестандартных, окказиональных (индивидуально-авторских) цветослов, таких, как *атласно-черный* (насыщенно темного цвета, с блеском): *...лапая переступавшую с ноги на ногу кобылку за тугое атласно-черное вымя* [4, т. 3: 26]; *зверино-белый* (ослепительно белый, похожий на оскал зверя): *Иван Алексеевич глядел неотрывно на ингуша-офицера, на зверино-белый оскал его зубов...* [4, т. 2: 147], *пыльно-золотистый* (покрытый пыльной растением, с золотым отливом — цвет брюшка насекомого): *Пыльно-золотистый с оранжевым отливом слепень кружился над ними* [4, т. 1: 48], *изумрудным блеском* (о траве): *Займище изумрудилось наращенной молодой отавой* [4, т. 1: 114]; *серошинельный* (солдатский, цвета солдатских шинелей): *В приезжавших санях лежали, прикрытые брезентом, серошинельные трупы* (4, т. 3: 129) и ряд других.

Колоративы в тексте романа, помимо исходного, употребляются в переносном и символическом значениях. Например, *черный* имеет следующие переносные значения: «грязный», «сгоревший», «недобрый», «враждебный» и символическое — «трагичный», предвестник несчастья: *В полуверсте от местечка — стены какого-то сожженного завода, кирпичные стены с задымленными черными верхушками* (в тексте романа есть прямое указание на то, что здание горело) [4, т. 1: 280]. *Желтый* в тексте романа имеет переносное значение «болезненный», «постаревший от времени», «увядший» и символическое — «знак разлуки», расставания: *Да ведь на том месте по весне желтый лазоревый цветок расставания не вырастет?* [4, т. 3: 89].

Поскольку в центре романа изображение Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны — а эти события были осмыслены Шолоховым как великая национальная трагедия — *черный* и *красный* цвета преобладают в произведении (*красный* — цвет кровопролития и пожаров). *Черный* — 22% от общего числа цветоупотреблений, *красный* — 15,5%. Но за жестокостью враждующих людей постоянно проглядывает тоска по дому, семье, по нормальной жизни, при изображении которых писатель использует *белые*, светлые тона (18% от общего числа цветообозначений).

Также М. А. Шолохов в своем романе употребляет колоративы в качестве тропов: эпитетов (общеязыковых *черные глаза*, народно-поэтических *белый свет* и индивидуально-авторских *малиновое облачко*), метафор (традиционных, например, *черное слово* и индивидуально-стилистических *черная гордость* — *горькая гордость*), сравнений (Шолохов в романе «Тихий Дон» преимущественно использует срав-

нительные конструкции с союзом *как*, например, *желтое, как цветок подсолнуха* (о солнце), за счет чего строки романа приобрели живописную яркость, а изображаемые писателем сцены стали зрительно осязаемы.

Таким образом, семантически цветообозначения представляют исключительно сложный разряд слов, способных обозначать большой круг материальных и переносно-идеальных признаков. Особенность использования колоративов в художественном произведении заключается в их двуплановости, когда в цветослове сочетаются конкретно-бытовые и образно-символические значения. В художественном тексте цветообозначения, особенно окказиональные, повышено эмоциональны, экспрессивны, кроме передачи цвета несут смысловую нагрузку и выполняют стилистические функции.

Решение вопроса о роли цветоупотреблений в языке и художественном произведении нужно связывать с опытом человека, его восприятием, сферой чувственного познания и оценочной деятельности, поэтому Шолохов использует цветослова прежде всего при описании человека (его внешности, эмоционального состояния). Например, колоративы одного и того же цвета могут в переносном значении выражать разное состояние. Радость: *гладко причесанные черные*

блестящие волосы, собранные в тяжелый узел, оттенили ее [Наталя] *радостно зарумянившееся* лицо [4, т. 2: 271]. Раздражение: *...один Степанов, румянея, раздраженно кричал: — Надо товарищу показывать, а не зубы скалить!* [4, т. 2: 213]. Ярость: *А мы обычно убивали их [красных командиров] в бою, ежели доводилось, но пленных без нужды не расстреливали!* — *багровяя, ответил Григорий* [4, т. 4: 114].

Исследование системы цветообозначений в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» важно не только для описания особенностей художественного текста и стиля писателя, но и для собственно лингвистического анализа, который является эффективным приемом изучения авторского своеобразия, позволяющего говорить о системе цветообозначений как источнике дальнейшего развития языка.

Литература

1. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975.
2. Словарь языка Михаила Шолохова / Авт., рук. проекта, гл. ред. Е. И. Диброва. М., 2005.
3. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М., 1984.
4. Шолохов М. А. Тихий Дон: В 4 т. М., 2001.

Семантические модификации ойконимов*

А. Ю. Рыженко

Волгоградский государственный университет

ryzhenko1984@mail.ru

Лексика, ономастика, ойконим, семантика

Summary. Various types of semantic modification in the place names are studied in the regional context, genuine classification of modifications is worked out.

1. Языковое моделирование в ономастике может находить выражение в создании моделей значения имени собственного и определении с их помощью специфики проприальных единиц. Моделирование семантики онима включает в себя рассмотрение трансформаций значения проприативов как синхронических проявлений его динамики. При всем внимании к явлениям онимизации, трансонимизации и деонимизации задача изучения семантических модификаций онимов, под которыми понимается трансформационные изменения семантической структуры слова, не разрушающие тождественность слова самому себе, сохраняет актуальность.

Тексты региональных СМИ, отражая многообразие названий населенных пунктов территории, являются важным источником языкового материала для исследования семантики ойконимов; в работе использовались тексты областного издания «Волгоградская правда» за 2003–2009 гг. (далее — ВП с указанием даты публикации).

2. В качестве исходной точки изучения рассматриваемых преобразований выступает ойконим, употребляющийся в прямом номинативном значении, отражающем его немодифицированную семантическую структуру, например: *В Камышине состоялся 12-й чемпионат города по культуризму и фитнесу* (ВП. 2009. 3 июня). Топоним *Камышин* обозначает уникальное предметное образование «поселение» как проявление сущности «географический объект»; задает его координаты; объект воспринимается недискретно, как нерасчлененная совокупность составляющих его частей. Таким образом, можно говорить об инвариантном виде семантики ойконима.

3. Условия функционирования ойконима в контексте способны корректировать семантическую структуру языковой единицы. В зависимости от механизма и результатов преобразований выделяются два типа модификаций: семное варьирование и коннотации. Семное варьирование определяется на основе понятия лексико-семантического варьирования единицы, то есть внутрисловных различий и языковых средств снятия асимметрии словесного знака [3: 31], и, в отличие от коннотации, затрагивает компоненты референтно-сигнификативной зоны семантики, приводя к изменению релевантности или содержания той или иной семы. С учетом указанного понимания типы семного варьирования, выделенные И. А. Стерниным [2: 106–121], можно свести к трем процессам: 1) контекстуальное усиление, или актуализация семы; 2) ослабление семы; 3) переосмысление семы — и с их помощью описать природу преобразований компонентов предметно-понятийной семантики ойконима при изменении его значения.

4. Сужение значения, например при переносе наименования на жителей населенного пункта: *Село Большие Чапурники просит убрать пост ГАИ за пределы поселка* (ВП. 2009. 9 июня), что подтверждается сочетанием с глаголом *просит*, приводит к тому, что ойконим, при сохранении указания на поселение, используется в первую очередь для обозначения совокупности его жителей; недискретность восприятия поселения теряет абсолютный характер; техногенность происхождения референта становится менее релевантной, чем в прямом номинативном значении; появляется смысловой акцент на предметность референта, поскольку меняется объект обозначения. Таким образом, происходит переосмысление сем «тип референта», «характер восприятия референта», ослабление семы «характер происхождения референта» и усиление семы «предметность». Подобные процессы протекают при переносе значения на орган управления или другой компонент поселения.

5. Расширение значения ойконима при употреблении в текстах региональных СМИ наблюдается в случае номинации территории, центром которой является соответствующий населенный пункт, например: *К Гумраку отошел еще ряд населенных пунктов* (ВП. 2004. 6 окт). Содержание высказывания препятствует восприятию онима только как названия поселения, поскольку статус поселка как небольшого населенного пункта не предполагает включение в его состав более мелких поселений или присоединение новых населенных пунктов; появляется указание на территориально-административную единицу, включающую несколько селений, центром которой является *Гумрак*. В данном высказывании наблюдается усиление сем «предметность», ослабление семы «характер происхождения референта» и переосмысление семы «тип референта», связанное с расширением его объема.

6. Второй блок семантических модификаций ойконимов связан с преобразованиями, не влияющими на семный набор, и обозначается как коннотация, в соответствии с широким пониманием этого термина [2: 236]. что позволяет рассматривать в рамках данного феномена не только речевые ассоциации, но и историко-культурный компонент, напри-

* Исследование проводится в рамках гранта РФФИ № 09-06-90401 Укр_ф.а.

мер: *Станица Трехостровская, расположенная на крутом берегу Дона, помнит страшные бои* (ВП. 2003. 5 авг.). В приведенном предложении, кроме контаминации прямого номинативного значения и значения 'жители населенного пункта', репрезентируемой посредством сочетания ойконима и глагола состояния *помнить*, происходит наложение исторических коннотаций, связанных с событиями Великой Отечественной войны, установить которые позволяют употребление оногома в одном контексте со словосочетанием *страшные бои* и фоновые знания носителей топонимической системы.

Ассоциации способны дополнять значение ойконима как собственно ассоциативными компонентами, так и — через реализацию эпидигматических связей — эмоционально-ассоциативными компонентами, например: *Хутор Благодатный (от Божьей Благодати) в устах населяющих его остатков аборигенов превратился в нелепую Благодатку* (ВП. 2004. 16 июня). Внутренняя форма названия *Благо-*

датный служит основанием для реконструкции этимологии топонима, активизируя соответствующую ассоциацию; ойконим *Благодатка*, образованный от той же мотивирующей основы, в сочетании с формантом *-к-* в его уменьшительном значении вызывает, помимо этих ассоциаций, также негативную эмоциональную реакцию, что выражается в сочетании с прилагательным *нелепый*.

7. Итак, семантические модификации ойконимов представляют собой проявление асимметрии языкового знака, не приводящее к формированию нового слова, и включают в себя процессы семного варьирования, наблюдаемые при сужении и расширении значения, и коннотации.

Литература

1. Стернин И. А. Лексическое значение слова. Воронеж, 1985.
2. Телия В. Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 236.
3. Уфимцева А. А. Лексическое значение. М., 1986.

К вопросу о современной экономической терминологии

С. В. Самойлова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ssw1986@mail.ru

Лексика, терминология, термин, терминосистема

Summary. After the collapse of the Soviet Union, in the past 20 years, the Russian Economy has progressed from planning to marketing. This progress has greatly influenced and is reflected in the Russian language. In the given work we consider the modern terminological lexicon used in economic sphere.

Русская экономическая лексика, имеющая давние традиции, претерпела за последние двадцать лет существенные семантические и лексические трансформации, в ней появилось много новых терминов и понятий, в корне изменились внутренние системные отношения между отдельными уже существующими терминами и понятиями.

Изучение новых слов находится в кругу важнейших вопросов современной лингвистики, поскольку исследование состава новообразований, их структурных особенностей, функционального предназначения способствует решению многих проблем лексикологии, словообразования, грамматики, стилистики.

Вопрос об отнесении конкретного слова к сфере именно экономической терминологии, а не к какой-либо иной смежной области, решается нами в зависимости от контекста. Употребление термина в одном ряду с другими экономическими терминами в экономическом тексте является достаточным основанием для того, чтобы считать данное слово термином экономической сферы.

Экономические термины, относящиеся (как и любые термины) к наиболее информативным единицам языка на уровне слова, имеющие специальную коммуникативную значимость и способствующие обогащению информационной картины мира, являются ядром лексикона современного экономического дискурса.

Терминосфера экономики довольно обширна и разнообразна. Она помимо базовых терминов макроэкономики содержит термины таких соприкасающихся с экономикой научно-практических направлений, как менеджмент, маркетинг, финансы, статистика, бухгалтерский учет и др.

Исходя из терминоведческого подхода к терминосистеме, позволяющего выявить ее состав и структуру и способы воплощения этой структуры в совокупность языковых единиц, в экономической терминосистеме можно выделить следующие группы единиц:

Основные (базовые) термины, обозначающие главные понятия экономики и представляющие собой ядро экономической терминосистемы, почему их и называют еще ядер-

ными терминами или терминами-доминантами. Базовыми понятиями современной экономики являются слова «рынок», «деньги» и др.

Производные термины, содержанием которых являются производные понятия данной системы понятий; производные термины обозначают видовые или аспектные понятия, сопоставляемые с основными понятиями. Так, производными от термина *рынок* являются термины *фондовый рынок*, *рынок ценных бумаг*, *антикварный рынок*, *потребительский рынок*, *рынок переводов* и др.

Сложные термины, обозначающие сложные понятия, которые представляют собой арифметическую сумму по крайней мере двух основных или производных понятий данной терминосистемы.

Привлеченные термины, которые заимствуются из смежных областей знания, но представляют собой неотъемлемую часть терминосистемы. Например, в терминосистеме экономики таковыми являются термины финансового дела *инфляция*, *банкротство*, *прибыль* и др.:

Общенаучные и общетехнические термины, термины типа *закон*, *система*, *принцип*, *машина*, которые, как правило, обозначают общенаучные понятия, имеют одинаковую семантику во всех областях знания, но конкретизируют эту семантику, входя в состав терминов отдельных областей: *закон спроса и предложения*, *принцип верификации* и др.

Термины широкой семантики — лексические единицы (слова), которые используются во многих терминосистемах. Однако, если общенаучные (общетехнические) термины имеют в любой терминосистеме одну и ту же семантику, которая только конкретизируется, то данные лексические единицы меняют свою семантику, входя в каждую из терминосистем, сохраняя лишь самое общее, нетерминологическое значение.

Анализ языка экономики как реальной сферы функционирования языковой системы позволяет проследить определенные тенденции в сфере общественного сознания, выявить характеристики и закономерности экономической коммуникации.

Фитонимы в памятнике XVI в. «Назирателе»

Е. В. Сердюкова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

e-mail: serd@aaanet.ru

Лексика, памятник XVI в., история русского языка, фитонимы

Summary. The paper dwells on the semantics and use of plant names in the Russian language of the 16th century.

Памятник XVI в. «Назиратель» является первым на Руси подробным руководством по земледелию, огородничеству и

садоводству и дает представление о мире растений, который был известен русскому человеку. В памятнике богато пред-

ставлена лексика русского языка XVI в. Для анализа нами были отобраны фитонимы, обозначающие названия деревьев и некоторых кустарников. В тексте памятника встречаются названия лиственных и хвойных деревьев: *береза, берестовое дерево* 'карагач', *бук, верба, вольха, вяз, дуб, едлина, ива, кедровое древо, кипарис, липа, осина, сосна, тополя, явор, ясень*. Большинство слов имеет общеславянский или индоевропейский корень, заимствованиями из греческого языка являются слова *кедр* и *кипарис*. Слово *едлина* в данном тексте также можно отнести к заимствованиям из польского языка, но подобное явление легко объяснимо: текст «Назирателя» восходит через польское посредство к латинскому произведению Петра Кресценция (около 1300 г.). Слово *тополя* (ж. р.) встречается не только в данном памятнике, форма ж. р. зафиксирована в Словнике староукраїнської мови XIV–XV ст., в Южных отканных книгах XVII в., в КДРС. Колебания в выборе рода для слова *тополь* отразились в современных восточнославянских языках. Форма *вольха* широко распространена в современных русских народных говорах. Многие из этих названий встретились в «Назирателе» только по одному разу.

Более интересные языковые факты встречаются в тех разделах, где даются советы по возделыванию огорода, сада, виноградников. Лексика, связанная с названиями винограда и его плодов, а также самого виноградника представляет особый интерес в данном памятнике. В нем употребляются слова *вино, виноград, лоза*. Слово *вино* встречается как в значении 'вино (напиток)', так и в значении 'виноград (растение)': «такое ж и оные которые долго или добрь высоко растут. какъ то вино тыквы. калины трость» [2: 210]; «вина в' воду к питию примѣшивати, есть вещь зело полезная» [2: 136]. Слово *виноградъ* употреблено в двух значениях: 'виноградник', 'виноград'; «наипаче ж в' масличномъ дереве и в' виноградѣхъ. сирѣчь в' масле и в' винѣ» [2: 440–441]; «а что идетъ о виноградехъ. или о огородахъ и садехъ прививошныхъ. о томъ будетъ наука пониже» [2: 336]. Кроме того, в данном тексте очень часто встречаются лексические варианты *лоза виноградная (винная)* или *матица*. В старопольском языке XVI в. [3, т. 5: 239] *matca winna* 'привитые виноградные лозы'. *Лозы виноградные* являются синонимом к слову *виноградъ*: «при заборѣ подобает насадити, лоз или матиць виноградныхъ. или каковаго нибудь древа прохладнаго гдѣ винограда не родится» [2: 168]; «виноградная матица или лоза» [2: 220]; «еще ж бы кто привиль или в' шепиль виноградную матицу или лозу въ сливу и в' черешню. или въ грушевое древо. тогда оные виноградные ягоды будут поспѣвати...» [2: 249] и т. п. Во введении к «Назирателю», написанном В. С. Гольшенко [2: 48–49], указывается, что лингвистический анализ таких параллелей как *винная матица* или *лоза* даст материал для решения вопроса о происхождении переводчика или писца, что, в свою очередь, поможет пролить свет на историю текста «Назирателя». Распространение слова *лоза* и его производных в старо-

славянском, болгарском, сербохорватском языках дает основание предполагать, что для этого слова 'виноградная' семантика распространена в южнославянских языках и пограничных им говорах, у восточных славян — юго-западные территории. На остальной территории восточные славяне чаще употребляли это слово в значении 'ива', что нашло отражение в памятниках письменности и диалектах.

В значении 'виноград' в «Назирателе» встретилось также слово *изюмъ*. А. Жаримбетов [1: 47] считает, что это слово заимствовано не позже XVI в. без указания на точную дату. «В качестве непосредственного источника заимствования русск. изюм предпочтительнее указать на крым.-тат. ввиду исторических причин» [1: 109]. В тюркских языках слово *изюм* употребляется не в значении 'сушеный виноград', как в русском языке, а в значении 'виноград вообще'. Происходит сужение значения слова, так как русские покупали виноград в Крыму только в сушеном виде, полагая при этом, что *изюм* — это 'сушеный виноград'. В памятниках письменности слово *изюмъ* употреблялось как в значении 'сушеный виноград', так и в значении 'виноград (ягоды)'. В «Назирателе»: «смокви изюмы, и иные овощи блгоуханье болши по горамъ родятся» [2: 346]. О том, что слово *изюмъ* употреблялось в значении 'виноград (растение)' свидетельствуют и данные русских народных говоров. В СРНГ (вып. 12, с. 179) указано, что *изюм* в фольклоре часто употребляется в сочетании *изюм-ягода, изюм-виноград*.

Анализ даже небольшой группы фитонимом, встречающихся в этом памятнике, показал, что в русском языке названия лиственных и хвойных деревьев представляют собой устойчивый пласт лексики, имеющий общеславянское или индоевропейское происхождение, заимствования, встречающиеся в этой группе, также имеют общеславянский характер. Употребление польских заимствований объяснимо тем, что при переводе некоторые польские названия оставались без изменения. Слово *едлина* при наличии русского *елина* было понятно и поэтому сохранено в тексте перевода. Слова *вино, виноградъ, лоза* с 'виноградной' семантикой были известны во многих славянских языках и употреблялись в памятниках церковнославянского и древнерусского языков, лексические варианты *лоза виноградная (винная)* или *матица* в тексте употребляются как синонимы, польское слово поясняется в самом тексте «Назирателя» и носит скорее терминологический характер. Более подробный анализ всех названий растений из данного памятника позволит довольно полно представить растительный мир русского человека в XVI в.

Литература

1. Жаримбетов А. Тюркские лексические элементы в русской номенклатуре растений: Исследование и историко-этимологический словарь. Нукус, 1980.
2. Назиратель. XVI в. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1973.
3. Słowski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–V. Kraków, 1952–1977.

История развития терминологии финансового права в русском языке XVIII–XIX веков

Н. В. Смирнова

Мурманский государственный педагогический университет

kafirus@yandex.ru, irkarmazina@gmail.com

История развития терминологии финансового права

Summary. The author of the paper exposes the problems of the forming of financial terminology in the Russian language in XVIII–XIX centuries, investigates the issues of borrowings, adaptation and semantization of the terms.

Реформы Петра I в XVIII веке и кардинальные изменения после реформ II половины XIX века дали толчок к развитию в государственном, административном, общественном устройстве России, что привело к формированию гражданского, административного права сначала в крепостнической России, затем в стране, ставшей на путь капитализма. Постепенно на основе новых гражданских отношений формируется и выделяется в особую отрасль финансовое право. На первоначальном этапе, в начале XVIII века, в связи с недостатком в русском языке нужных номинаций для выражения и обозначения новых понятий (*адвиз, адрес, аккорд, банк, банкрот, кредит* и других) в страну хлынул поток заим-

ствований. Приходили они с иностранными деловыми бумагами, письмами, договорами, финансовыми поручениями непосредственно из языка-донора, а иногда было заметно юго-западное влияние, колонизация, поскольку украинский, белорусский, иногда польский, чешский или болгарский становились языками-посредниками между языками романогерманской группы и языком-реципиентом — русским.

К лексическим новациям XVIII века относится термин *банк*, пришедший в русский язык от немецкого *Bank*. Впервые [3] фиксирует его 1708 годом, с указанием на то, что уже в XVIII веке уходит форма женского рода *банка* [3, т. I: 137]. Банк — 'учреждение, выдающее ссуды под залог недви-

жимого имущества, ценностей, товаров'. Первоисточником интернационализма считается итальянское *banco* — 'стол менялы'. Семантическая адаптация на русской почве вела к усложнению семантической структуры термина: слово банк приобрело новые значения — 'учреждение, занимающееся приемом монеты и обменом ее на векселя, ассигнации, банковские билеты', а также 'деньги, состояние, капитал'.

Слово *банкир* (варианты *банкѣр, банкиер, банкер*) — 'финансист, занимающийся обменом, переводом денег и другими финансовыми операциями' зафиксирован в документах с 1705 года. Как и слово *банк*, термин *банкир* восходит к итальянскому *banchiere*, производному от *banco*. По этимологическим данным слово *банкир* пришло в русский язык через французское *banquier* или немецкое *Bankier* в Петровскую эпоху [4, вып. 2: 34–35]. Активизируясь в русском языке, термин *банкир* функционировал параллельно с русскими *векселедавец* и *ростовщик*, которые тоже занимались финансовыми сделками. Таким образом, на первых порах внедрения лексемы в язык-реципиент наблюдалась дублетность, которая в процессе функционирования термина устранилась.

Современный термин *ипотека* фиксируется впервые в русском языке в 1718 году [3, т. V: 116]. Восходя к греческим истокам, лексема на этапе адаптации имеет варианты (*гепотека, гипотека*). История термина *инвестиция* такова, что, в русском языке в форме *инвеститура* (1708), имея другое значение — 'пожалование поместьем', а также 'документ, подтверждающий это' [3, т. IX: 91]. В собрании законов Российской империи находим: «Постановлено, что помянутые Цари, вступая наследственно на Царство их, имѣют тотчас извѣщать о том, испрашивая чрез посланников своих Импраторскаго на Царствѣ подтверждения с *инвеститурою*, состоящего в грамотѣ, знамени... в саблѣ» [1, XXI: 1015]. Внедрение термина в русский язык шло трудно: к XIX веку изменилась форма слова, оно стало звучать привычно: *инвестиция*, изменилось и значение: сейчас это — 'долгосрочное вложение государственного или частного капитала' [2: 155].

Многие современные финансовые термины заимствованы в этот период: *инвестор, кредитор, бюджет, дебет, аудитор, кризис* и другие.

Таким образом, наблюдая за развитием финансовой терминологии в России XVIII–XIX вв. следует отметить:

- большое количество терминов финансового права России XVIII–XIX веков являются заимствованиями: *кризис, кредит, аккредитив, инфляция, инвестиция, аудитор* и другие;
- часть терминов, пришедшая в русский язык XVIII века активно функционирует и в наши дни, утратив некоторые формы: *кризис (криза), ипотека (гипотека, гепотека), аудитор (авдитор), инвестиция (инвеститура)* и другие;
- часть терминов вошла в русское финансовое правовое поле после реформы 1861 года, когда в России стал развиваться капитализм: *инфляция, алименты*;
- с помощью морфологических средств русского языка ряд терминов создает новые терминологические единицы: *кризис — кризисный, инфляция — инфляционный, банкрот — банкротство* и другие;
- развитие финансовой терминологии наблюдается в развитии стилового употребления лексем (например, *бюджетник* становится общеупотребительным словом, теряя жаргонную окраску).

Финансовая терминология в русском языке XVIII–XIX веков складывалась на основе части лексем, пришедших из прежних эпох развития русского языка и выражавших финансовые номинации (*рубль, ефимок, копейка*), большого количества заимствований (*акциз, банкротство, инфляционный*). Эпохи активного заимствования сменялись периодами пуристического отношения к заимствованиям.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
2. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь / Под общей ред. проф. Б. А. Райзберга. 6-е изд., перер. и доп. М., 2008.
3. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–17. Л.–СПб., 1985–2007.
4. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. Вып. 1–10. М., 1973–2007.

К вопросу о периодизации русской урбанонимии

А. Н. Соловьев

ФГОУ ВПО «Смоленская государственная сельскохозяйственная академия»

sancongoalexnat@mail.ru

Урбанонимия, периодизация, ономастика, номинация, языковая картина мира

Summary. The paper is devoted to the exploration of the history of Russian urbanonymia. Here is the attempt to make a division into periods of Russian urbanonymia, beginning from occurrence of cities before revolution of 1917. Allocation of 5 periods is connected with social and language changes. For each stage of development the most special features are marked, such as the features of a nomination, structure of urbanonyms and their significance for the structure of the language image of the world.

Урбанонимия — это совокупность названий внутригородских объектов, которые используются горожанами в качестве ориентиров. На разных стадиях развития общества для городских поселений актуализируются различные типы объектов: улицы в современных городах, станции метро в мегаполисах, названия храмов и монастырей в средневековом городе. Урбанонимия эволюционирует, и, чтобы проследить ее динамику, следует выделить хронологические срезы.

Урбанонимы появляются одновременно с зарождением городского поселения. Ориентировочно можно говорить о том, что уже в XI в. в крупных городах Киевской Руси существовало урбанонимически обжитое пространство. Многие онимы из этого пространства могли заимствоваться в другой город (урбаноним *Подол* в Киеве, Смоленск и др.). Завершается период приблизительно в конце XVI в., что связано с изменениями в структуре городов. Основными чертами урбанонимии в средневековье являются: относительно небольшое число линейных объектов (улиц); именование городских районов как следствие кучевой планировки и кончаского деления городов (*Подол, Гора*); употребление в качестве урбанонимов еклизионимов как отражение религиозной картины мира; использование в качестве внутригородских ориентиров наиболее значимых деталей рельефа и гидрообъектов. Семантически урбанонимы этого периода можно отнести к сферам «сакральное» и «простран-

ство». Урбанонимы пространства либо восходят к микротопонимическим моделям (*За лесом — Залесье*), либо образованы от топонимов (*Киевская улица, Ордынка*), причем преобладающей была географическая мотивация в номинации. Урбанонимы «сакрального» своему происхождению обязаны многочисленным храмам и монастырям. Первоначально это были названия точечных объектов (*Авраамиевский монастырь*), которые затем перешли на линейные (*Авраамиевская улица*). Структурно урбанонимы принадлежат к номинативному и атрибутивному типам.

Второй период (конец XVI–XVII вв) связан с появлением Русского централизованного государства. В это время строятся засечные черты с укрепленными крепостями, вокруг которых образовывались городские поселения. Стандартной планировкой города становится радиально-лучевая. С одной стороны, в этот период продолжают существовать тенденции предыдущего: используются для ориентации в городском пространстве церкви и монастыри; значимы особенности городского рельефа. К новым явлениям относится постепенное увеличение количества линейных объектов (улиц, трактов). Расширяется количество внутригородских микрообъектов, использующихся для ориентации в пространстве (пристани, мосты, рынки). Важными элементами в урбанонимии становятся наименования дворов по их владельцам. Впоследствии данные именованья трансформируются в семантиче-

ский первопоселенческий тип. Впервые в урбанонимическую систему проникают онимы, связанные с секуляризованной человеческой личностью (ранее для номинации использовались лишь имена святых). Изменяется социальная структура городов, растет доля ремесленников и других категорий служилого населения. В урбанонимии это отражается в появлении слобод, именованная которых связаны с профессиональным или социальным статусом их жителей (*Ямская слобода*). С точки зрения структуры активно используются атрибутивные модели, появляются генитивные.

Относительно небольшим по времени, но важным по сути изменений является период, связанный с петровскими реформами. Для него характерно начало строительства городов по регулярным планам европейского образца. Появляются новые урбанонимные термины, часто заимствованные: проспект, линия, сквер. Заимствования проникают и в состав урбанонимов (*Кухмистерская улица*). Особенно ярко нововведения проявлялись в новых, только что построенных городах (*Санкт-Петербург, Кронштадт*). Впервые можно говорить об официальной урбанонимии. В других поселениях изменения коснулись структуры названий, увеличилась доля генитивных наименований, впервые появляются нумеративные модели.

Следующий период охватывает 70-е гг. XVIII в. — 70-е гг. XIX в. Его начало связано с екатерининской губернской реформой 1775 г. Более 200 поселений получили статус городов, и значительный пласт внутрисельских наименований стал урбанонимами. Каждый город в соответствии со статусом (губернский, уездный, заштатный) получает систему управления. Упорядочиваются внутригородское деление (на части и кварталы) и номинация онимов, которая передается полностью в ведение властей. Уже существующие названия регистрируются, новые образуются по имеющимся семантическим и структурным моделям. Например, онимы, восходящие к наименованиям профессий, больше не несут информацию о занятии живущих в данной части города,

а являются своеобразными символическими посвящениями. На микроуровне этому периоду свойственно обозначение домов по их владельцам как элементов адреса и важных локализаторов городского пространства. На протяжении всего периода растет количество названий, связанных с антропонимами, причем снижается доля поселенческих улиц.

Следующий период связан с социально-экономическими и культурными изменениями, происходившими в русских городах в конце XIX — начале XX вв (рост населения, появление крупных предприятий, системы общественного транспорта). Новые объекты становятся и городскими ориентирами (вокзал, станция конки, стадион). Обязательной становится нумерация домов. В семантическом плане весьма продуктивной моделью становится образование мемориальных онимов в честь значимых для города и государства лиц. Первоначально улицы назывались в честь государственных и военных деятелей (*Александр II, Суворов*), затем круг лиц расширяется, появляются названия в честь ученых, деятелей культуры. Позже это явление станет массовым в советской урбанонимии. Структурно подобные названия относятся к атрибутивным (*Скобелевская улица*) и генитивным (*улица Суворова*), причем доля генитивных увеличивается. Возвращаются в урбанонимию названия, связанные со временем. Но если раньше это были онимы, связанные с религиозными праздниками (*Воздвиженская, Воскресенская улицы*), то теперь время десакрализуется и образуются названия от времен года, месяцев и отдельных дат. Помимо уже упоминавшихся атрибутивного, генитивного и нумеративного типов, появляются сложные структуры: атрибутивно-адъективные, нумеративно-атрибутивные, нумеративно-генитивные, нумеративно-числовые.

В дальнейшем в истории русской урбанонимии можно выделить советский и постсоветский периоды, с резкими отличиями на семантическом уровне, но сохранившие основные структурно-грамматические типы онимов предшествующих эпох.

Типы возрастных изменений ассоциативного поля (на материале вербальных реакций испытуемых 7–55 лет)

Е. В. Старостина

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

sev79@list.ru

Вербальные ассоциации, ассоциативное поле, языковое сознание

Summary. The study deals with the types of the age changes of the associative field according to the Associative dictionary of schoolchildren of Saratov and Saratov region and according to the free associative experiments. Six types of the age changes of the associative field are distinguished and described.

Настоящее исследование посвящено изучению возрастных типов динамики ассоциативного поля и содержит попытку ответить на вопрос, как именно меняется структура ассоциативного поля в связи с переходом испытуемых в другую возрастную группу. В работе сопоставляются ассоциативные поля испытуемых шести возрастных групп: школьников 1–4 классов, 5–8 классов и 9–11 классов, взрослых 17–20 лет, 21–30 лет и 31–55 лет. Количество испытуемых в каждой возрастной группе составляет от 50 до 500 человек (в среднем 100–200 испытуемых). Материалом исследования послужили Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области (АСШС) в электронной версии, содержащей 13206 анкет, 401124 реакции на 1095 стимулов; электронная база ассоциаций, в которой собраны результаты свободных ассоциативных экспериментов с носителями русского языка обоого пола, разного уровня образования и профессиональной принадлежности старше 17 лет (на сегодняшний день объем базы составляет 905 анкет, 43402 реакции на 100 стимулов).

Изучение возрастной динамики ассоциативных полей на материале АСШС проводилось В. Е. Гольдиным [1]; [2] и исследователь предложил выделять четыре динамические последовательности, рассматриваемые в качестве эталонных: «тип стандартизации», «тип усложнения», «тип вхождения в лексикон» и «тип периферийного развития».

В настоящей работе исследованию подверглись 100 ассоциативных полей, стимулами являлись слова разных частей

речи и разной стилистической принадлежности. В результате исследования мы пришли к выводам, что в нашем материале выделяется, по крайней мере, шесть типов возрастных изменений структуры ассоциативного поля. Изучение ассоциаций взрослых носителей языка позволяет добавить к выделенным В. Е. Гольдиным четырем типам еще два — «тип снижения уровня стереотипности» и «тип устойчивости поля». При группировке полей и выделении типов их динамики мы учитывали следующие признаки: качество «главных ассоциатов поля», то есть реакций, имеющих частоту более 5%, и качество первой, наиболее частотной реакции; доля этих ассоциатов по отношению к общему числу реакций, то есть стандартность поля; соотношение показателей стандартности «детского» и «взрослого» поля; доля первой, самой частотной реакции по отношению к общему числу реакций; доля отказов от реагирования («нулевых» реакций).

«Тип стандартизации» характеризуется качественным совпадением первых реакций практически у всех групп испытуемых, тенденцией к росту доли первой реакции и общей стандартности поля, уменьшением доли «нулевых» реакций. Стандартность «взрослого» поля при этом обычно выше, чем стандартность «детского» поля. По этому типу изменяются реакции на стимулы, которые имеют достаточно простое лексическое значение, хорошо знакомое уже младшим школьникам; соотносятся с несложной денотативной ситуацией, и отношение к этой ситуации, стоящей за стимулом, мало меняется на протяжении всей жизни чело-

века; стимулы, которые имеют устойчивую лексическую сочетаемость (например, *детский, каникулы, литература, пить, прогулка, шутка*).

«Тип усложнения» характеризуется изменением качества первой реакции у испытуемых разных возрастных групп, уменьшением доли этой реакции, увеличением количества «главных ассоциатов». Доля «нулевых» реакций изначально невелика и мало меняется. В данном типе выделяются три подтипа — первый характеризуется увеличением стандартности поля (стандартность «взрослого» поля выше), второй — снижением уровня стандартности (стандартность «взрослого» поля ниже), в третьем стандартность полей практически одинакова. По этому типу изменяются реакции на стимулы, обозначающие те социальные понятия, отношение к которым меняется с возрастом человека (например, *ребенок, армия, мальчик, солдат, ученик, правительство, родители, старый*).

«Тип вхождения в лексикон» характеризуется высокой долей «нулевых» реакций у младших и средних школьников (она занимает первое место), «главными ассоциатами» у младших школьников зачастую являются фонетические или формальные реакции. В дальнейшем доля «нулевых» реакций заметно снижается и у испытуемых старшего возраста первое место занимает смысловая реакция, доля этой реакции обнаруживает тенденцию к росту. Рассматриваемый тип также делится на два подтипа: в первом качество первой смысловой реакции не меняется, во втором происходит качественное изменение первой смысловой реакции. По данному типу изменяются реакции на слова-стимулы, значения которых еще плохо освоены школьниками младшего возраста, но осваиваются уже в средней или старшей школе (например, *государство, деньги, скупой, умолять, старец, институт*).

«Тип периферийного развития» характеризуется тем, что «нулевые» реакции занимают первое место в реакциях всех

групп школьников. У взрослых количество «нулевых» ответов снижается, на первое место выходит смысловая реакция, однако «нулевая» реакция может оставаться достаточно частотной. С возрастом количество главных ассоциатов и их доля по отношению к общему числу реакций увеличивается, общая стандартность поля постепенно возрастает. По этому типу изменяются реакции на стимулы, относящиеся в основном к абстрактной лексике (например, *скорбь, долго, измена*).

«Тип снижения уровня стереотипности» характеризуется уменьшением стандартности реакций и увеличением их разнообразия при сохранении качественного совпадения реакций первых рангов. Общая стандартность поля с возрастом уменьшается, ассоциативное поле детей более стандартно, чем поле взрослых. По этому типу изменяются реакции на стимулы, хорошо знакомые уже младшим школьникам, с возрастом представление о явлениях, стоящих за этими стимулами, становится менее стандартным (например, *горod, деревня, девушка, жена, плохо, хорошо*).

«Тип устойчивости поля» характеризуется практически полным отсутствием каких-либо изменений: реакции на данные стимулы практически не меняются ни качественно, ни количественно, стандартность ассоциативного поля всех групп испытуемых остается примерно одинаковой (например, *родина, Россия, народ, школа*).

Литература

1. Гольдин В. Е. К типологии возрастной динамики ассоциативных полей // Язык. Сознание. Культура. М.; Калуга, 2005. С. 172–181.
2. Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Динамика языкового сознания современной молодежи по данным «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области» // Известия Саратовского университета. 2007. Т. 7. Сер. «Филология, журналистика». Вып. 1. С. 24–30.

Закономерности функционирования личных имен во вторичной номинации

Ф. В. Степанова

Лесосибирский педагогический институт — филиал Сибирского федерального университета (Красноярск)

stepfaina@jandex.ru

Личные имена, вторичная номинация

Summary. The aim of this research is to reveal the principles of correlation of precedential content of key female names.

Как известно, номинативная деятельность, связанная с практическим овладением, познанием и отражением объективного и субъективного мира человека, не исчерпывается ни простым воспроизведением уже готовых наименований, ни созданием новых имен. В поисках адекватных средств отражения познаваемых сторон деятельности человек постоянно приспособляет значения существующих лексических единиц к новым образам. Возникновение у слов дополнительных номинативных функций обусловлено самой природой языка — невозможностью бесконечного количества роста единиц с новым планом выражения. Однако, отмечая экономичность вторичных номинативных единиц, ученые неизменно подчеркивают, что вторичная номинация, прежде всего, ориентирована на коммуникацию. Именно в процессе общения заложены не только возможность, но и естественные условия для использования готовых имен в новой для них номинативной функции: «Язык не был бы „действительным сознанием“, если бы его строительный материал — слова и синтаксические модели — не способны были бы выражать вновь познаваемое в мире и человеку» [1: 118].

Постижение закономерностей функционирования единиц вторичной номинации предполагает, как известно, выявление общих принципов релятивного, т. е. опосредованного отображения действительности. В специальной литературе, посвященной данной проблеме, указывается, что простейший акт вторичной номинации основывается на сопоставлении двух предметов, которое возникает окказионально в речи. При этом не прямое отображение предмета проявляется в том, что оно опосредуется предшествующим значением номинативной единицы, те или иные компоненты которого включаются в ее новое семантическое содержание. Семантические составляющие, восходящие к первоначальному

объекту обозначения, выполняют в семантической структуре переосмысленного слова роль его внутренней формы. Поэтому вторичное наименование всегда оказывается мотивированным его предшествующим значением, что в итоге создает эффект переосмысления слова

Использование человеческих имен во вторичных функциях представляет собой один из способов субъективизации языка, поскольку выбор имен для их использования во вторичных функциях в значительной степени определяется факторами как лингвистического, так и экстралингвистического характера: личным опытом испытуемого, знанием культуры народа во всем ее многообразии — знанием исторических фактов, художественных текстов, устного народного творчества, этимологии самого имени.

Употребление собственных имен, прежде всего антропонимов, в качестве вторичных номинативных единиц с закрепленным за ними определенным значением — явление, весьма характерное для разговорной речи, особенно для диалектной традиции.

В русских народных говорах обнаруживается достаточно многочисленная группа вторичных номинативных единиц, образованных от личных имен, принадлежащих весьма значимым в контексте христианской и славянской традиции персонажам и locusам.

Анализируемые антропонимы в народной и диалектной традиции отличаются значительной разнородностью и разнообразием его составляющих; эти качества можно констатировать, оценивая любой из основных параметров номинативных единиц. Так, для них характерны:

- разнообразие структурных номинативных моделей, которые представлены адъективными производными (*марьян корень, анютины глазки, акюткина трава*), суффиксальными субстантивами (типа *авдотник, марьянник, мат-*

решки, татьянка); глагольными дериватами (*марухниться* «гулять с парнем или девушкой»; *марьяжить* «крутить любовь, присваиваться»; *марфитесь* «уподобиться женщине, всецело поглощенной хозяйством»; *акулить* (*абакулить*) «обманывать, плутовать, сплетничать», *варварить* «кутить, пить, буяннить»);

– широкое распространение отантропонимических номинаций в другие тематические сферы (растения, животные, птицы и др.);

– разнообразие линий семантической деривации, обширные парадигмы значений некоторых имен (*Апракса* 1. Развратница; бездельница; 2. Тихий, спокойный, учтивый; 3. Беззубый, лохматый; 4. Бахвал, хвастунишка);

– включение в состав устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок (*Варвара мне тетка, а правда — сестра; За чем к Варваре, когда есть свое в кармане*).

Перечисленные особенности свидетельствуют о широкой включенности ряда антропонимов в языковой узус. С одной стороны, это выражается в большей освоенности данных личных имен языковой системой; налицо процессы формально-семантической деривации, ведущие к полной деонимизации.

С другой стороны, следует констатировать поливариантность экспликаций, стоящих за именами сигнификативных комплексов, которые у разных личных имен имеют разную структуру. При этом образы могут «высвечиваться» с нескольких сторон, характеризую внешние и внутренние характеристики, атрибуты, действия субъекта и т. п. Представляется, что особую роль данный уровень может сыграть в решении проблем, связанных с определением направлен-

ности происходившего в народной среде отбора элементов усваиваемой христианской традиции и с выявлением в структуре образов доминантных, приобретших особую актуальность черт. При бытовании на номинативном уровне культурный текст подвергается максимальному сворачиванию; условием же сохранения мифологического компонента в таких неблагоприятных обстоятельствах должен быть, вероятно, доминантный статус этого компонента в контексте традиции в целом.

Таким образом, фиксируемые в русских народных говорах номинации, которые произошли от принадлежащих русской народно-христианской традиции личных имен, — это особый уровень экспликации определенных фрагментов народной картины мира. Специфика его заключается, прежде всего, в том, что именно данный уровень может быть особо показателен в плане закономерностей, характеризующих отношения «язык — миф», поскольку, как считает Б. А. Успенский, «...миф и имя непосредственно связаны по своей природе» и «в известном смысле взаимоопределяемы, миф — персонален (номинационален), имя — мифологично» [2: 437–438]. Выявление специфики этого уровня позволит выявить принципы корреляции прецедентного содержания имен — культурных знаков и тех языковых моделей и структур, с помощью которых оно выражается.

Литература

1. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981.
2. Успенский Б. А., Лотман Ю. М. Миф — имя — культура // Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории и семиотика культуры. Т. 1. М., 1996.

Базовые компоненты семантики пропажи, исчезновения (на материале русского литературного языка и говоров)

Л. А. Феоктистова

Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург)

fasmer@yandex.ru

Лексическая семантика, мотивация, ономастология, диалектная лексикология

Summary. The paper gives an outline of the results yielded by an investigation into semantics and motivation of verbal lexis and phraseology with the general meaning of ‘loss, disappearance’ in both the Russian literary language and the Russian dialects. It is suggested to introduce a notion of ‘basic sense component’ for systematization of the elicited motivational models, models of nomination and their correlation with derived meaning. Criteria for introducing this notion are discussed.

В докладе обобщаются некоторые результаты исследования семантики и мотивации глагольной лексики и фразеологии русского литературного языка и говоров, репрезентирующей спектр значений литер. *исчезать*, *пропадать* и их видовых коррелятов: ‘переставать существовать; утрачиваться’; ‘становиться невидимым, незаметным; скрываться, пропадать’; ‘переставать слышаться, ощущаться, чувствоваться’; ‘быстро или незаметно уходить, улетать, удаляться’; ‘теряться, не обнаруживаться (вследствие кражи, небрежности)’. Для систематизации выявленных мотивационных моделей, моделей номинации и соотнесения их с производным значением предлагается ввести понятие базового смыслового компонента, обсуждаются критерии его выделения и далее под выбранным углом зрения рассматриваются модели языковой концептуализации идеи прекращения существования или пребывания где-либо (приведенные выше значения могут быть сведены к двум — ‘переставать существовать’ и ‘переставать находиться где-л.’) как модели реализации в языковой форме ее базовых смысловых компонентов.

Основным языковым показателем «базовости» того или иного смыслового элемента (сема) можно, на наш взгляд, считать его наличие на разных (всех) уровнях организации лексической семантики — уровне лексического значения (ЛЗ), мотивационного (М), а также внутренней формы (ВФ) (мотивационное значение рассматривается нами как признак номинации, взятый в отвлечении от денотативных характеристик означаемого, и как связующее звено между внутренней формой и лексическим значением (означаемым); так понимаемые внутренняя форма и мотивационное значение соотносятся друг с другом как денотат и сигнификат производящего значения). Ср., например:

– перцептивный компонент — зрительное, реже слуховое восприятие исчезающего или исчезнувшего: ЛЗ — литер.

*исчезать*₁ ‘становиться невидимым, незаметным; скрываться, пропадать’, ‘переставать слышаться, ощущаться, чувствоваться’, *пропадать*₁ ‘переставать быть видимым, доступным зрению; исчезать из виду’, ‘переставать быть слышимым, доступным слуху’; ВФ — литер. *исчезать из глаз* (из вида), *меркнуть* ‘терять силу, ясность, отчетливость (о мыслях, сознании, способностях и т. д.)’, *исчезать*₂; М — разг. *нырять* ‘исчезать из виду, быстро войдя, въехав куда-л., скрывшись среди кого-, чего-л.’;

– пространственный компонент — изменение местонахождения объекта: ЛЗ — разг. *исчезать* ‘быстро или незаметно уходить, улетать, удаляться’; ВФ — арх. *выйти* ‘кончиться, перестать существовать’, ‘утрачиться, исчезнуть’, *вылететь* ‘исчезнуть, пропасть’ (*У меня не только мудрость, а и хитрость вылетела; У меня фсе брюхо вылетело* [похудел]); М — волог. *опрахотиться* ‘исчезнуть, пропасть’ (*Куда это они опрахотились?*), ср. значение ‘упасть’ у того же глагола; устар. *пасть во прах*, книжн. *повергаться в прах*;

– бытийный компонент — физическое прекращение существования: ЛЗ — литер. *исчезать*₂ ‘переставать существовать’, *пропадать*₂ ‘переставать существовать, утрачиваться’, ‘умирать преждевременно; прекращать существование (вследствие какого-л. несчастия, насильственной смерти)’; ВФ — *раставать* ‘расходиться, рассеиваться; переставать существовать’ (*Зачем все это, когда от Москвы до Вязьмы без сражения растаяла одна треть этого войска?*); М — арх. *выбыть* ‘исчезнуть, перестать существовать, перевестись (о предметах и живых существах)’.

В этих примерах указанные смысловые компоненты представлены не на всех или только на одном уровне лексической семантики, что, собственно, и позволяет разграничивать сами уровни (внутренней формы и мотивационного значения) и базовые компоненты на них (некоторые из воз-

можных причин несовпадения базовых компонентов на разных уровнях рассматриваются нами в статье [1: 458–459]). Однако у большинства единиц анализируемого лексико-семантического поля смысловые компоненты разных уровней совпадают, а при совпадении компонентов на уровне внутренней формы и мотивации дифференцировать эти два уровня проблематично — только по степени их абстрактности / конкретности. Сводные данные о дистрибуции базовых компонентов для приведенных примеров даны в сле-

дующей таблице (при невозможности дифференцировать внутреннюю форму и мотивацию соответствующие ячейки объединяются). В примерах 1–3 наблюдается тематическая соотношенность лексического значения и внутренней формы или лексического значения и мотивации, в примерах 4–9, наоборот, лексическому значению противопоставлены соотносящиеся друг с другом внутренняя форма и мотивация, в остальных случаях (10–13) тематически объединены все составляющие.

№	Лексема	Уровни лексической семантики, тематические сферы		
		лексическое значение	внутренняя форма	мотивационное значение
1	<i>нырять</i>	пространство	пространство	перцепция
2	<i>исчезать</i> ²	пространство	<i>бытие</i>	пространство
3	<i>исчезать</i> ¹	перцепция	<i>бытие</i>	перцепция
4	<i>раставить</i>	пространство	<i>бытие</i>	бытие (+ пространство)
5	<i>пропадать</i> ²	<i>бытие</i>	пространство	пространство
6	<i>выйти</i>	<i>бытие</i>	пространство	пространство
7	<i>вылететь</i>	<i>бытие</i>	пространство	пространство
8	<i>меркнуть</i>	<i>бытие</i>	перцепция	перцепция
9	<i>пропадать</i> ¹	перцепция	пространство	пространство
10	<i>исчезать</i> ³	<i>бытие</i>	<i>бытие</i>	<i>бытие</i>
11	<i>выбыть</i>	<i>бытие</i>	<i>бытие</i>	<i>бытие</i>
12	<i>опраخотиться</i>	пространство	пространство	пространство
13	<i>исчезать из вида</i>	перцепция	перцептивный	—

Для иллюстрации смысловых компонентов на уровне лексической семантики мы привели значения глаголов *исчезать / исчезнуть*, *пропадать / пропасть*, которые, несмотря на их многозначность, можно считать доминантами выстраиваемого ряда синонимов на том основании, что и в словарях литературного языка, и тем более диалектных именно они используются в толкованиях синонимичных им глаголов — см., к примеру, выше *выбыть* ‘исчезнуть, перестать существовать, перевестись (о предметах и живых существах)’, *меркнуть* ‘терять силу, ясность, отчетливость (о мыслях, сознании, способностях и т. д.)’, *исчезать*. Наличие бытийной, перцептивной и пространственной составляющих в семантической парадигме глаголов *исчезать*, *пропадать* можно считать еще одним (дополнительным) показателем «доминантности» самих составляющих.

Вместе с тем многозначность *исчезать*, *пропадать*, во-первых, ведет к тому, чтобы рассматривать отношения между ними и их коррелятами в литературном языке и говорах, выходя за рамки синонимического ряда в область полевых структур, во-вторых, побуждает выделять в выстраиваемой интерпретационной модели еще один уровень — уровень внешней, в терминах С. М. Толстой, или «правой», мотивации, хотя очевидно, что у лексем с абстрактной семантикой этот тип мотивации будет развит слабее. Для *исчезать*, первым, основным значением которого считается ‘переставать существовать’, можно, соответственно, посту-

лировать наличие уже на уровне внешней мотивации пространственного и перцептивного компонентов; для *пропадать* — при основном ‘исчезать неизвестно куда, быть неизвестно где’ — бытийного и перцептивного (ср. также разг. *пропадать* ‘уйдя, удалившись, не появляться где-л.; отсутствовать’).

Если попытаться логически обосновать выделение базовых компонентов языковой семантики, то можно обратиться к анализу внеязыковой ситуации, являющейся по сути объектом номинации: ее познание номинирующим субъектом осуществляется через зрительное или слуховое восприятие и осмысливается в бытийных категориях (наличие — отсутствие чего-л., жизнь — смерть, бытие — небытие) и пространственных (изменение местонахождения в реальном (здесь и сейчас) или виртуальном (бытия вообще) пространстве). От условий ситуации (субстанциональных свойств исчезнувшего, его локализации в пространстве, наличия наблюдателя) зависит содержание этих универсальных когнитивных структур, степень участия в номинации и способы их языкового выражения.

Литература

1. Феоктистова Л. А. Мотивационная модель «перемещение в пространстве» в лексико-семантическом поле «пропасть, исчезнуть» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2007. СПб., 2007. С. 448–462.

Глаголы социальных отношений в современной художественной литературе (на материале текстов А. Платонова и М. Булгакова 20-х годов XX века)

М. В. Фролова

Урюпинский филиал ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»

m. frolova28@mail.ru

Глагол, семантика, категориально-лексическая сема, интегральная сема, дифференциальный признак

Summary. The paper focuses on the verbs depicting social interaction in the texts of the 1920s by Andrei Platonov and Mikhail Bulgakov. Types of semantic changes in the meaning of word structure in the context are defined. In the course of module changes the categorical-lexical meaning remains but it is lost as a result of derivation.

Жизненный опыт народа, его философия, склад мышления, нравственно-художественный потенциал, патриотизм получают отражение в произведениях русских писателей. Для рассмотрения человеческих отношений в российской обществу 20-х годов XX века, выраженных через тексты художественной литературы, важно проанализировать языковые средства, участвующие в актуализации определенных смыслов. Нами рассматривается реализация семантики глагола в текстах А. Платонова и М. Булгакова. Мы обратились к исследованию глагольной лексики, с помощью которой авторы выражают социальные отношения персонажей в произведениях, с одной стороны, считавшихся долгое время

запрещенными, с другой — являющихся отражением социального строя 20-х годов XX века.

Исследование глаголов социальных отношений в нашей работе проводится в русле подходов, разрабатываемых в НИИ истории русского языка Волгоградского государственного университета. Нами была реконструирована семантическая структура исследуемых глаголов как единство семантических признаков, реализующих общую категориально-лексическую сему (КЛС) ‘социальные отношения’. Это интегральные семы (ИС) ‘характер субъекта’, ‘характер объекта’, ‘характер субъекта’, ‘характер объекта’, ‘характер социальных отношений’, ‘сфера проявления отношений’,

‘способ воздействия на объект’, ‘цель принуждения (т. е. цель воздействия на объект)’, ‘интенсивность принуждения’, ‘способ защиты’, ‘характер помощи’, ‘характер обеспечения’, ‘способ разрешения и запрещения’, ‘характер управления’ [2].

Социальные отношения могут выражаться глаголами в прямых лексических значениях, а также в контексте в смысловой структуре глагольных словоформ возможна перегруппировка семантических признаков. Мы опираемся на положение С. П. Лопушанской о двух типах семантических изменений в смысловой структуре словоформы — семантической модуляции и семантической деривации. Под семантической модуляцией понимается процесс перегруппировки семантических признаков в смысловой структуре слова при сохранении категориально-лексической семы. Под семантической деривацией понимается такое изменение в смысловой структуре слова, которое приводит к изменению категориально-лексической семы, к переходу слова в другую лексико-семантическую группу [1].

В смысловой структуре глаголов социальных отношений отмечены **модуляционные семантические изменения**, которые заключаются чаще всего в изменении семантических признаков, конкретизирующих ИС ‘характер социальных отношений’, ‘сфера проявления отношений’ (часто актуализируются признаки «административная сфера проявления отношений», «бытовая сфера проявления отношений»), ‘способ воздействия на объект’; реже наблюдаются изменения семантических признаков, уточняющих ИС ‘характер субъекта’, ‘характер объекта’, ‘способ разрешения и запрещения’, ‘характер управления’; редко — изменения семантических признаков, уточняющих ИС ‘интенсивность принуждения’, ‘характер помощи’, ‘характер обеспечения’.

Социальные отношения также могут выражаться глаголами других ЛСГ, в смысловой структуре которых в результате **семантической деривации** актуализируется категориально-лексическая сема ‘социальные отношения’. Это глаголы ЛСГ перемещения, физического воздействия на объект, интеллектуальной деятельности, помещения, физиологического действия, социальной деятельности, речевой деятельности, созидательной деятельности поля «действие»; глаголы ЛСГ качественного состояния, функционального состояния поля «состояние»; глаголы ЛСГ владения, взаимоотношения поля «отношение».

При выражении социальных отношений в произведениях А. П. Платонова и М. А. Булгакова наиболее употребительными являются глаголы, в смысловой структуре которых ИС ‘характер социальных отношений (характер обозначаемого глаголом процесса)’ уточняется признаком «принуждение» (*приказать / приказывать, послать / посылать, требовать / потребовать, велеть*), а также признаками «разре-

шение» (*отпустить, разрешить / разрешать, пустить / пустить*), «влияние» (*доказать / доказывать, уверять, внушить / внушать*), управление (*поручить / поручать, руководить, заведовать*). Наблюдается разное употребление некоторых групп глаголов в текстах произведений Платонова и Булгакова: глаголы управления Платонов использует чаще Булгаков, а глаголы разрешения при выражении социальных отношений — Булгаков чаще Платонова, что обусловлено преимущественно разными сферами проявления отношений: у Платонова — общественной, административной, политической; у Булгакова — бытовой. Наименее употребительными являются глаголы поражения, победы, запрещения, обеспечения, подчинения.

В социальных отношениях между людьми в произведениях А. Платонова и М. Булгакова преобладают отношения, связанные с властью над человеком, его подавлением (как личности), на что указывает частое употребление глаголов, в смысловой структуре которых содержатся дифференциальные признаки ‘принуждение’, ‘влияние’. Реже встречаются глаголы, обозначающие помощь человеку, его защиту и поддержку, что также характеризует изображаемую действительность. В произведениях Михаила Булгакова субъектом и объектом обозначаемых глаголами социальных отношений выступают, как правило, конкретные личности, индивидуальности, выраженные обычно именами собственными и личными местоимениями, тогда как в произведениях Андрея Платонова субъектом и объектом отношения часто выступают масса, организация, советская власть, класс и т. д.; субъект при этом выражен именами, обозначающими место проживания, жителей определенной местности, должность, род занятий и т. д.

20-е годы XX века — это переломная эпоха: 1) в это время обостряется вопрос о взаимоотношениях между людьми; 2) это время происходят изменения в самом языке. 20-е гг. XX в. отмечены радикальными изменениями во всех сферах русского общества, изменениями отношений между людьми; значимость этих проблем обусловила обращение к ним разных писателей и, как следствие, активность употребления соответствующих языковых средств для описания человеческих отношений.

Литература

1. Лопушанская С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние / Научн. ред. С. П. Лопушанская. Волгоград, 2000. С. 20–29.
2. Фролова М. В. Глаголы социальных отношений в современном русском языке и литературном тексте // Татищевские чтения: Актуальные проблемы науки и практики: Мат-лы V юбилейной Междунар. науч.-практ. конф., г. Тольятти, 16–19 апр. 2008 г. Волжский университет им. В. Н. Татищева. Тольятти, 2008. С. 288–302.

Из лингвофилософского наследия А. Ф. Лосева: роль энергемы в семантике имени

Е. А. Чагинская

Московский государственный лингвистический университет

melemma@inbox.ru

Энергема, онтолингвистика, семантические дублеты, русский язык, церковнославянский язык

Summary. Aleksej F. Losev’s “Philosophiya Imeni” (“The Philosophy of a Noun”) deals with ontological status of a word, the top point of human evolutionary process. Losev’s conceptual design goes through 67 significant “moments” of word structure. The paper centres on Losev’s term *energema* as one of the basic structural elements of a word. When used as an instrument in analytical process, *energema* may contribute to semantic differentiation of similar words or define more exactly the contextual sense of semantic doublets originated in the Russian / Church Slavonic diglossia.

1. Место энергемы в диалектическом анализе структуры слова

Лингвофилософскому трактату «Философия имени», написанному А. Ф. Лосевым в 1923 году и изданному на средства автора очень малым тиражом в 1927 г., суждено было войти в золотой фонд мировой науки. Языковедению в нем определен чрезвычайно высокий статус, ведь осмысленное человеческое слово венчает собой эволюцию зримых существ. Соответственно, диалектический анализ внутреннего устройства слова есть путь к пониманию всей сложной структуры разумного бытия. Позже для столь масштабного лосевского проекта будет найдено удачное наименование — онтолингвистика [2: 31]. Такая презумпция обуславливает

комплексный характер конструкции слова (имени), в которой А. Ф. Лосев выделяет 67 «моментов». «Моменты» суть этапы анализа, конкретные условия его осуществления, звенья и скрепы логической цепи, однако в ряде случаев под «моментом» подразумевается компонент семантической структуры слова; формальным признаком этой функции может служить наличие у соответствующего термина характерного форманта ‘-эма’ (‘-ема’) со значением «структурный элемент». Одним из таких компонентов семантики слова, обоснованных А. Ф. Лосевым, является энергема, занимающая восемнадцатую ступеньку в шкале «моментов» слова и представленная как общее наименование для нескольких типов энергем — от физической до гиперноэ-

тической. Постольку, поскольку энергема слова обладает всеми свойствами физической энергии, слово есть «...легкий и невидимый, воздушный организм, наделенный магической силой что-то особенное значить, в какие-то особые глубины проникать и невидимо творить великие события» [1: 659].

2. Возможности практического применения учения А. Ф. Лосева об энергеме

1. Как определить энергеме слова? Сам А. Ф. Лосев дает энергеме толкование, которое опирается преимущественно на внутреннюю форму слова. Очевидно, не будет ошибкой сказать, что внутренняя форма слова есть формальное выражение характера энергемы, однако важно сделать уточнение. Согласно концепции А. Ф. Лосева, слово (имя) есть сама вещь, состоящая в разуме и — через переживание звуков, форм, значений слова — предъявленная к дальнейшему разумению. Слово «переживание» мыслитель выделяет, чтобы показать, что не наблюдение, не интроспекция,

<i>др.-греческий</i>	<i>латинский</i>	<i>русский</i>
<i>ἀλήθεια</i>	<i>vērītās</i>	истина
<незабываемое>	<предмет веры, доверия>	<то, что есть; наличность >
правда; справедливость; действительность	истина, правда; прямота, честность, искренность, справедливость	правда; все, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть

Третья строка таблицы содержит толкование характера энергем; нижняя строка — толкование лексем (словарные значения), приводимое двуязычными и толковым словарями. Сопоставление позволяет сделать вывод: группы словарных значений существенных отличий друг от друга не содержат, но предметное содержание (истина), общее для трех народов, каждым народом переживается специфично. Эта специфика отражена энергемой, которая, таким образом, выступает как значимый для семантической дифференциации признак. Трогательно, что при переводе текста Нового Завета с греческого языка, для трансляции самоименования — Истина — явленного во плоти (т. е. «данного как наличность») Бога было избрано именно это, бытовое и понятное земледельцам-славянам, слово.

3. Интересный результат дает применение учения А. Ф. Лосева об энергеме слова к феномену семантических дублетов. Последнее наименование нам представляется оправданным для обозначения пар слов (русское и церковнославянское), формальные расхождения между которыми минимальны, семантические же различия варьируют в широком диапазоне от наличия оттеночных значений до семантического противоположения. Словарь, созданный О. А. Седаковой, содержит около 2000 подобных пар [3]. Приведем в качестве примера цитату из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

а именно переживание, сопричастное вхождение в жизнь слова, предлагается им как исследовательский метод.

2. Следует учитывать, что одна и та же предметная сущность на разных почвах переживается по-разному, и каждый народ вступает в специфичные для него отношения с этой сущностью. «Вот я и понимаю, если я грек, истину как незабываемое и, если я римлянин, — как предмет веры и доверия» [1: 754]. Энергемы, свернутые в древнегреческом *ἀλήθεια* (слово с отрицательным префиксом) и латинском *vērītās*, различны: первая равносочетно сочетает в себе объективное (качество вечности) и субъективное (свойство человеческой памяти); вторая — сугубо субъективна, психологична. Дополним приведенные А. Ф. Лосевым примеры русским словом «истина». (NB: согласно Словарю В. И. Даля, *истина* — то, что есть на самом деле; наличность, т. е. не оборотное или долговое, а действительное достояние. Подтверждающее сопоставление с др.-польск. *iścina* ‘капитал, наличные деньги’ дает и М. Фасмер; см. также сопоставление «исто» с латинским *justum* в Словаре Н. К. Рамзевича.)

Вы — атеисты?!

Да, мы — атеисты, — улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал, рассердившись: «Вот прицепился, заграничный гусь!»

Ох, какая прелесть! — вскричал удивительный иностранец и завертел головой, глядя то на одного, то на другого литератора.

Значение русского слова «прелесть» вполне понятно; церковнославянское слово, формально схожее с русским, толкуется как ‘обман’, ‘обольщение’, ‘усвоение лжи, принятой за истину’. Внутренняя форма у этих слов общая, общая и энергема. Последнее обстоятельство обуславливает нередкое появление у русского слова в речи имплицитно выраженного противоположного смысла даже тогда, когда подобное «совмещение значений» не выступает в качестве художественного приема, как в нашем примере, а является непреднамеренным. Подобный эффект мы отмечаем и в употреблении других семантических дублетов.

Литература

1. Лосев А. Ф. *Философия имени* // Лосев А. Ф. *Бытие — имя — космос* / Сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1993. С. 613–801.
2. Постовалова В. И. «Философия имени» А. Ф. Лосева и подступы к ее истолкованию // Лосев А. Ф. *Философия имени*. М., 2009. С. 29–78.
3. Седакова О. А. *Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы*. М., 2008.

Языковые аспекты в синестезии познавательной деятельности человека (на материале русского языка)

Л. А. Чижова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

lachizhov@yandex.ru

Когнитивная картина мира, семантическое поле, синестетическая метафора

Summary. This report analyses different kind of human sensations at construction of cognitive picture which are represented in seven Russian language semantic fields, and also analyses features of using synaesthetic metaphors in cognitive activity of Russian person.

В процессе познавательной деятельности человек получает информацию по основным пяти каналам — слуховому, зрительному, тактильному, обонятельному, каналу вкусовых ощущений, что отражается в соответствующих семантических полях, а также преобразуется в рамках особого семантического поля, выражающего знания, представления человека — описание формирования представлений человека о действительности см., например, в работе Р. И. Павленца [7]. Наша задача, во-первых, сопоставить степень разработанности подобных семантических полей в русском языке для выделения центральных и периферических компонентов и, во-вторых, рассмотреть типы межполевого взаимодействия.

Требование полноты исследования вызвало необходимость обратиться также к паранормальным способностям

человека, включить соответствующее семантическое поле, представленное такими лексемами, как *предчувствие, видение, предсказание*. Таким образом, при изучении познавательной деятельности человека в центре внимания должно оказаться соотношение сознательного, бессознательного и сверхсознательного в процессах восприятия действительности, что выявляется в языковом оформлении возникающих у человека ощущений, представлений, понятий, смыслов.

Особый интерес представляют языковые явления взаимодействия семантических полей: например, в толковании лексемы *чутье* отмечается переносное значение «обостренная способность человека подмечать, угадывать, улавливать, интуитивно понимать что-л.», причем в прямом значении того же слова — «способность животных чуют, обнюхивать, распознавать посредством органов чувств (обыч-

но обоняния)» — фиксируется ситуация восприятия информации с помощью обычного рецепторного канала. Такова частотная модель межполевого взаимодействия (пересечение обонятельного и сверхсознательного).

В исследовании выделяются следующие типы «участников» семиотической ситуации познавательной деятельности человека: 1) субъект познавательного процесса (3 подтипа); 2) объект познавательного процесса (2 подтипа); 3) инструмент познавательного процесса (2 подтипа).

Для описания познавательной деятельности человека описано употребление лексем типа *ощущать, чувствовать, знать*, а также глаголов типа *видеть, слышать, нюхать, вкушать, трогать, предчувствовать*. Поиск примеров для анализа осуществлялся по различным конкордансам, в зависимости от характера запрашиваемой информации [4]; [5]; [6].

Выявлено соотношение универсального и специфического в формировании семантических полей в разных языках. Так, можно утверждать с большой степенью уверенности, что во многих языках семантические поля, отражающие ощущение по зрительному каналу, формируются при учете противопоставления сем «намеренное восприятие» / «ненамеренное восприятие», что, например, отражено в русском языке соотношением лексем *смотреть / видеть*, а в английском *look / see*. Специфическим же, например, в русском языке является тот факт, что при обозначении инструмента восприятия различаются два типа — предложный и беспредложный типы — в зависимости от того, возможно ли осуществление восприятия без соответствующего инструмента (ср. *видеть своими глазами, видеть через микроскоп*, так как в русской картине мира учитывается, можно ли смотреть без глаз или без микроскопа). Но в английском языке действует иная система семантических признаков, что можно продемонстрировать следующими примерами:

А) *смотреть через микроскоп* — *to see through a microscope* (предложное оформление инструмента)

Б) *Он на все смотрит вашими глазами* — *He sees only through your eyes* (беспредложное и предложное оформление инструмента)

Кроме того, английская лексема *see* гораздо в большей степени способна выступать как член семантического поля понимания, интеллектуальной деятельности, чем русская лексема *видеть*. Поэтому стандартные примеры переводных эквивалентов таковы:

Don't you see — Разве вы не понимаете?

He cannot see the joke — Он не понимает этой шутки [2].

Выделение макроконцептов и их основных языковых презентантов, а также изучение прямых и переносных значений

лексем в составе семантических полей выявляют многообразие примеров использования синестетической метафоры [3]. Синестезия представляет собой явление, которое заключается в том, что какой-либо раздражитель, действуя на один орган чувств (например, орган обоняния, или зрения, или слуха), вызывает не только специфичное для данного органа ощущение, но и добавочное ощущение, характерное для другого органа, что отражается в способности лексем, относящейся к семантическому полю одного канала восприятия, использоваться в описании ощущений, которые связаны с другим каналом. Исследование синестетических способностей человека проводилось, в частности, в Национальном институте ментального здоровья США, сканирование мозга синестетов проводят нейрофизиологи Великобритании [1].

Синестезия — явление, распространенное не только в сфере искусства, — оно широко представлено в языковой деятельности человека. Способность к продуцированию языковых форм на основе синестезии приводит к адекватному пониманию таких форм со стороны собеседников в любой коммуникативной ситуации — ср. употребление таких языковых форм, как *тяжелый рок, розовый период творчества, мягкий тембр голоса, жесткий прессинг* и многие другие.

В докладе приводятся многочисленные примеры синестезии, базирующейся на взаимодействии тактильной и вкусовой и других сфер.

Наши исследования показывают, насколько многообразны и частотны метафоры на основе синестезии. Языковая презентация синестезии демонстрирует пластичность психики человека, многосторонность его интеллектуальной деятельности.

Литература

1. АМИ-ТАСС // <http://www.ami-tass.ru/article/13578/5>.
2. Англо-русско-английский словарь типовых фраз и выражений повседневного языка / Составитель: А. Дубровин. Электронная версия словаря: <http://www.ets.ru/cgi-bin/udict>.
3. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990.
4. Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова: <http://www.philol.msu.ru/~lex/main.htm>.
5. Машинный фонд Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН // <http://cfrl.ru>.
6. Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-about.html>.
7. Павленко Р. И. Проблема смысла. Современный логико-филологический анализ языка. М., 1986.

К этимологии русского *подлинный*

Т. В. Шалаева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

koukuk@rambler.ru

Этимология, семантическая модель, истина, подлинный

Summary. The paper considers the etymology of Rus. *подлинный* 'real; original' which is traditionally derived from the word *длина*, although, the language gives some structural and semantic evidences of its relation to the word-family of the verb *лнить*.

В докладе предлагается новая этимология прилагательного *подлинный*. Традиционно оно считается родственным слову *длина*, но при этом реконструируются различные мотивационные модели:

1) производность от существительного *подлинник* 'длинный шест' (от *длина*), обозначавшего орудие пыток, и толкование первичного значения *подлинный* как 'добытый в результате пыток, а потому максимально достоверный (о сведениях)' [5]; [6];

2) образование напрямую от *длина* с мотивацией 'точно соответствующий по длине', ср. ту же словообразовательную модель в *поголовный, попутный* [1]; [3];

3) производность от фиксируемой в старорусских памятниках лексемы *подлина* 'правда' (от *длина*), также имеющей в качестве первичного мотивационного признака соответствие по длине [4].

Но, как представляется, языковой материал дает основания для новой интерпретации происхождения *подлинный*, а именно его связи с глаголом *лнить*. В русских и украинских говорах фиксируются родственные ему лексемы со значениями 'верхний покров линяющего животного или

птицы' и 'кожа под этим покровом'. В частности, среди них отмечаются формы с префиксом *под-*, сходные по структуре с *подлина* 'правда' (например, *подліна, подлінок, подлінь* [2, т. 3: 183]). Вероятно, значение 'кожа под внешним покровом' стало основой для использования производных от *лнить* для обозначения скрытого смысла, истинной сущности, а далее — вообще истинности, соответствия действительности.

В русском литературном языке семантическими параллелями для *подлинный* в данном случае могут служить лексемы *подоплека* 'скрытая, тайная причина чего-л.' с прямым значением 'подкладка одежды на плечах и в верхней части спины' и *подноготная* 'тайные, скрываемые подробности чего-л.', изначально — 'находящееся под ногтями'.

Литература

1. Булаховский Л. А. Деэтимологизация в русском языке // Труды Института русского языка. Т. 1. М., 1949. С. 147–209.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Издание 4-е, репринтное. Т. 1–4. М., 1995.
3. Куркина Л. В. *Подлинный* // Русская речь. 1976. № 2. С. 154–157.

4. Новое в русской этимологии. М., 2002.
 5. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. I–II. М., 1910–1914. Окончание // Труды ИРЯ. Т. I. М., 1949.

6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. 1–4. Изд. 4-е, стереотипное. М., 2003.

Семантическая структура слова как отражение языковой интеграции

А. Л. Шарандин

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

sharandin@list.ru

Языковая интеграция, семантика, грамматика, коннотация, семантическая структура слова

Summary. Integration as studied as a universal principle of describing a linguistic sign. The main types of linguistic integration presented in the semantic structure of a word are considered to be: grammatical integration, semantic (lexical) integration, lexico-grammatical integration.

Анализ определения понятия «интеграция», представленного в различного рода словарях, позволяет выделить следующие основные его признаки: 1) интеграция — это процесс и его результат, который предполагает объединение в единое целое определенных элементов (частей, компонентов); 2) элементы интеграции разнородны и обладают различным рангом (автономностью) в этом единстве; 3) разнородный характер и различная степень автономности обуславливают не только взаимосвязь элементов, но и их взаимодействие друг с другом, что позволяет увидеть определенную упорядоченность и тем самым механизм, определяющий порядок (закономерность) взаимодействия элементов в составе единого целого и формирующий его структуру.

Наиболее наглядно языковая интеграция была представлена в исследованиях на коммуникативно-синтаксическом уровне. Это естественно, поскольку коммуникативная модель (предложение-высказывание) заполнена словами, которые имеют различную степень автономности. С учетом этого, в частности, строятся теории членов предложения и теории актантов. Но при этом в рамках интегративной синтаксической модели данные элементы в своих взаимоотношениях сориентированы на выполнение основной функции языка — коммуникативной.

На наш взгляд, не менее показательным является реализация интегративного принципа как системного на лексическом уровне, ибо данный принцип заложен в слове как языковом знаке по определению. По мнению В. В. Виноградова, «определение лексических значений слова уже включает в себя указания на грамматическую характеристику слова» [1: 18]. Согласно нашему пониманию, **слово** — это субстанционально (фонетически) и грамматически (морфологически и/или синтаксически) оформленный языковой знак коммуникативной системы человека, связанный с отражением, аккумуляцией и выражением предметно-понятийной стороны действительности путем ее называния или указания на нее и участвующий в передаче когнитивно-дискурсивной информации на правах самостоятельного члена предложения-высказывания расчлененного (членимого) типа [2].

В этом определении важно отметить, что интеграция, представленная в слове (лексеме), имеет, в принципе, когнитивный характер, поскольку за составляющими лексемного интегративного единства стоят определенные типы знаний, которые объективируются в языке посредством компонентов семантической структуры слова. **Интегративное единство** — это, в сущности, единство, создаваемое взаимодействием двух типов концептов: во-первых, связанных со знаниями, полученными в результате отражения действительности, и, во-вторых, связанных со знаниями языковой системы, используемой в качестве средства познания этой действительности, со знаниями языка как объекта действительности. Поэтому интегративность как результат процесса интеграции предполагает согласование языковых знаний со знаниями о действительности. При этом языковые знания чаще всего обусловлены реальными знаниями, если имеются в виду взаимосвязь и взаимодействие лексических и грамматических значений в структуре слова. Но если иметь в виду, что лексические и грамматические части слова, связанные с объективацией соответствующих значений, сами являются не одномерными, а многомерными, то в их структуре также можно наблюдать ин-

тегративные единства, создаваемые взаимодействием языковых компонентов в структуре этих частей. Поэтому следует выделять различные **типы языковой интеграции в рамках слова**.

1. **Грамматическая интеграция.** Она осуществляется в грамматической части слова, представленной формообразующими аффиксами, и отражает концептуальную совместимость или несовместимость грамматических значений (ср. совместимость грамматических значений изъявительно-наклонения и времени и несовместимость грамматических значений повелительного наклонения и времени).

2. **Семантическая (лексическая) интеграция.** Она объективируется основой слова и отражает концептуальную взаимосвязь предметно-понятийного и коннотативного компонентов семантической структуры слова, которые разнородны и имеют различный языковой статус в этой структуре: предметно-понятийное значение является обязательным и самодостаточным для образования слова, а коннотативное значение — дополнительным и факультативным, что обуславливает его имплицативную связь с предметно-понятийным компонентом. В функциональном отношении коннотация, на наш взгляд, «обслуживает» (и в этом смысле оформляет, как и грамматика) предметно-понятийное значение с целью передачи информации через «чувство-отношение» говорящего к обозначаемой действительности. Противопоставление собственно лексического и коннотативного значений обусловлено их различной природой в системе типов знания, которое в семантической структуре слова объективируется разными компонентами. Эти компоненты в рамках основы слова демонстрируют либо их концептуальную совместимость, либо несовместимость (ср. концептуальную совместимость, например, коннотативного значения эмоциональности с идеографической сферой «человек» и несовместимость данного значения с терминологическим содержанием понятий).

3. **Лексико-грамматическая интеграция.** Она представлена в процессах и результатах объединения двух разнородных значений — лексического и грамматического, которые объективируются основой слова и его грамматической частью. При этом мы имеем два уровня представления языковой интеграции в семантической структуре слова: на уровне одной части речи — внутривидовая интеграция и на уровне взаимодействия двух частей речи — межвидовая интеграция. В первом случае результатом интеграции являются лексико-грамматические разряды той или иной части речи, а во втором — наличие особых (гибридных) форм, концептуализирующих действительность через языковую призму взаимодействующих частей речи, что позволяет говорить об особом когнитивно-дискурсивном характере этих образований.

В докладе на конкретном языковом материале анализируются выделенные интеграционные единства в семантической структуре слова, что позволяет прийти к выводу о правомерности рассмотрения языковой интеграции в качестве **универсального** принципа описания слова как языкового знака.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
 2. Шарандин А. Л. Слово в аспекте знаковой теории языка // Слово и предложение: исследования по русскому языку и методике преподавания. СПб., 2007.

Системная омонимия в русском языке XI–XVII вв.

И. А. Шелкова

Институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва)

ishel@mail.ru

Лексические омонимы, омоформы, омографы, возникновение, историческая судьба

Summary. This report is dedicated to the phenomenon of homonymy in the Russian language of the XI–XVII centuries. The origin and historical fate of the homonyms of different types (lexical homonyms, homographs, homoforms) is investigated.

В русском языке XI–XVII вв. были представлены омонимы разных типов: лексические омонимы (*грохотъ*¹ ‘шум’ и *грохотъ*² ‘решето’), омоформы (*вступи*^{1–2} — формы аориста 2 и 3 л. ед. ч. от *вступити*, *вступи*^{3–4} — формы повел. накл. 2 и 3 л. ед. ч.), омографы омонимного и омоформного характера (*замокъ*¹ ‘устройство для запираания двери’ и *замокъ*² ‘дворец’; *буди*^{1–2} от *быти* и *буди*^{1–4} от *будити*). Констатировать факт наличия омоформ и изучать их весьма сложно, так как до падения редуцированных качественной редукции гласных не было, все согласные произносились четко, а длительность пауз между словами вряд ли может быть установлена точно.

Лексические омонимы и омографы омоформного характера

Разграничение лексических омонимов и омографов затруднено тем, что не всегда возможно однозначно определить место ударения в словах (*временникъ*¹ ‘летопись’ и *временникъ*² ‘человек, временно облеченный властью, временно пользующийся льготами, привилегиями’: место ударения во втором слове нельзя установить точно, потому что оно не сохранилось в современном русском языке). В связи с этим целесообразно ввести понятие **гиперомографы** — слова, в которых место ударения не установлено или не может быть установлено. Несмотря на это, можно утверждать, что лексические омонимы были распространены шире, чем омографы омонимного характера. И те и другие чаще всего возникали в результате словообразовательных процессов (*вѣчный*¹ — прил. к *вѣкъ*, *вѣчный*² — прил. к *вѣко*, *вѣчный*³ — прил. к *вѣче*; *выходити*¹ — несов. к *выйти* и *выходити*² — 1) ‘обойти все’; 2) ‘собрать в результате выхода’).

Омоформы и омографы омоформного характера

Очень широко были представлены омоформы, заметно меньше распространены омографы омоформного характера. В большинстве случаев омонимичны были формы однокоренных слов, гораздо реже встречались случайные совпадения. Большая часть омокомплектов возникла в результате омонимии флексий (*замерзну*^{1–3} — формы аориста 2 и 3 л. ед. ч. и 1 л. ед. ч. прост. буд. вр. от *замерзнути* — 1) ‘покрыться льдом’; 2) ‘сильно озябнуть от мороза’); реже причиной их появления была конверсия (*дворский*, прил. ‘дворовый’ и *дворский*, м. ‘должностное доверенное лицо феодала’). Чаще всего источником омонимии форм одного слова или разных слов становились грамматические категории двойственного числа и аориста, специфические для грамматики русского языка рассматриваемого периода. Есть основания предполагать, что омонимия форм наряду с развитием представлений о единичности — множественности предметов и о прошедшем времени явилась одной из причин исчезновения этих категорий из языка.

Историческая судьба омонимов

Историческая судьба омогрупп (то есть групп лексических омонимов или омографов омонимного характера) могла быть различной:

- **сохранение:** *забитися*¹ ‘спрятаться’ и *забитися*² ‘начать биться, метаться’ — оба омонима присутствуют в русском языке на современном этапе;
- **расширение:** *волчокъ*¹ — уменьш. к *волкъ* и *волчокъ*² ‘юла (игрушка)’; в современном русском языке наряду с этими омонимами представлены следующие: *волчок*³ (разг.) ‘отверстие в двери тюремной камеры для наблюдения за заключенным; глазок’, *волчок*⁴ (сад.) ‘побег, вырастающий на старом стволе растения’, *волчок*⁵ ‘народное название некоторых растений и животных’, *волчок*⁶ — уменьш. к *волк*² ‘машина для приготовления торфяной подстилки’;
- **сужение:** *затопити*¹ ‘разжечь топливо, затопить’, *затопити*² — 1) ‘залить, покрыть водой, затопить’; 2) ‘заставить погрузиться в воду, потопить’ и *затопити*³ ‘заварить’ — в современном русском языке третий из этих омонимов отсутствует;
- **замена:** *запускъ*¹ ‘заговенье’ и *запускъ*² ‘один из способов бега лошади’ — в современном языке вместо этих омонимов представлены *запуск*¹ — действие по глаголу *запускать*¹ ‘заставлять подняться в воздух’ и *запуск*² — действие по глаголу *запускать*² ‘оставлять без внимания, надзора’;
- **разрушение:** *грешный*¹ ‘грешный’ и *грешный*² ‘гречневый’ (ср. *гречный*) — первый из этих омонимов сохранился в языке, второй исчез;
- **исчезновение:** *бѣдити*¹ ‘убеждать, уговаривать’ и *бѣдити*² ‘мучить, причинять вред’ — ни первое, ни второе слово не представлено в современном русском языке.

Чаще всего омогруппы подвергались разрушению; на втором месте стоит исчезновение. Таким образом, система омонимов русского языка с течением времени заметно изменилась.

Говоря об исторической судьбе омоформ, следует рассматривать не отдельные слова, формы которых совпадали, а те или иные типы совпадающих форм.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка. / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2008.
2. Малаховский Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии. Л., 1990.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуски 1–5. М., 1975–1978.
4. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–4. М.; Л., 1948–1955.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 2004.
6. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1999.